ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 8
АВГУСТ
1936

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Валерий Павлович Чкалов, Герой Советского союза, славный начальник самолета „АНТ-25“, совершивший со своими товарищами героический беспосадочный перелет Москва—Северный ледовитый океан—Земля Франца-Иосифа—Мыс Челюскин—Петропавловск на Камчатке—Николаевск на Амуре.

Героям сталинского маршрута—пионерский привет!

СЫН МОНГОЛИИ

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Б. Лапин, Л. Славин и З. Хацревин *Рис. В. Цельмера*

В самой середине азиатского материка лежат две Монголии. Нельзя их путать.

Одна — Внешняя Монголия, или Монгольская народная республика. Это — независимое государство свободных монголов, революцией отвоевавших себе самостоятельность у Китая. Здесь правит народ, здесь нет нищеты.

Крепкая армия, созданная этим народом пастухов, зорко охраняет границы республики.

И есть от чего! По ту сторону границы бродят японские отряды, которые давно зарятся на счастливую и богатую страну. Несколько раз они даже нападали на нее, но монгольские пастухи, ставшие у пушек и пулеметов, оседлавшие танки и самолеты, отбрасывали захватчиков назад.

Наш Советский союз дружит с Монгольской народной республикой и однажды — это было в 1921 году — помог ей прогнать из своих пределов банду японского наемника — барона Унгерна. А если будет нужда, поможет ей вновь.

Но есть и другая Монголия, бедная и угнетенная, которую обычно называют Внутренней Монголией, или Чахаром. Здесь правят монгольские князья, процветают буддийские монахи, богатеют китайские купцы и хозяйничают японские офицеры. Народ же нищ и закрепощен.

Наша сказка начинается во Внешней Монголии, продолжается во Внутренней и кончается опять во Внешней.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

По старой монгольской дороге, прихрамывая, бежал грузовик.

Это была дряхлая машина, со смятыми крыльями и разбитым фонарем. Передний буфер был подвязан веревкой. Колеса шатались. Мотор чихал и хрипел как простуженный человек.

Кузов автомобиля был набит ящиками и тюками, а поверх груза сидело пять пассажиров. На вид они были настоящие провинциалы: в широких меховых шапках и ватных кацавейках, а один из них отрастил на затылке длинную косу, по давно забытой китайской моде.

Странно было смотреть, как они смешно цеплялись за ящики, а порой и друг за дружку, чтобы не упасть на землю.

Однако они чувствовали себя не так плохо, как это казалось. За восемь дней пути, разделяющих далекий город Кобдо от середины Монголии, они столько испытали дорожных неудобств, что лишний синяк был для них просто удовольствием.

Старый пассажир, из племени баргутов, сидевший спиной к кабинке шофера, пытался даже читать газету и время от времени делился новостями с соседом.

Да, несмотря на ужасную тряску пассажирам удавалось поддерживать оживленный разговор.

— Прекрасная погода, — говорил толстый северянин, взлетая как мяч.

— В этом году отличное лето, — отвечал ему дубильщик шкур, любивший при случае обнаружить хорошее воспитание.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивал третий.

— В этом избиении есть одно достоинство — быстрота! — воскликнул четвертый и, не договорив, провалился в ящик с макаронами.

— Ах, я лежу на чем-то слишком выпуклом! — пискнул маленький скромный пассажир, сидевший в углу, и сделал обиженное лицо.

— Советую вам перейти на мешок со шляпами. В дальнем путешествии нет ничего лучше, как лежать на фетровых шляпах, — сказал ученый баргут, оторвавшись от своей газеты, которую он, впрочем, держал вверх ногами (во время долгой дороги он успел заучить ее наизусть).

Он был баргутом, родом из племени баргутов, из области Барга, из селения Барганур.

Вот так, трясясь и разговаривая, пассажиры ехали по дороге, с каждым часом приближаясь к столичному городу Улан-Батору. Шофер Амоголан гнал машину напрямик, не обращая внимания на опасные ухабы. Он лениво развалился на сиденье. Прямые черные волосы падали ему на глаза. Левой рукой он оперся о дверцу, правой небрежно вертел баранку руля. Он считал, что в этом и состоит истинное искусство шофера.

Тонким, тонким голосом Амоголан напевал следующую песню:

«Ах, я еду по дороге в город на границе,
Ах, оттуда я поеду в Улан-Батор-город!
Вот за этой горой живет девушка Дулма
Ах, я еду по дороге,
Но она меня не видит!»

Он вел машину и весело пел, поглядывая на ухабы, потому что несмотря на свое легкомыслие он был настоящим монголом, а монгол не боится ничего на свете.

И все пассажиры потихоньку подпевали ему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Трах! Машина внезапно остановилась.

Пассажиры как горох посыпались вниз.

Шофер тщетно наддавал газу и переводил скорости: колеса застряли в вязкой глине.

Он неохотно покинул свое место.

— Застряли, — проворчал он, соскакивая.

А его пассажиры печально повторили:

— Мы застряли, почтенный шофер.

— Придется ночевать, если не починим, — сказал шофер.

— Придется ночевать, — покорно повторили пассажиры, вежливо хлопая себя по штанам. Да ничего другого им и не оставалось делать!

Как вдруг — гарам-барам! — на дороге раздалось звяканье бубенцов

Все обернулись.

Из придорожной канавы вылез бродячий монах, подымая пыль своим длиннополым халатом.

Это была старая, но еще довольно бодрая развалина с маленьким безбровым лицом, на котором долгие годы служения Будде прорыли глубокие линии: морщины лукавства и угодничанья пересекались на нем самым уморительным образом. Он так много шатался по дорогам, что все его знали.

— Возьмите меня с собой, — сказал бродячий монах, — довезите меня до почтовой станции Чороты с ее превосходным трактиром. Мне давно уже снится эта уютная корчма. Я отощал, странствуя в степи. Вы думаете, легко проповедывать учение Будды, не имея коня или хотя бы велосипеда?

Произнося эту речь, старый монах с необыкновенной ловкостью взобрался на машину и растянулся поверх груза, на мешке. Он продолжал еще бормотать клятвы и прибаутки на монастырский лад, но его никто не слушал.

Все были заняты по горло.

Дубильщик овчин таскал воду из колодца к радиатору, бурлившему как чайник на огне.

Молодой монгол с обиженным лицом влез под машину, работая домкратом, и оттуда торчали только его ноги, имевшие также обиженный вид.

Трое пассажиров, обливаясь потом, вертели заводную ручку.

Что касается ученого баргута, то он стоял рядом с шофером и беспрерывно подавал советы. Ведь как-никак, а он не даром выучил наизусть весь номер газеты и однажды чуть не сгорел во время большого пожара в Харбине! Он считал себя опытным человеком, но тут уж приходилось верить ему на слово.

Не легкое дело — пускать в ход грузовик, решивший внезапно остановиться в пустыне. Трудно переспорить шестиколесного упрямца, если вдруг он решит окончить свой век там, где ему вздумается.

Заливай в него, сколько хочешь бензину и воды, сдабривай его маслом, ворочай без конца старую коробку скоростей — он, знай себе, пофыркивает да пускает в нос жирную струю дыма. Остается только ждать почтового автокара (с государственным гербом на боку: две рыбы, чаша, лотос и пламя), раз в трое суток пробегающего по дороге из Кобдо. Из кабинки автокара выходит механик, забрасывает на буфер проволочный канат и, вынув из акуратного мешочка набор торцовых ключей, быстро исправляет машину.

Что за превосходные ребята — эти шоферы Монгольской народной республики! Славные парни! Они научились управлять машиной не хуже чем своими горячими низкорослыми конями, а ведь машина — вещь более тонкая чем степная лошадка, только и знающая, что жевать траву да перебирать ногами.

— Потише, потише! — крикнул монах, которого вдруг сильно тряхнуло.

В машине что-то загрохотало, и она пошла, словно ей наскучило долго стоять в степи.

После этого маленького приключения пассажиры расселись по местам и принялись рассматривать нового спутника.

— Я Бадарчин, — представился монах.

— Вам очень повезло, — сказал ему дубильщик шкур, по своему обыкновению выбирая слова, приятные для собеседника, — вы облегчите труд ваших почтенных ног, сидя в машине. Но и нам повезло, господин Бадарчин.— добавил он, улыбаясь еще приятнее.

— Экая невидаль трястись на вонючих овчинах в старом грузовике! — грубо ответил монах. — И вообще, — добавил он, оглядывая всех своими маленькими бегающими глазками, — неизвестно, едем мы или стоим.

— Однако этот куст уходит от нас, — сказал дубильщик и поглядел на товарищей.

Действительно, старый грузовик несся во всю прыть. Холмы и скалы, попадавшиеся навстречу, мелькали, кружились и приседали.

— Нас обгонит и суслик, — сказал странствующий монах, презрительно фыркнув. — Ох, братцы, поездили бы вы с мое на драконах и змеях, — вы бы узнали, что такое настоящее путешествие! С'ездил я однажды из Китая в Тибет. Вот была скорость! Вы не успели бы за это время и трубки выкурить!

После этих слов наступило неловкое молчание.

Не замечая этого, монах продолжал рассказывать. Он болтал о деревьях, покрытых овечьей шерстью, о маленьком человечке, величиной с палец, о юноше-иноходце и о других, столь же необыкновенных вещах.

Нечасто встретишь в наши дни такого лгуна и пролазу!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

До Чорот оставалось не более пяти километров. Человек с хорошим зрением мог бы заметить вдали три дереза, надмогильный знак и бензиновую колонку. По мере приближения к жилому месту в степную дорогу вливались десятки тропинок, из которых самая большая была не шире колеи. На земле попадались большие масляные пятна, свидетельствовавшие о бойком автомобильном движении.

Поровнявшись с высоким холмом, покрытым до самой вершины колючими травами, Амоголан вгляделся в даль: что-то далеко на дороге поразило его.

Он начал прихорашиваться перед зеркальцем обратного вида, висевшим на раме стекла, причесался и смазал волосы автомобильным маслом, доставая его из жестянки. Затем он извлек из-под подушки фетровую шляпу и водрузил ее на голову.

Всякий раз, проезжая по этим местам, Амоголан останавливал машину в ущелье Серой воды. Здесь пасла овец девушка Дулма, которая ему нравилась.

Но далеко не всегда удавалось Амоголану встретить ее Дулма гоняла своих овец где придется, и, часто заслышав о том, что близ Цецерлика выросла жирная трава, девушка в одну ночь снималась с места. Раз, два! — бычки подвязаны, повозки нагружены, а юрта с ее войлочными стенами и толстым деревянным полом в одно мгновение разобрана умелыми руками пастушки. Уж в этом Дулме не было равных!

Впрочем, если бы какой-нибудь ретивый поклонник вздумал поискать ее возле Цецерлика, то могло бы случиться, что он не нашел бы ее там. Услышав в дороге, что возле Лун-Уола третий день идет теплый луговой дождь, она сворачивала туда, и за ней молча бежало все ее четвероногое имущество.

И только передний бык, по имени Сарлык, недовольно помахивал головой: «Ох, уж эти мне хозяйские капризы!» Однако, когда молодые, неопытные бычки, заупрямившись, ломали оглобли, то Сарлык умел их приструнить. Не даром он целых полгода мотался в пограничном обозе, таская воду для солдат монгольской народной армии. Он терпеть не мог беспорядка.

Но на этот раз Амоголану повезло: на вершине холма паслось стадо любимой девушки.

Амоголан остановил машину в ущелье и, придерживая шляпу, побежал, что было сил по склону холма.

Грузовик остался стоять посередине дороги.

— Мы приехали, мы приехали! — закричал, проснувшись, дубильщик овчин и огляделся по сторонам. — Где мы, друзья?

Он толкнул в бок ученого баргута.

— Да это Улан-Батор! — сказал баргут, протирая очки.

В сущности, он еще спал, и Улан-Батор ему только снился.

— Амоголан! Амоголан! Он покинул нас!

Один за другим пассажиры соскочили с грузовика.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда Амоголан бежал по склону холма, из дверей автомобильной станции Чороты вышел человек в ватной кофте и в ситцевых шароварах. Звали его У-Цзян-Лян-Ю-Синь-Фа, но мы его будем называть просто Синь-Фа: все равно он об этом не узнает!

Он был не из тех китайцев, которые приезжают в Монголию работать, а из других, которые приезжают в далекие страны наживаться и плутовать. Вся его одежда была смесью европейского и китайского, городского и деревенского, черного и белого. Он был важен и очень нравился самому себе. Рабочие на станции Чороты, где он был хозяином буфета, о нем думали иначе. Синь-Фа поминутно кричал на рабочих:

— Эй, Гомбо, перетащи под навес мешки с углем! Как бы птицы не склевали его!

— Иди сюда, Бадма. Где прогнивший рис? Сегодня предвидится много проезжих.

Больше всего на свете Синь-Фа любил корчить из себя начальника. Однако его никто не боялся. Даже маленькие дети, возвращавшиеся из школы с грифельными досками подмышкой, говорили, толкая друг друга:

— Что это за павлин?

И потешались над его глупым видом.

Считая, что он уже достаточно поработал и всюду навел порядок, Синь-Фа вышел за ворота станции, чтобы отдохнуть и полюбоваться природой.

Внезапно он вздрогнул. Перед ним была красавица Дулма.

Ну, не так уж, чтоб совсем перед ним, а на вершине холма. Но это была она, потому что ни у кого другого в Чоротах не было такой красивой белой лошади.

Тут Синь-Фа схватил свой велосипед, стоявший у ворот станции, и во всю мочь покатил по дороге.

Овцы врассыпную бежали от велосипеда. Удирали верблюды, показывая мозолистые подошвы. А китаец мчался все быстрей, мимо школы, мимо бензиновой колонки, мимо амбаров с горючим, огибая телеграфные столбы, пугая мохнатых, страшных яков и рослых собак, оглядывающих друг друга с недобрым спокойствием.

Вот как обстояло дело с шофером Амоголаном и с буфетчиком Синь-Фа. Но был еще и третий, едва ли не самый главный герой нашего рассказа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Возле южного выхода из ущелья Серой воды скакал по степи пастух по имени Цевен. В руках он держал длинную палку с петлей — монгольское лассо. Он гонялся за свободно пасущимися лошадьми.

Под ним был прекрасной масти вороной конь-бегунец с белой отметиной.

Цевен был малоизвестным пастухом из местности, называемой Чороты. Он был больше толст, чем худ, скорее добр, чем зол и очень любил слушать певцов и бродячих сказочников.

В этом не было бы еще ничего плохого, если бы их сказки не вскружили голову честному пастуху и он не вообразил себя богатырем наших дней. А так как при своей доброте Цевен был очень вспыльчив, то он терпеть не мог никаких возражений.

Чуть что — он спрыгивал с коня и ввязывался в борьбу. Обыкновенно он побеждал противника, так как был здоровым малым, но эти победы не утешали Цевена. Он не находил удовольствия в том, чтобы швырять наземь окрестных монахов и плечистых чиновников трансмонгольского телеграфа. Нет! Ему подавай ведьм, злых духов, горных чертей и тому подобную сказочную нечисть.

Все сверстники Цевена давно уже занимались делом: кто учился на ветеринарных курсах, некоторые стали шоферами и механиками, другие работали на кожевенном заводе в Улан-Баторе. Были среди ровесников Цевена летчики и танкисты славной монгольской революционной армии. Были и радисты, кооператоры, министерские служащие, учителя и образованные коноводы. Ведь теперь есть куда податься храброй и деятельной монгольской молодежи!

Но упрямый чудак Цевен все еще мечтал о несбыточных встречах с драконами и золоторукими оборотнями — не менее того!

— Хо, бегунец, вперед! — кричал Цевен, гоняясь за конями.

Он ловко набрасывал петлю и опутывал коням ноги.

Сразу успокоившись, лошади принимались щипать траву.

Только старый караковый жеребец ускользал от цевеновой петли. Це-

вен долго гонялся за ним. Это была для Цевена обычная работа. Он насвистывал гоняясь. Он скакал, слегка накренившись в своем деревянном седле. Круглая, плоская, украшенная лентами шляпа кочевника криво сидела на его добром рябом лице.

А жеребец все еще не давался.

Вот, наконец, петля взвилась над самой головой его.

Тут внезапно Цевен заметил что-то далеко.

Рука его опустилась, и жеребец ускакал.

Даже не посмотрев на него, Цевен слез с Бегунца.

Он приник к спокойно текущей воде Серого ручья, стремясь разглядеть там свое отражение, и неуклюжими движениями начал прихорашиваться.

Он достал из вьюка новую мягкую шляпу и надел ее, немыслимо заломив, а старую, деревенскую, спрятал за пояс и поскакал галопом вверх по склону холма.

Навстречу ему из-за скалы выехал толстый старик. Узнав отца Дулмы, Цевен поздоровался с ним.

— Здравствуй, здравствуй, куда ты? — крикнул Цевен.

— Пробовать новый шанхайский табак в монастыре у племянника. Сто километров на север отсюда. К вечеру вернусь. А ты?

— Поглядеть на твою красивую дочку Дулму! — крикнул Цевен и поскакал по откосу вдоль тракта.

Большой монгольский тракт — это длинная белая дорога через степь, достаточно широкая, чтобы на ней могли разойтись два грузовика. Изредка она обсажена деревьями; то пропадает в речках, то взбирается на гору. В большей своей части по гладкости и твердости грунта она не уступает асфальту.

Здесь встречаются броды, монастыри, кочевья, палатки письмоносцев, стада антилоп, машины, путники, черепа и топографические знаки. На постоялых дворах останавливаются курсанты революционных школ. Скачут отряды монгольской народной армии, с синими звездами на шапках.

По преимуществу дорога пустынна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вот всадница.

Трудно сказать, что Дулма делает здесь, на вершине холма. Ничего особенного. Она просто уединилась посреди необозримой степи так, как русская девушка уединилась бы у себя в комнате перед зеркалом.

Она занята незначительными делами: заплетает косу, грызет конфету, примеряет большие автомобильные очки, смотрит на облако, насвистывает.

В это время с трех сторон, центром для которых служит холм с девушкой, издалека с неравной быстротой катятся клубы пыли.

Амоголан, Синь-Фа и Цевен подкрадывались к холму, не замечаемые девушкой. Они остановились с трех сторон холма и посмотрели друг на дуга без всякого дружелюбия.

Амоголан приветствовал Дулму звуками сигнала.

Вмешался Синь-Фа со своими велосипедными звонками.

Цевен засвистал, старательно сложив толстые губы.

Дулма весело приветствовала всех.

Амоголан выступил вперед.

— Ну, как? — спросил он.

— Никак, — ответила девушка.

— Уже решила?

— Что?

— Со мной.

— Куда?

— В Улан-Батор.

— Зачем?

На вершине холма появилась всадница.

— Жениться.

— Нет.

— Ну что ж, — Амоголан сердито повернулся и пошел к машине.— Оставайся в своей юрте, — пробормотал он, — стриги овец, необразованная девушка.

Все же он не хотел еще сдаваться и, остановившись, сказал:

— Ты могла бы жить в доме с окнами и каменной печью. Там горит электричество: ты нажимаешь кнопку — и зажигается холодный свет.

— Она не нуждается в электричестве. Монголке светло и при луне,— перебил его Цевен.

— Ты будешь гулять по Улан-Батору, — продолжал Амоголан, — это огромный город, он никуда не кочует, даже в плохую погоду. Ты будешь говорить по телефону в черную коробку и слышать мой голос, хотя я буду в это время за два перехода от тебя.

— Это ей не нужно! — крикнул Цевен. — При родителях этого не было и при дедах этого не было.

— А захочешь, — продолжал Амоголан, — пойдешь в большой магазин, купишь чесучу или серьги, или флакон для табака, или маленькие желтые сапоги на резине, или ружье. А если захочешь молиться, — пойдешь в храм Майдари, и там стоит золотой бог Арья-Бало, в которого мы не верим; он

— Эй, девчонка, остановись! — крикнул Омоголан.

огромен как гора, а в руке он держит глаз, величиной с мою голову. А в воскресенье мы пойдем за город и я, быть может, попрошу моего друга-летчика покатать тебя на воздухе, и ты поднимешься выше облаков.

— Люди не могут держаться в воздухе, если они не святые, — упрямо сказал Цевен и, под'ехав к Амоголану, оттеснил его конем.

— Уходи, — сурово сказал он, — и возвращайся в наши места, когда научишься говорить правду.

Цевен и впрямь думал, что телефон — это сказка. Он не доверял слухам.

— Ты простой паренек, — сказал ему Амоголан, — а рассуждение у тебя как у старой монахини.

— Каков есть и иным быть не желаю. Настоящий монгол не нуждается в этих городских выдумках.

— Верно! Дулме не нужен Улан-Батор, — вкрадчиво сказал Синь-Фа, — деревенской девушке не нужен Улан-Батор с его телефоном, который не говорит, с его электричеством, которое не горит, с его самолетами, которые не летают. Гораздо лучше Дулме выйти замуж за Синь-Фа и стать хозяйкой на превосходной дорожной станции. Приятно быть женой умного китайца. Редко такая честь выпадает простой девушке. Она научится ездить на велосипеде, купцы будут ей бесплатно приносить товары...

— Он врет! Он ворует бензин! — крикнул Амоголан и, выхватив из кармана автомобильный сигнал, пустил его в ход.

Если порыться в многочисленных карманах его синего комбинезона, там можно было найти электрические фонарики, болты, шведские ключи, зажигалки и много других полезных вещей. Да, это был запасливый парень несмотря на всю свою ветреность. Наконец-то он заглушил голос Синь-Фа! Только красноречивые губы китайца беззвучно шевелились и злобно топали его ноги.

Теперь Цевен приблизился к Дулме.

— Здравствуй, Дулма, — сказал он.

— Здравствуй, Цевен, — ответила она.

— Попробуй моего табаку, — сказал Цевен, протягивая ей табакерку.

Больше он ничего не мог сказать от смущения.

— Попробуй и ты моего, — сказала курящая красавица. Цевен осторожно взял своими большими руками ее табакерку.

Он набил трубочку и затянулся, изображая на лице вежливое восхищение, но конь его вдруг двинулся, и табакерка упала и разбилась.

— Вот деревянные руки! — крикнул Синь-Фа.

Неудачливый Цевен соскочил с коня и стал собирать осколки. На земле он был гораздо менее ловок чем на коне. К тому же сапоги его были непомерно широки. Бедняга запутался в них и упал.

— Ты хотел что-то сказать Дулме? — предупредительно спросил китаец, делая вид, что он сочувствует Цевену.

— Да, хотел, — ответил Цевен лежа.

— Наверное, ты хотел жениться на ней?

— Да, жениться, — отвечал Цевен.

— Дулма, монгольский богатырь Цевен хочет взять тебя в жены.

Буфетчику было приятно, что его соперник находился в смешном положении.

Эти слова рассердили Цевена. Он был неуклюж, но вспыльчив.

— Да, я богатырь! — крикнул он. — Я вызываю вас всех на борьбу, на скачки, на стрельбу из лука!

Но красивой Дулме надоело слушать пререкания троих женихов.

— Прощайте! — крикнула она, ударила коня и поскакала.

И как хорошо она держалась в седле, если бы вы только знали!

— Эй, девчонка, остановись! — крикнул Амоголан. — Может, мы заживем вместе, а?

Пассажиры грузовика, следовавшие за шофером в отдалении, дружно, но слабыми голосами закричали, пытаясь помочь ему:

— Он красивый! Он красивый! Остановись!

Но Дулме было на это наплевать.

Она любила Цевена и сердилась за это на себя.

Пойми после этого девушек!

Синь-Фа катил на велосипеде обратно к станции, не глядя по сторонам.

Катилась машина по большому тракту.

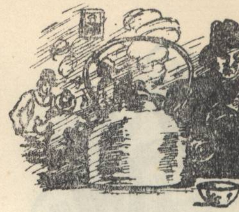
Амоголан, высунувшись из кабинки, оглянулся.

Медленно ехал на Бегунце Цевен. Он был из тех людей, которые только наедине с собой становятся ловкими, смелыми и решительными.

Он снял с седла лук и стрелы — принадлежность своего любимого спорта. Он прицелился и пустил стрелу в сурка, выглянувшего из норы, — сурок пал сраженный. Потом Цевен выстрелил в пролетающего степного орла — орел упал, пронзенный стрелой.

Но никто этого не видел, кроме Цевена. Вот что было обидно!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

По вечерам в дорожной станции Чороты собиралось шумное общество. В низкой большой зале желто горели лампы. Вдоль стен стояли длинные столы и скамьи. В углу, под портретами министров, находилась стойка, за которой хозяйничал буфетчик Синь-Фа.

Здесь можно было выменять сафьяновую уздечку на коробку граммофонных иголок и узнать о ценах на молодых верблюдиц. Можно было услышать новости о жизни других государств и последние слухи о новых японских проделках в Манчжурии и Китае.

Весь цвет Большой автомобильной дороги был здесь. Монгольские шоферы в кожанках, со сдвинутыми на затылок шлемами, сбросив рукавицы, наливали чай из огромного тусклого чайника.

Тут был всякий народ. Ротозеи-монахи слонялись по углам, бряцая четками. Стриженая старуха, посвященная в духовный сан, клянчила у шоферов папиросы. Чужой человек из дальней провинции, деревенщина, подперев толстую щеку кулаком, изнемогал от желания вступить в разговор с шоферами. Он был полон сомнений. Он жил три года уединенно, и за это время набралось много загадок, которые он хотел бы разрешить

Только и слышно было за столами:

— Ринчин, здорово, откуда?

— Из Алтан-Булака. Еду в Улан-Батор.

— Здравствуйте, сограждане!

— Будешь под'езжать, берегись болота на восточном склоне горы.

— Что везешь?

— Радиоприемники для министерства скотоводства и земледелия.

— Кто знает: какова дорога на Шара-Бурдуй?

— А в наших краях одна дурная женщина родила тройню. К чему бы это? — спрашивал человек из дальней провинции.

— На Ирен-Сабо сидел три недели в снегу. Думал, волки заедят.

— Скажи, когда первый цилиндр мотора идет на всасывание, что происходит в третьем цилиндре? Отвечай без лицемерия.

— Зачем мне смотреть в мотор? Пусть воры смотрят в мотор.

— А в наших местах мыши с'ели судью. К чему бы это? — домогался чужой человек из дальней провинции.

Два шофера, усевшись на краю стола, разбирали карбюратор, трубки, болтики, гайки.

Буфетчик ходил взад и вперед по комнате с видом занятого человека столичной штучки.

Шоферы кричали ему вслед:

— Эй, хозяин, почему за папиросы берешь не по закону дорого? На свадьбу копишь?

И Синь-Фа хихикал:

— Веселые ребята! Придумывают смеяться!

В углу сидел Цевен. Он мастерил лук, тетиву, наконечник для стрел, колчан. Он мурлыкал старинную богатырскую песенку.

Трил-линг-линг! — снова раздалось у дверей. В дорожную станцию вошел Бадарчин. Тонким голосом он кричал:

— Дорогу святому человеку! Подушку святому человеку! Чаю святому человеку!

Затем он уселся за стол и начал размышлять, как бы ему поужинать, не истратив ни одной монеты.

Человек из дальней провинции бросился к нему:

— Правда ли, что на востоке зима будет без снега, а лето — без дождя? Правда ли, что ломоту в запястьях можно выгнать жиром суслика?

Бадарчин благосклонно посмотрел на него и положил на стол большую раскрашенную картину.

— Слушай! — сказал старый монах. — Но раньше прикажи поставить на стол чай и баранину, я не могу прорицать натощак.

Человек из дальней провинции придвинулся и вытащил сумку с деньгами.

— Эй, деревенщина! — крикнул ему шофер, сидевший в конце стола.— Не для того республика чеканит монету, чтобы ты ее бросал старому обманщику, которого выгнали из монастыря за кражу свечей!

Бадарчин поднял голову, и глаза его стали от гнева красными как у собаки.

— Пусть к тебе придет чума, ящур, сап, чесотка, оспа и воспаление обоих легких, — кротко ответил он, кидая на картину игральные кости.

Выпало семь.

— Смотри, человек, — сказал Бадарчин, — тебе сопутствует счастье.

Он пошарил по картине, отыскивая быка, озеро, лотос.

— Все, что ты начнешь в этом месяце, — сказал он, — кончится для тебя удачно.

Пробормотав это, он спрятал деньги за пазуху. Человек из дальней провинции еще долго сидел, раскрыв рот и размышляя о значении чепухи, которую наговорил ему монах. Завтра он должен был вернуться в провинцию и боялся, что у него не хватит времени обдумать слова Бадарчина.

Цевен взволнованно наблюдал за действиями прорицателя.

— Ну, а ты, жених, — сказал Бадарчин, — есть ли у тебя желание спросить о будущем?

— Да, — застенчиво ответил Цевен, — но мне нечем заплатить тебе.

— Не можешь ли ты показать мое будущее в долг?

Потеряв к нему интерес, Бадарчин отвернулся, делая вид, что впал в таинственный сон и размышляет о Будде.

В это время в другом конце комнаты раздались шумные возгласы и приветствия. На станцию вошел Амоголан.

— Здорово, Амоголан! — крикнул один из шоферов. — Что так опоздал? Наверно, сидел в болоте на Ихин-Дабане?

— Тут, в двух километрах, — сказал Амоголан, — есть одна девчонка, Дулма. Она опасней всех Ихин-Дабанов.

Он сел за стол и потребовал чаю.

— Да, — сказал шофер, — от этой Дулмы тебя не оттащить никаким буксиром.

— Она просто глупая, — вмешался другой шофер.

И пассажиры Амоголана нестройным хором подтвердили:

— Дура-женщина, совсем без ума женщина!

Буфетчик тронул Амоголана за плечо.

— Значит, она тебя выгнала, так понимать? — сказал он.

— А тебе что? Ведь она и тебя выгнала? — спросил Амоголан.

— Как знать, — загадочно сказал Синь-Фа, — вы уезжаете, я остаюсь.

— Ага, — равнодушно ответил Амоголан, — значит, ты будешь на свадьбе Дулмы и Цевена.

— Какого Цевена?

— Вот того, что сидит у входа. Да, да, — продолжал Амоголан, — уж я-то знаю толк в девчонках! Она любит Цевена и больше никого. Цевен и не подозревает об этом. Но тут дело кончится свадьбой. Уж я-то знаю толк в девчонках! Не даром я живу в Улан-Баторе.

И он отвернулся от китайца.

Буфетчик задумчиво всматривался в Цевена. Потом он еле заметным движением подозвал к себе Бадарчина. Они оба отошли в дальний угол и долго шептались там как два заговорщика.

Что касается Цевена, то он завязал разговор с человеком из дальней провинции, который все еще сидел у стола, раскрыв рот.

— Он имеет силу предсказывать? — спросил Цевен и хлопнул его по плечу.

— Он имеет силу предсказывать, — ответил ему чужой человек из дальней провинции.

— И это всегда сбывается? — спросил Цевен.

— Это всегда сбывается.

— Ах, как я хотел бы узнать предстоящее! — сказал Цевен.

Между тем Бадарчин и буфетчик закончили свой тайный разговор. Уж кто-то должен был на этом деле пострадать!

— Будь спокоен, — сказал Бадарчин, пряча деньги за пазуху, — я угоню его так далеко, что он вернется не раньше двух месяцев.

— А может быть, и никогда? — спросил буфетчик.

— А может быть, и никогда.

Старый монах пошел к столу и вдруг остановился подле Цевена:

— Видел ли ты когда-нибудь свое будущее?

— Никогда! — волнуясь, отвечал Цевен.

— Я покажу его тебе, — величественно сказал Бадарчин.

— Не можешь ли ты показать мое будущее в долг? — робко попросил Цевен. — После стрижки овец я тебе отдам.

— Я покажу тебе его даром, — великодушно сказал монах, — я вижу, кто ты. Ты будущий богатырь.

— Да! — воскликнул обрадованный Цевен. — Я будущий богатырь!

— Но, — сказал Бадарчин и сделал жест предостережения, — тебе еще многого не хватает.

— Правда, — печально сказал Цевен.

— Пятерка! Шестерка! — Бадарчин бросил кости на картину. — Выпало одиннадцать очков. Тебе не хватает ловкости, — сказал он.

— Правда, — сказал Цевен, — я еще не удав, я бедный медведь.

— И ты не любишь городских выдумок.

— Верно, — отвечал Цевен.

— Я знаю место, где парень с головой может стать могучим.

— Где?

— Не следовало бы говорить, но, так и быть, такому молодцу скажу.

— Где же?

— Далеко, далеко на юг. Все время по большой дороге. Туда, к Пекину.

— Ну?

— Тот, кто имеет хорошего коня...

— Я имею.

— Но обязательно черного, с белым пятном на носу.

— Таков мой Бегунец.

— Знай же, что тебе дано достигнуть плодов ловкости.

— Плодов?

— Через много дней пути ты увидишь сад. Большой, обнесенный высокой стеной. Сквозь маленькую калитку ты проникнешь туда. Ты отведаешь плодов этого сада. Они не простые. Вместе с соком этих плодов в тебя войдет богатырская ловкость.

— Но как я узнаю этот сад?

— Я покажу тебе его.

Бадарчин извлек из сумы свиток. Он развернул его. Это была китайская, грубо раскрашенная картина. На ней изображены сад, яблони, фазаны, беседка, двое влюбленных.

— Погоди, не убирай, дай запомнить, — взволнованно сказал Цевен.

— Это дорогая вещь. Но, пожалуй... Э, для такого молодца не жалко! Я дарю тебе ее. Боги и люди будут тебя останавливать, но крикни: «Я цевен из Чорот!» — и враги рассыпятся.

Цевен жадно схватил чудесную картину.

— Погоди, — остановил его Бадарчин, — чтобы твои поиски были успешными, необходимо выполнить одно условие.

— Какое?

— Ты должен отправиться в путь за плодами сейчас. Не прощаясь. Тайно. Твой конь здесь?

— Здесь.

— Так поезжай...

Цевен тихо вышел из комнаты во двор.

Ночь. Луна. Блестит большая дорога.

Цевен отвязал коня, вскочил в седло, ударил плетью и помчался вдаль. Застучали копыта.

Синь-Фа долго смотрел ему вслед.

Час спустя к забору почтовой станции под'ехала Дулма. Она сошла с коня, привязала его к столбу и вошла во двор. На земле она была еще лучше; она казалась совсем девочкой в своем берете, надетом на черные стриженые волосы.

— О Синь-Фа, — сказала она, встретив буфетчика, — а Цевен здесь?

— Нет.

— Нет?

— Нет, ты не скоро увидишь Цевена.

— Не скоро?

— Не скоро. Он уехал.

— Уехал?

— Уехал. Далеко на юг. Туда. К Пекину.

Дулма посмотрела вдаль.

— Цевен! — крикнула она.

Большая пустынная дорога блестела в лунном свете.

Синь-Фа смотрел вдаль, насвистывая тихонько, на китайский манер.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Три дня и три ночи скакал Цевен прямо на юг, никуда не сворачивая. Вперед! Вперед! — стучали копыта его Бегунца. Шурш! Шурш! — шептал песок, пересыпаясь под ударами копыт. Прочь! Прочь! — хрустели дорожные камешки.

Колючий кустарник грозно кивал Цевену своей лиственной бородой. Крохотные ящерицы бросались от него врассыпную. И суслик стоял у норки и мотал головой, как бы говоря: «Вот так чудо-всадник! Давно в наших краях не было такого богатыря. Надо пойти рассказать жене».

Цевен ехал, поглядывая то вверх, то вниз и присматривался к каждому клубу пыли, камню, дереву, стоящему при дороге. Он ожидал удивительных встреч, вспоминая сказки, которые рассказывали ему монахи о пустыне.

— Ну что ж, где тот удалец-карлик, ростом с кузнечика, но обладающий силой урагана? Цевен не прочь столкнуться с ним в бою. Где войско крылатых людей, нападающих на бедных пастухов? Где Гомбо, слепой кавалерист, разрубающий небосклон одним ударом сабли?

А ну-ка, выходите из своих тайников! Цевен вас мигом заарканит и притащит к юрте Дулмы. Вот тогда и почешут затылки эти парни с застежками «молния» на халатах, которые говорят, что богатыри вывелись и сказки врут. Хороши они будут, когда Цевен привезет во вьючном мешке плоды из сада ловкости. Пожалуйста, бери, кто хочет, Цевен никого не обделит.

Но на дороге все было мирно. Погожий монгольский денек.

Агент уланбаторского кооператива, в широкой соломенной шляпе с синей лентой, ехал на велосипеде. Два телеграфных монтера натягивали проволоку на столбы. Близ дороги стоял шатер с гербом республики. На минуту из шатра выглянуло усатое лицо странствующего корреспондента, сотрудника столичной газеты «Народное право».

Начиналась великая степь, которая называется пустыней Гоби, или Шамо: огромное безводное пространство, однообразно усеянное мелкими камешками.

Цевен дремал, прямо сидя в седле. Голова его свесилась на бок. И во сне он продолжал погонять лошадь.

В стороне от дороги, у колодца, лежали молодые пастухи, болтая между собой.

Было светло и жарко. Коровы мычали. Блеяли овцы.

— Кто этот всадник? — говорили пастухи, указывая на Цевена и от скуки гадая о нем:

— Он из дальних мест: конь засекается.

— Он бывший солдат: лошадь подкована.

— А может быть, он барышник? Едет медленно, бережет коня.

— Или монах?

Под'ехав к колодцу, умная лошадка Цевена остановилась. Цевен очнулся.

— Что за люди? — заорал он.

Пастухи переглянулись.

— Должно быть, солдат? Возвращаешься домой, почтенный? — спросил один из них.

— Я возвращусь домой, когда совершу три подвига, не ранее того, — сказал Цевен. — Нет ли здесь злых князей?

— Не замечали в последние двадцать лет, — сказал насмешливо пастух.

— Горных духов? — спросил Цевен.

Второй пастух, толкая товарища в бок и озирая окрестность с преувеличенным вниманием, ответил:

— Все время здесь вертелись. Сейчас исчезли куда-то.

Потом таинственным шопотом он прибавил:

— Здесь бродит великан-разбойник.

Он был шутник и любил посмеяться над прохожим.

— Где он? — живо спросил Цевен.

Пастух оглянулся и с искусно разыгранным испугом воскликнул:

— Тише... Он там, на холме...

Это только и нужно было Цевену. Не сказав ни слова, он повернул коня и поскакал на холм.

Солнце закатывалось. Спускались короткие гобийские сумерки.

Еще издалека Цевен увидел неясные очертания человеческой фигуры.

— Горе ему!.. — крикнул Цевен, приподнимаясь на стременах.

Да, не ожидал он, что судьба так скоро пошлет ему первый подвиг. А в том, что это будет подвиг, он не сомневался.

Между тем храбрец на скале не шевелился.

Небо темнело все быстрее. Откуда-то набежали толстые, низкие тучи. Заворчал отдаленный гром, и юркие молнии выскакивали из поднебесного навеса. Словом, здесь было все, что нужно для грозы в пустыне.

— Эй, я Цевен из Чорот! — звонким голосом крикнул Цевен, вплотную под'ехав к храбрецу, впрочем, теперь уже почти невидимому.

Ни слова в ответ: силач, видимо, был не из болтливых.

Внезапная молния на мгновение осветила пухлые щеки и странную улыбку разбойника.

— Ну так держись! — крикнул Цевен.

Завязалась потасовка.

Вероятно, разбойник был заколдован, потому что удары отскакивали от него. Из разбойника нельзя было выбить ни одного слова: он молчал как рыба. Утомившись, Цевен крикнул:

— Признаешь себя побежденным?

Разбойник заносчиво молчал.

— Скажи хоть слово! Я тебя помилую. Может быть, ты не так уж виноват! — крикнул Цевен.

Но разбойник продолжает высокомерно молчать.

Пнув его ногой, Цевен пошел прочь, ожидая за собой погони. Однако разбойник не давал себе труда пошевелиться. Ну и ленивец попался Цевену!

— Сказал бы хоть слово, — бормотал он, обидчиво дуя на свои кулаки, — противный гордец. Но я думаю, что я все-таки победил его.

Тут он свалился от усталости и заснул.

На заре его разбудил Бегунец, ласково дотронувшись до него копытом. Цевен проснулся и вскочил в седло.

Вокруг виднелись следы ночной драки. Земля была взрыхлена и побита. Невдалеке лежало тело поверженного врага.

Под'ехав ближе, Цевен с удивлением остановился: его ночной враг был сделан из камня! Да, это была каменная баба с широкими плечами и вечной улыбкой. Одна из фигур, встречающихся в пустыне и поставленных в стародавние времена.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Так вот о кого Цевен до крови разбил свои кулаки! О простую, каменную бабу, стоявшую на вершине холма! Добро бы это была какая-нибудь нарядная статуя или кукла с раскрашенным лицом. Но ведь это был просто-напросто плохо отесанный кусок скалы, на котором выбиты лицо и руки! Уж совсем стыдно было принять его за сказочного великана!

Сгорая от стыда, Цевен поехал вперед и ни разу не оглянулся, пока каменное изображение не скрылось из виду.

— Эка невидаль, — бормотал он, стараясь утешиться, — негодные пастухи меня обманули. Об этой истории надо поменьше рассказывать. Все равно я буду искать волшебный сад. Ведь если три бездельника вздумали надо мной посмеяться, то это еще не значит, что богатыри не существуют.

Так он ворчал и ехал вперед, а древняя статуя лежала в густой траве на самой вершине холма, и ее каменная улыбка была обращена к небу. Руки были сложены вдоль тела и приросли к бокам. Она не могла сбросить цепкие побеги травы, которые обвились вокруг и щекотали ее серые щеки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Полдень. Солнце стояло высоко.

Цевен ехал рысью, волоча за собой клубы пыли. «Ах, встретить бы мне настоящего разбойника!» — думал он.

Но встретился ему не разбойник, а молодой артиллерист с синей звездой на фуражке и маленькими пушками в петлицах.

— Здорово, — сказал Цевен, — куда ты едешь, и кто ты такой?

— Канонир вышеуказанного полка нижеупомянутого дивизиона. Военная тайна, брат, — сказал артиллерист и подмигнул.

Он ехал с восточной границы, где манчжурская пуля раздробила ему предплечье. Он скакал к Серным ключам, где любая рана заживает в две недели.

— А ты кто? Куда ты едешь? — спросил он у добряка Цевена.

— Я Цевен из Чорот. Еду в волшебный сад, ищу плодов ловкости и сражаюсь с чудовищами. Боги и люди будут останавливать меня, но я их не боюсь.

— Приятно видеть такого дурня! — с восхищением сказал солдат. — Приятно видеть дурня в стране, где дураки стали редкостью.

Затем он поскакал вперед, сидя в седле по-военному. Только его и видели.

А Цевен ехал дальше, останавливался у колодцев, заходил в придорожные юрты, пил кумыс у гостеприимных кочевников и все расспрашивал, долго ли еще ехать до волшебного сада. Одни принимали это в шутку, другие советовали ехать обратно, — может быть, в Улан-Баторе есть такой сад? Если уж быть такому саду, то где, как не в столице государства!

Вечером Цевен остановился в степи на привал. У него оказался сосед. Это был гобийский почтальон — акуратный молодой человек в добрую сажень ростом. Он сидел у костра, разбирая содержимое почтовой сумки.

Рядом с ним лежал велосипед, на котором он доставлял письма в юрты своей тысячекилометровой округи. Он поздоровался с Цевеном без всякого интереса, потому что ему часто приходилось видеть новых людей.

— А, богатырь! — пробормотал он. — Ну что ж, садись. Видишь: я работаю.

Он раскладывал кучками письма к письмам, газеты к газетам и министерские приказы к министерским приказам.

При этом он говорил:

— Здесь все, что случается с человеком: новости, перемены профессии, свадьбы, смерти, подарок жениха, болтовня невесты...

— Послушай, — сказал Цевен, — видно, ты человек бывалый. Ты, наверно, укажешь мне, где найти волшебный сад, который я ищу и не нахожу? — и он с надеждой посмотрел на почтальона.

— Волшебный сад? — переспросил тот. — В управлении почт республики такого адреса не значится.

Вскоре наступила ночь.

— Ты спишь? — спросил Цевен.

— Я засыпаю, — отвечал почтальон, натягивая на себя ватный халат.

Было тихо. Посвистывая, пересыпалась галька.

— Послушай, — сказал Цевен, — есть у меня невеста. Она живет на Калганском тракте, к северу от Чорот. Белая восьмистворная юрта. Девуш-

ка с длинными руками, прехорошенькая, с блестящими глазами, приветливая, с маленьким подбородком, хохотунья. Это Дулма. Передай ей письмо: я стал великим героем; меня все боятся; о моей ловкости поют песни; меня сравнивают с волком, кабаном и лисицей. Сегодня ночью я бился с великим разбойником этих мест. Борьба была трудная, но я его победил.

— По-моему, ты врешь, — сказал почтальон, — но, впрочем, меня это не касается. Мое дело — передавать письма по назначению.

— Да, — повторил он, укладываясь, — была бы только марка в 10 мунгу, а врешь ты или нет, — мне безразлично.

Но Цевен продолжал расписывать свои подвиги, находя в этом какое-то удовольствие.

— Нет силача, которого бы я не поборол, — говорил он. — Все меня уважают. Гобийский медведь протянул мне лапу и сказал: «Молодец». Все меня боятся. Но я не совсем счастлив: я хочу повидать девчонку Дулму.

— Ладно, ладно, — сказал почтальон, — был бы конверт заклеен по форме.

Наутро Цевен расстался с почтальоном.

Прощаясь, акуратный малый сказал ему:

— Когда ты поймешь наконец, что твоего сада не существует, пиши мне по адресу: пустыня Гоби, почтальону Лубсандорчжи. Я помогу поступить тебе учеником на курсы письмоносцев.

— Если бы я не хотел стать богатырем, я обязательно стал бы почтальоном, — вежливо сказал Цевен и поехал дальше.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Эй, дружище шофер, не кажется ли тебе знакомым тот всадник?

— Я не могу оглядываться. Вот проеду поворот, и тогда я готов рассматривать все, что угодно.

— Мы его где-то уж видели. Кажется, возле Кобдо.

— Нет, в Чоротах...

— Нет, возле Кислых ключей...

Так спорили между собой пассажиры грузовика, который катил между тем по дороге, управляемый отважным Амоголаном.

— Да это Цевен едет к нам навстречу! Я запомнил его, — сказал ученый баргут, протирая очки.

Специальность баргута в том и состояла, чтобы все запоминать.

— Здравствуйте! — крикнул Цевен, под'езжая к машине. — Долго же вы едете!

— Совсем не долго, — обиженно сказал Амоголан, — мы еще полдня стояли в Чоротах; потом по просьбе одного пассажира мы сделали маленький крюк и заехали к его дяде в ста километрах от дороги: старик давно не видел племянника. Потом мы выгружали рис в государственном складе. Потом мы сбрасывали учебники в Гобийской школе № 11. Потом мы гнались за антилопами и вечером устроили пирушку. Жаль, что тебя не было с нами. Время прошло незаметно.

— Да, это необыкновенно приятное путешествие, — подтвердил дубильщик овчин, никогда не упускавший случая вставить в разговор какое-нибудь изящное словцо.

Он несколько почернел от грязи за одиннадцать дней пути, но манеры его были попрежнему безукоризненными.

— Все это так, — сказал маленький пассажир с обиженным лицом, — но я опаздываю, и мне это не нравится, тем более что ваш дядя оказался довольно-таки неприятным стариком.

— А что ты делал за это время? — спросил толстый северянин, обратившись к Цевену. — Искал волшебный сад?

— Какой сад? — сердито сказал Цевен. — Откуда ты узнал об этом, пронырa? Кто тебе разболтал эту тайну?

— Тайну? О ней говорит весь Большой монгольский тракт, — сказали пассажиры.

— Болтуны! — сердито сказал Цевен и поскакал прочь.

— Стой, Цевен, стой!..— кричал Амоголан.— У меня есть для тебя кое-что от Дулмы... Она тебя любит... Стой, сумасшедший...

Он соскочил с сиденья и, встав на подножку, страшным голосом закричал:

— Уж я-то знаю толк в девушках!

Он был честным малым и, хотя Дулма ему самому нравилась, готов был открыть Цевену всю правду.

Ничего не слыша, Цевен гнал своего Бегунца в сторону от тракта.

Амоголан только махнул рукой, увидев, что Цевен его не слышит.

Вся веселая компания покатила дальше. По дороге они решили заехать к скотоводу Очиру, который славился на всю пустыню своей гостеприимной юртой. Они провели у Очира полдня и вечер, а за ужином хозяин, который в молодости был бойцом монгольской революции, рассказал им несколько занимательных историй.

Среди них была

Сказка о Сухэ-Баторе, герое монгольской революции

«Много лет назад, а если кто любит точность, то именно двадцать лет назад, в войсках монгольского князя церкви Богдо-Гегена служил бравый солдат по имени Сухэ-Батор.

Он был когда-то конюхом во дворе одного китайского купца между Ургой и Кяхтой. А когда ему опротивели придирки вздорного богача, он поступил на работу в одну типографию, где старый ученый монгол издавал ежемесячный листок под названием «Зеркало Толы».

Прослужив здесь несколько месяцев, Сухэ-Батор научился всему, что знал сам главный редактор, а может быть, и более того, и уехал в степь.

Он долго бродил по стране и видел, как страдают монгольские пастухи, как жиреют монахи и наживаются князья и купцы.

Он любил свободу, оружие, товарищей и справедливость.

Знакомый барышник лошадей посоветовал ему поступить в гвардию Богдо-Гегена.

— Такому молодцу, как ты, только и щеголять в форме да вертеть острой саблей, — сказал он, с удовольствием оглядывая статного Сухэ-Батора (за каждого завербованного им солдата барышник получал от военного министра по десять янчанов).

Сухэ-Батор послушался его и стал гвардейцем.

Он участвовал в делах против китайцев и получил за храбрость привилегию носить на шапке шишку пятой степени.

Вскоре он научился всему, что знал сам военный министр, а может быть, и более того.

Это не понравилось старшему капралу, и он начал придираться к Сухэ-Батору и даже поднял на него однажды руку, говоря:

— Мне наскучил этот выскочка.

Сухэ-Батор отразил удар и, швырнув капрала на земь, скрылся в степь.

В это время в Монголию вторглась армия белого генерала Унгерна. Он бежал сюда, выгнанный из России большевиками. Этот жестокий и сумасшедший человек вообразил себя Чингис-ханом. Он поклялся посадить в Москве царя. Этим царем он мечтал стать сам. Восемнадцать японских капитанов сидело в его штабе, беспрерывно подавая ему советы.

Он подружился с трусливым Богдо-Гегеном, и они вместе угнетали нашу любимую Монголию.

Тогда Сухэ-Батор, видя страдания родного народа, написал грамоту, в которой он говорил о положении Монголии.

Эту грамоту он спрятал в рукоять кнута и, переодевшись простым пастухом, тайно перешел русскую границу. Он слышал, что нет в мире лучшего советчика для угнетенных и свободолюбивых людей, чем Ленин.

Он достигнул Москвы и увидел Ленина и Сталина. Он долго разговаривал с ними, слушал и запоминал. Мы не знаем, о чем они беседовали между собой, но, вернувшись на родину, Сухэ-Батор сказал так:

— Горячая кровь течет в моем теле, и это кровь монгольского народа. Ложась спать, я слышу, как она поет в моих висках: «Отдохни и скорей за работу, Сухэ-Батор, потому что Монголия еще угнетена и несчастна».

Рано утром Сухэ-Батор вставал и поднимал людей. В его лице можно было заметить мужественную решимость. Походка у него была легкой и быстрой. Часто он просыпался в Найма-Хото, а днем его видели у Хара-Года, вечером он странствовал на севере, ночью ехал по южной пустыне Гоби. Увидев его, монголы седлали коней и мчались за ним следом, а монгольские женщины называли своих детей в его честь: Маленький Сухэ-Батор, Второй Сухэ-Батор, Горный Сухэ-Батор.

Вот какое впечатление он производил на народ!

По зову Сухэ-Батора русская Красная армия помогла монголам и выгнала Унгерна из монгольской столицы.

Сухэ-Батор ездил переодетый бурятом: в высоких сапогах, волчьей шапке и полушубке из дубленой овчины. Он поднимал восстания на караулах, которые Унгерн расставил вдоль реки Селенги.

Унгерн выставлял против него пушки, но Сухэ-Батор отнимал их и жег его лагери. Унгерн окружал его своими войсками, но Сухэ-Батор вылетал с сотней всадников из-за холма и уничтожал врагов. Он обучился всему, что знал генерал Унгерн в тактике кавалерийского боя, а может быть, и более того. Ведь Унгерн не знал, как привлекать сердца на свою сторону!

Однажды Сухэ-Батор оделся китайским купцом и доехал до Крайнего Востока, где стоял изменник князь Мерген-Ван, продавший свою родину. Ночью он вошел к нему в палатку и сказал:

— Бросай свою гвардию и стада, потому что пришло тебе время умереть.

И он выхватил саблю из ножен и занес ее над головой изменника. Но князь, пятясь назад, выскочил в дверь юрты, бежал из Монголии заграницу и больше не возвращался.

А Сухэ-Батор стал главнокомандующим и бил врагов, пока они все не рассыпались. Он основатель нашей республики, хотя она была провозглашена только через год после его смерти.

Он умер, сражаясь с болезнью. Говорят, трусливый Богдо-Геген подослал к нему тибетского врача с ядом вместо лекарства. Верно это или неверно, — не знает никто.

Во время болезни Сухэ-Батор постиг все, что знала Смерть, и даже более того, потому что его имя осталось бессмертным.

Вот почему, друзья мои, в каждой монгольской юрте висит портрет Сухэ-Батора и дети каждое утро украшают его венком из степной травы».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В каких-нибудь десяти километрах от дороги лежала юговосточная граница Монголии.

Как большинство государственных границ, она ничего не изменяла в природе: та же галечная степь, стада диких коз, жара в полдень и прохлада ночью были по ту сторону границы. Монголы жили и там и здесь.

Здесь — свободные граждане пастушеской республики, там — подданные князей и монастырские крепостные. Страна за границей называлась Внутренней Монголией, или Чахаром.

Палатка пограничной заставы Монгольской народной республики стояла в широкой степной котловине.

Был месяц ливней. Начиналась обычная гроза. Дождь ведрами опрокидывался на палатку.

— В такую ночь ничего не увидишь, — сказал комендант поста и взял трубку полевого телефона. — Привет начальнику! — кричал он. — Покуда все без перемен... На территории поста ливень... Видимость плохая... Что?.. Что?.. Встретим, встретим, если кто-нибудь воспользуется темнотой и дождем... Эге! Он узнает, что такое революционные солдаты. Пожалеет, что родился!..

Ну и темнота была в ту ночь на границе!

Уже три часа ехал Цевен по степи, храбро сражаясь с ливнем.

«Куда меня несет буря?» — тревожно думал он.

Он был рад теперь вернуться на большую дорогу. Но кругом не видно было ни зги, и он ехал, опустив поводья.

Незаметно для себя он попал за границу.

И ехал по чужой земле всю ночь. А когда рассвело, он увидел вдалеке маленький городок и рядом с ним монастырь.

По дороге ему попалось несколько монголов в худых одеждах. Они вертелись вокруг каких-то серых столбов и катали войлок.

— Что вы за люди? — крикнул Цевен, поравнявшись с ними.

— Мы люди князя Оголон-Моголон-Вана, — ответил один из них.

«Эге, — подумал Цевен, — видать, я во время грозы махнул через границу, сам того не зная. Стало быть, и волшебный сад недалеко, если начались такие чудеса».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Навстречу Цевену двигался обоз. Впереди шли два рослых молодца в меховых шапках и с длинными ножами за поясом. Ну и глупый же вид был у них! Они были похожи на стражников и мясников в одно и то же время.

За ними понуро плелись две белые лошади, между которыми была подвешена об'емистая корзина.

Повидимому, в ней ехал человек, так как изнутри вдруг раздался звучный повелительный голос:

— Остановите носилки! Я хочу отдохнуть.

Из корзины с ловкостью кавалериста выпрыгнул невысокий худощавый человек в нарядном монашеском халате. Он был не простым монахом. На голове его была надета высокая шапка с лентами, похожая на садовую лейку, перевернутую вверх дном.

В этих краях он был известен под именем Сембы, доктора тибетской философии и медицины. О нем много говорили, но мало знали достоверного.

По-монгольски он об'яснялся с каким-то странным выговором и, по его собственным словам, происходил из племени озерных торгоутов, хотя некоторые утверждали, что такого народа на земле нет.

Он был тощ не по-монашески и груб как солдат.

Да, это был необычный служитель будды, вечно таскавший с собой карманный фотографический аппарат и здорово разбиравшийся во всем, что касалось военного дела. А когда его спрашивали, что он делает во Внутренней Монголии, он отвечал: «Раз'езжаю по святым местам», — хотя никакими силами его нельзя было оттащить от границы. Можно было подумать, что все святыни буддийской веры расположены именно здесь.

Вот какого человека встретил добряк Цевен. Монгольскому пастуху, никогда не выезжавшему из своей местности, казалось неподсилу разгадать этого таинственного монаха.

Наметанный глаз Сембы сразу заметил в наружности проезжего некоторые особенности, выдававшие в нем человека из страны, к которой он питал большой интерес.

— Здравствуй, дорогой гость! Добро пожаловать в страну Чахар, — сказал он. — Подойди сюда, поговорим. Как твое имя?

— Я Цевен из Чорот, — отвечал ему пастух и под'ехал ближе.

— Ты видишь перед собой Семба-Агримба-Лхарамба-Ламу, что в просторечии означает: высокомудрый из мудрейших и главный созерцатель подбородка Амитабы, то есть первый обергенерал над святыми. Поэтому ты не должен от меня ничего скрывать.

— Вот как? — сказал Цевен. — Я не знал, что ваша милость — такая важная шишка.

— Ты когда перешел границу? — спросил Семба-Агримба-Лхарамба-Лама.

— Сегодня ночью.

— А что за люди на той стороне? Велики ли военные подразделения? Не заметил ли ты пулеметных гнезд? А танки ты видел по дороге? Говори, братец, я могу многое сделать для твоей души. Я не богочеловек, не буду хвастаться, но и я кое-что значу в блаженном царстве.

Цевен нахмурился. Любопытство главного оберсозерцателя подбородка Амитабы ему не понравилось.

— Я ехал ночью в дождь и ничего не видел, — сурово сказал он.

— Ну, а днем что ты видел в жизненной суете, сын мой? Говори откровенно. Не попадались ли тебе зенитные орудия, то есть пушки, обращенные дулом вверх? А если попадались, то где они стоят?

— В вышеуказанной долине нижеупомянутой местности. Военная тайна, отец,— сказал Цевен, вспомнив веселого артиллериста.

— Эге, да ты тертый монгол, — сказал Семба. — Ну-ка, придвинься! — и он подмигнул двум стражникам, стоявшим возле него.

И все трое молчаливым кольцом сомкнулись вокруг Цевена.

Плохо пришлось бы ему, если бы не его добрый конек: умный Бегунец, смекнув, что его хозяин в беде, тряхнул гривой, встал на дыбы, перескочил через стражу, помчался по дороге и вскоре исчез в пыли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Вы что-нибудь видите, ваша смиренность?

— Ничего, ваша святость.

— Не идет ли по дороге его высокопремудрость Семба-Агримба-Лхарамба-Лама?

— Нет, ваша святость. Впрочем, что-то виднеется вдали.

— Смотрите же, не пропустите его, а то господин церемониймейстер отдубасит вашу смиренность деревянной подошвой по щекам.

— Теперь я вижу. Кто-то скачет сюда. На превосходном жеребце...

С этими словами маленький буддийский послушник скатился с дозорной башни прямо на голову монастырского надзирателя, стоявшего внизу.

Все в заграничном монастыре пришло в движение.

Настоятель Хамбо, окруженный свитой докторов философии и мистики, стоял посреди двора и готовился к приему высокого гостя.

Толстый эконом с шестью подручными таскал из кладовой туши только что отваренных баранов.

На длинных низеньких столиках монахи-слуги расставляли кувшины с крепким шипучим кумысом. Для приема дорогого гостя монахи сегодня не пожалели ничего. Против входа на большом подносе стояла коробка ма-

рированных цыплят, гордость монастырской кухни, принесенная в дар настоятелю заезжим купцом из города Тянь-Цзина.

Главный монах-подметальщик, получивший в Тибете за свое искусство звание доктора пыли и паутины, ходил с веником из кумирни в кумирню и строго оглядывал статуи богов. При этом он кричал подручным:

— Эй, вы, не жалейте мелу, ленивцы! Трите богов до блеска. Это вам святые боги, а не медные чайники. Я видел вчера в центральной кумирне, что в ухе у будды Майдари поселился выводок пчел. Вы устроили во рту у блаженного Цзонхавы склад старых тряпок? А ведь это основатель нашей религии!

Да, богов здесь были целые роты! У бедных послушников просто кружились головы, когда они глядели на притворы кумирен. Здесь были будды величиной с двухэтажный дом и маленькие шестирукие божки, рядами стоявшие вдоль стен под стеклом, как в магазине. Боги из дерева и из бронзы, из глины и из горного нефрита. Боги, сделанные искусными китайскими мастерами, и медные идольчики, сработанные в Варшаве на фабрике штампованных изделий. Всех не перечистишь.

Между тем Цевен уже проехал главную арку, нисколько не подозревая о том, какой переполох вызвало в монастыре его появление.

Грянул оркестр. Монахи дули в трубы и свистели в морские раковины.

Навстречу Цевену вышел настоятель Хамбо. За ним шла свита, опираясь на палки и выступая балетным шагом.

Настоятель низко поклонился Цевену. Старшие монахи, глядя на настоятеля, также поклонились.

«Вот оно что»,—подумал Цевен и, повернувшись к ним спиной, стал отбивать поклоны. Он думал, что в монастыре наступил час молитвы, и считал невежливым нарушать здешний обычай. Но монахи перебежали на другую сторону и вновь принялись кланяться: не было никакого сомнения, что их поклоны относятся к Цевену.

— Ага, прослышали о моем богатырстве, если так меня встречаете,— пробормотал Цевен. — Здравствуйте, отцы!

Из передних рядов выкатился толстый монах с лицом, похожим на резиновый мяч. Он подлетел к Цевену, складывая лодочкой руки, и что-то продекламировал по-тибетски, вставляя в речь отдельные монгольские слова:

— Бадзар бад-гис брабун — раздавлены честью. Хит-сур хидма гадзуй! Цырбуй дзур — неугодно ли вам будет — бравшира умман зарба. Но если вы бадхидма нирбу, то и мы саргумбали...

И он на самом интересном месте прервал свою речь, из которой, впрочем, бедный Цевен ничего не понял.

Тут вмешался в разговор грузный церемониймейстер и, гостеприимно протягивая обе руки, сказал:

— Наш монастырь смиренно молит вас отпробовать маленький обед из грубых, невкусных блюд.

Раздался сильный гул барабанов.

Цевен был удивлен этим великолепным приемом. Он помялся на одном месте, стараясь выиграть время и обдумать, что происходит вокруг него.

Мимо него проходили монахи дальних келий, держа разукрашенные жезлы и подушки.

Цевен не подавал вида, что испуган или смущен. Приосанившись, он выше поднял плечи и важно склонил голову.

Великовозрастный послушник, сонный на вид, почтительно вынул из рук Цевена плеть.

Затем, поддерживая его под локти с двух сторон, монахи повели Цевена по направлению к главному монастырскому зданию.

Он шел сквозь шеренги монахов, сопровождаемый неясным гулом одобрения.

Робко кланяясь, к нему подходили пастухи, приехавшие в монастырь для того, чтобы приветствовать великого паломника.

— Подарки — направо, подношения—налево, даяния—в сторону, доброхотные дары—в середину, скот привязывай к забору!—командовал церемониймейстер, пинками подгоняя тех, кто не слишком охотно расставался со своим имуществом.

А монах-канцелярист уже составлял опись пожертвований, не забывая отделить процент в пользу монастыря и процент в свою пользу. Он был великий мастер составлять фальшивые отчеты.

Пастухи готовили подношения для великого паломника: причесывали верблюдов, чистили коней, связывали ноги белокурым ягнятам.

Возле входа в монастырь семейство скотоводов вело празднично украшенного жеребца.

— Прими самое хорошее, что у нас есть, и благослови нас, — сказал Цевену глава семейства, переминаясь с ноги на ногу.

— Я не нуждаюсь в этом: у меня дома есть все необходимое для хозяйства пастуха,—сказал Цевен, но оркестр громко затрубил в морские раковины, и никто не услышал этих слов.

Ветхий старик привел верблюда с трясущимися горбами. Пастух гнал бычков, застенчиво поглядывая на святого. Старуха волочила овцу.

— Вот все, что у меня есть, святой отец,—говорила старуха, отбивая поклоны.

— Мне не надо твоей овцы,—громко сказал Цевен.

— Возьми ее, пожалуйста. Нам приказано нести тебе подарки—значит, так надо,—сказала старуха.—У меня такой обычай: если приказано, значит, я исполню. А уж ты, святой, не беспокойся, овечка жирная.

Тут старуху вытолкали, а Цевена ввели в трапезную залу, и начался пир.

Цевена подвели к горке подушек, и он плюхнулся на святое ложе как был: в мужицком халате, оборванном у ворота, и в измазанных глиной сапогах.

Старший монах принес ему парадный халат, круглую монашескую шляпу с длинными наческами шерсти и великолепные сапоги. При этом он сказал Цевену:

— Платье на тебе ветхо и полно степной пыли. Молим принять от нас новое одеяние.

Слуга подбежал к Цевену и стал его переодевать, не обращая внимания на его протесты.

Цевен неловко ежился в парадных одеждах. Добрые четверть часа он оглаживал себя, смотрел себе за спину, щупал шляпу на голове, и монахи почтительно ждали.

Старое его платье лежало на почетном месте, у входа.

— Скажите, Нас Посетивший,—спросил настоятель,—как протекало ваше путешествие?

— Ничего себе,—по своей грубой, пастушеской манере ответил Цевен,—ехал, пел, клевал носом.

— А сколько больших дел вы совершили в пути?—спросил настоятель, несколько удивленный этими словами.

— Признаться, не считал их,—важно ответил Цевен.—Однажды я сразился с каменным человеком. Он чуть меня не победил, но я справился. Потом набил морду проезжему торговцу за то, что он сбил меня с дороги. Но стоит ли об этом говорить?

С улыбкой настоятель оглядел присутствующих.

— Скромность—старшая сестра мудрости,—сказал он и дал оркестру сигнал начать музыку.

Пирушка была в разгаре. Монахи ели, не торопясь, и вежливо поглядывали на Цевена. Зато проголодавшийся Цевен ел быстро и много. Он хватал баранину и мгновенно уничтожал ее, ловко запихивал в рот груды печения и приналег на маринованных цыплят, что не понравилось отцу-эконому.

Кусок сыра он сунул себе в карман, говоря:

— Это мне пригодится в дороге. У вас, я вижу, всего вдоволь.

Понемногу монахи перестали есть и, молча, смотрели на удивительного паломника.

Самый молодой из них, сидевший поодаль, робея, обратился к Цевену с ученым вопросом:

— Осмелюсь спросить, мы спорили об этом два года: вечен ли закон невечности?

— Признаться, я слаб в этих вещах, — ответил Цевен с полным ртом.— Храброму пастуху, как я, некогда заниматься рассуждениями.

Это было уже слишком. И толстый монах, приветствовавший его по-тибетски, оскорбленно сказал соседу:

— Какой странный доктор богословия!

Сосед его сказал на ухо другому соседу:

— Малообразованный доктор мистики.

— Доктор мистики — невежда, — шепнул третий монах.

— Мне кажется, он самозванец, — сказал четвертый.

— Он проходимец.

— Я сразу так и подумал.

— Посмотреть на его лицо — все ясно.

— Он просто вор, — сказали пятый, шестой и седьмой.

Наконец, настоятель вежливо, но решительно обратился к Цевену:

— Чем вы докажете, почтенный гость, что вы действительно Семба-Агримба-Лхарамба-Лама?

— Я вовсе не Семба, — сказал Цевен, — я сын Монголии — Цевен из Чорот, это тоже что-нибудь да значит!

— Так вот кто он! — и все, кто был на монастырском пиру, повскакали со своих мест.

Отбиваясь от наступающей на него братии, Цевен двинулся к выходу. Молодой монах, задавший ему ученый вопрос, подбежал сзади и стянул с него халат.

— Отдай назад монастырское добро! — крикнул он.

Толстый эконом сорвал с него сапоги.

Цевен остался в одних штанах и рубахе и в круглой монашеской шляпе. Он пробился прыжками к выходу и, обернувшись, стал защищаться от нападения шляпой. Он ловко действовал ею, как мечом. Вокруг него образовался узкий просвет.

— Слушайте! — крикнул он монахам. — Так вы принимаете монгольских богатырей, которые путешествуют!

Лицо его было окровавлено. Рубаха разорвана. Одна нога босая.

Настоятель все еще с чашкой чая в руках пронзительно вопил:

— Отдайте ему второй сапог, и пусть он убирается!

— Теперь я понял, что гостеприимство монахов не годится для пастуха! — крикнул Цевен, обуваясь под хохот монастырской братии.

Затем, осыпая ударами, его вытолкали.

— Где мой Бегунец? — спросил Цевен у ворот монастыря.

— Это твой дар монастырю, — давясь от смеха, сказал эконом. — Скажи спасибо, что тебя не посадили на цепь. Ты не хвор погулять пешком.

В это самое время перед монастырем показался караван настоящего доктора Сембы, который уже успел сделать на границе сто тридцать два нужных ему снимка и остановил у монастыря свой паланкин.

Опираясь на палку, Семба вошел в ворота, готовый отвечать на поклоны и раздавать благословения. Но никто на него не обратил внимания. Монахи, вскочив с подушек и держа в руках тяжелые блюда, подсвечники и палки, тяжело отдувались после драки с Цевеном.

Дойдя до середины помещения, Семба-Агримба-Лхарамба-Лама саркастически проговорил:

— Я вижу, вы здесь не скучаете, отцы!

Но настоятель уже спешил к нему навстречу, растерянно спрашивая:

— Осмелюсь узнать, кто ваша милость?

— Я доктор Семба, — с военной краткостью ответил приезжий.

— Простите нас за этот беспорядок, ученый гость, — сказал настоятель, переменив лицо из гневного на умильное. И церемония приема началась снова.

Вот это был настоящий ученый-паломник: он отвечал на все вопросы, которые задавали ему монахи. Много чудес пересказал он. Недавно он посетил Тибет и описал совершившиеся там перемены. В прошлом году, по распоряжению духовного совета, был отремонтирован нос у великой статуи Цзу в городе Лхассе. Говоря по правде, это — чудо искусства. Англичане прислали для священного носа Цзу самый лучший цемент из Портланда, и тибетские монахи постарались на славу.

После обеда гость перешел в домик настоятеля, и здесь-то началось самое главное. Эконом принес лист бумаги, счеты и книгу хозяйственных записей. Была совершена сделка, по которой доктор Семба-Агримба-Лхарамба-Лама (в дальнейшем именуемый «Вечный гость», как было сказано в договоре) приобретал у монастыря ровный кусок земли — «от Святого ручья до Белого субургана» — с правом возводить на нем все, что вздумается японскому Акционерному обществу «Пропеллер» («Настоящий договор, — было сказано, далее, в бумаге, — действителен до наступления на земле блаженной Нирваны, после чего означенная земля безвозмездно переходит обратно к монастырю»).

Деловой монах был этот доктор Семба, если только он на самом деле был монахом и Сембой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Цевен в рваной одежде уныло шагал по площади чужеземного городка. В тесных проходах, между двумя рядами лавок, сновали люди и кони. В котлах дымилась вареная баранина. Солдаты местного князя в полувоенной одежде, с сонным видом бродили между рядами, прицениваясь к американскому табаку. На перекрестке трещала молитвенная мельница — круглый барабан, каждый оборот которого заменяет молитву будде. Для удобства усердных молельщиков перед молитвенными мельницами лежали деревянные помосты, на которых можно было с удобством отбивать поклоны, не пачкаясь в пыли.

Нищих было так много, что их никто не замечал.

Второй день бродил Цевен по базару. Он порядком изголодался и тосковал по своим Чоротам. Сегодня утром он набил трубочку последним табаком, который у него оставался, и это был его завтрак. В полдень он выпил две пригоршни воды из городского источника и этим пообедал, а вечером он долго стоял у окна харчевни и наслаждался запахами — сначала, запахом макарон, потом, вареной баранины, потом, пампушек.

«Еще один такой ужин, — думал он, — и я подохну».

В это время на порог харчевни вышел толстый мужчина в соломенном конотье и жилете, украшенном позументами. Заметив Цевена, он крикнул:

— Эй, малый, видно ты не прочь поработать, потому что лицо у тебя голодное! Поступай ко мне, и через семьдесят семь лет ты станешь младшим компаньоном моей фирмы. А покамест ты будешь у меня работать. Денег

я тебе не дам, чтобы тебя не испортить. От них — все зло, уж поверь мне, — назидательно заметил богач, — но похлебка моя славится на весь буддийский мир, и ты ее отведаешь.

— Что же я должен делать?

— Твоя работа будет состоять вот в чем: ты должен вертеть жернов у меня в подвале, потому что вчера подох мой осел и я ищу ему заместителя. Прекрасное было животное! Любимец нашей семьи. Мы все плакали, снимая с него шкуру. Не знаю, с чего он подох, наверное, отравился. Значит, ты будешь вертеть жернов, а для того, чтобы у тебя не кружилась голова, мы тебе завяжем глаза или ослепим. Уж сам решай, что лучше. Мы тебе не советчики.

— А что ты потом сделаешь из муки, которую я буду молоть, хозяин? — спросил Цевен.

— Вкусные сахарные лепешки, — самодовольно сказал мучник.

— Ну, так первую лепешку я сделаю из твоей рожи. Посмотри, как я работаю! — сказал Цевен и, схватив богача поперек туловища, ткнул его носом в глину так сильно, что в ней образовалась воронка, в которую целиком ушла голова мучника.

— Я бы из тебя сделал и не такую лепешку, — прибавил Цевен, — но я сегодня невкусно пообедал и чувствую себя немножко вялым.

И пошел прочь.

А мучник, с трудом поднявшись, вбежал в харчевню и, топая ногами, произнес большую гневную речь, из которой никто ничего не понял, так как его рот был забит песком и глиной. И только к полуночи в этой смеси глины и ругательств удалось разобрать отдельные слова. К этому времени в харчевне, кроме хромой кошки, никого больше не осталось, а эта последняя при всей своей любви к богачам и к справедливости ничем не могла помочь. Цевен был уже далеко. Он ходил по базару, ища своего Бегунца, чтобы ускакать на родину.

Он расспрашивал точильщиков, разносчиков табака и продавцов молитвенного масла. Он спрашивал женщин и мастеров. Он спросил у подметальщика улиц:

— Не видал ли ты моего Бегунца? Вороной с белым носом. Достойный конь. Его забрали монахи. Но я знаю своего Бегунца. Он вырвется и прибежит.

На улице, пересекавшей рынок, Цевену встретилась большая толпа. Сзади на лошадях сидели приезжие скотоводы. В середине толпы было какое-то зрелище. Какое, — не видно. Сновали уличные торговцы. Раздавались крики, смех.

Внезапно все стихло. Всадники внимательно смотрели туда, в середину толпы. Оттуда слышались стоны.

Цевен, бешено работая локтями, продрался сквозь толпу, сквозь лес лошадиных ног.

— Что здесь показывают? — спрашивал он. — Здесь бродячий певец или монах-проповедник? Может быть, отгадчик будущего?

Но все хмуро отворачивались, и никто ему не ответил.

В центре толпы, на маленьком четырехугольном помосте, окруженном отрядом княжеской гвардии, лежал человек. Его секли кнутами два рослых стражника в старомонгольских костюмах. Они делали это хмуро и равномерно, методично наклоняясь и распрямляясь над своей жертвой.

Полная тишина царила на площади. Сперва Цевен не понимал, что происходит вокруг: ведь на его родине не увидишь такого зрелища. Храброму монголу тяжело смотреть, как секут плетьми человека, и оставаться безучастным.

Наконец, палачи, наносившие удары, ушли, ушла гвардия, разбрелся народ, и на площади стало пусто.

Только два человека остались на площади: это были подвергшийся наказанию человек и Цевен. Охая и запахивая одежду, избитый поднимался с земли.

Цевен подбежал к нему и помог подняться.

— Кто ты? — спросил избитый.

— Я Цевен из Чорот, — тихо сказал Цевен, окончательно лишившийся былой заносчивости.

— Чороты? Не слыхал, — стоная ответил избитый.

— Я человек из Улан-Батора, — сказал Цевен.

— Как же ты попал сюда?

— В дождь и бурю незаметно для себя я перешел границу. У меня отняли коня. Но как ты позволил себя бить?

— Поживи здесь подольше — и ты сам угодишь под кнут.

— Никогда! — вскричал Цевен.

— Не зарекайся, — сказал избитый. — Ты человек из Монгольской республики?

— Да.

— Я пострадал из-за тебя.

— Но я не знаю тебя! — с удивлением сказал Цевен.

— Слушай: меня зовут Гомбосурун. Да, ты не знаешь меня. Вчера я принес на продажу две бараньи шкуры. Княжеские чиновники увидели меня. Они тотчас взяли шкуры, говоря: «Вот монгольский патриот, он принес кожи для княжеской армии». Когда же я потребовал денег, они схватили меня, утверждая, что я кричал: «Будем жить свободно, хорошо, как во Внешней Монголии».

— Ну?

— И суд приговорил наказать меня палками.

— Отчего же ты не жаловался?

— Здесь некому жаловаться.

Цевен бережно взял избитого под руки и помог ему дойти до дому, где Гомбосурун поделился с Цевеном своим ужином, состоявшим из ломтика сыра и головки степного лука. Они поклялись помогать друг другу во всяких обстоятельствах. Поужинав, Цевен робко спросил у своего нового приятеля, не слыхал ли он о существовании некоего волшебного сада. Впрочем, в глубине души он уже не верил ни в какой сад. Но Гомбосурун ничего не знал об этом, и Цевен вышел на улицу.

На стене одного дома он заметил размалеванную афишу, где был изображен старомонгольский богатырь. Текст гласил:

«Спешите видеть! Манчжурский цирк. Богатыри, акробаты, жонглеры».

«Здесь есть богатыри. Я пойду к ним», — подумал Цевен и пошел к воротам цирка.

На крыше дома стоял китайский оркестр. Труба, барабан, жестяная скрипка и дребезжавшие литавры непрерывно повторяли одну и ту же мелодию. Трубач кланялся прохожим. Барабанщик стучал и пел фальцетом.

У ворот дома, за столиком, сидел старик-кассир, продавая билеты.

Несколько зевак толпилось возле него.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

По загородной дороге ехал княжеский рыдван — вместительная белая повозка со стеклянными дверями. Оглобли тянули два верховых монгола. На облучке сидел телохранитель с ружьем.

Внутри карета была обита мехом. На потолке ее нарисованы боги в облаках. По углам висели черные кисти из крученого шолка.

В рыдване сидел князь, апатичный молодой человек с одутловатым лицом. На груди его висели медали, которые он получил от японцев за уступчивость и покладистый нрав.

Японские генералы любят сговорчивых людей.

Рядом с князем сидела прехорошенькая молодая женщина. Она была китайской актрисой и, по ее словам, даже исполняла в Калганском театре роль злой жены в нашумевшей пьесе «Десять тысяч поясов». Теперь она бросила сцену. Князь Оголон-Ван всегда возил ее с собой и никуда не отпускал: так сильно он любил ее.

Они ехали в цирк посмотреть новое представление. Хорошенькая актриса заранее крутила носом, с презрением говоря:

— Воображаю, что могут показать в этом глухом городишке.

— Но это настоящий японский цирк, моя дорогая! Он приехал из Манчжурии, — угодливо сказал князь, больше всего на свете страшившийся ее гнева. Он боялся ее гнева еще больше чем японца Сембы, который снабжал его советами и деньгами.

Так они любезничали, как вдруг навстречу рыдвану на дорогу выбежала толпа оборванных нищих и, бросившись на колени, завопила на разные голоса:

— Смилуйтесь над нами!.. Обратите внимание на болезни наши!.. Разорили нас солдаты!.. Бежим от японцев!..

Увидев княжеский рыдван, плавно качавшийся на дороге, и красавцев-коней в серебряной упряжи, нищие сбегались со всех сторон, кланяясь и приветливо складывая кулаки.

Тут кучера стегнули лошадей, и карета понеслась дальше.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Цирк был полон.

На крыше ближнего сарая сидел народ.

В клетушки-ложи со столиками и табуретами входили чиновники и купцы.

Груженая на лошадь корзина паломника Сембы остановилась у задних ворот цирка.

Под'ехали верховые монахи. Вслед за ними у входа остановился большой белый рыдван, из которого, поддерживаемая слугами, вышла китайская актриса и вместе с ней сам князь Оголон-Ван.

Каждому лестно было полюбоваться на ужимки иностранного гастролера.

Вскоре на сцену вышел циркач — сильный, коренастый и кривоногий парень в коротком халате.

— В Японии и Китае наш цирк снискал благодарность, преданность и восторг, — об'явил он. — В Долонноре в нашу честь подрядчик Янь построил красивое здание, которое он назвал Храмом славы. В Сеуле одна богатая дама прислала на сцену двести шолковых халатов. Победитель тигра и стрекозы, скольжение по шесту, японский акробат господин Сян!

Затем он сбросил с себя халат и оказался в коротких штанах.

— Сян — это я.

И отвесил публике низкий поклон.

В правой ложе сидело семейство местного чиновника. У барьера — сам чиновник в европейском пальто и мягкой шляпе. Рядом — жена — раскрашенная, как кукла, горожанка с большим сверкающим гребнем в прическе. Во втором ряду — родственники помельче: старая тетка-монашка с бритой головой и почтенный отец с четками в руках. Перед ними, на перилах, стояли чай, конфеты, тыквенные семена. Семейство старательно ело.

В публике раздался громкий свист — монгольские аплодисменты, — и началось представление.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

У Цевена не было денег заплатить за вход в цирк. Он грустно побрел вдоль ограды, ища способов проникнуть внутрь. В одной из глиняных стен он нашел маленькую дверь и вошел в нее.

Это был вход за кулисы, которым обычно пользовались актеры. Во дворе стоял и лежал цирковой скот. Жующие и чавкающие морды встретили Цевена.

Он прошел до противоположной стены в надежде попасть на спектакль. Наверху он заметил маленькое окошко. Оттуда доносились чьи-то голоса.

«Вот куда бы мне добраться, — подумал Цевен, — сверху я все увижу,— и он встал на горб верблюда, который от испуга вскочил, помаргивая толстыми веками.

Достигнув окошка, Цевен заглянул в него. Но, увы, он увидел не цирк, а помещение для актеров. Вглядевшись в разговаривающих там людей, он узнал в одном из них Семба-Агримба-Лхарамба-Ламу.

Кулисы цирка помещались в большой, двенадцатистворной юрте. Всюду были разбросаны блестки, шесты, веревочные лестницы, трамплины и клоунские маски с лицами сказочных гениев.

На учебной трапеции, невысоко подвешенной к потолку юрты, сидел, покачиваясь, Семба-Агримба-Лхарамба-Лама — такой же, каким мы его видели на большой дороге, но сбросивший с себя монашескую величавость. Здесь, за кулисами цирка, он чувствовал себя, как дома: тут все свои. Не даром ведь эти акробаты, жонглеры и фокусники были не кем иным, как разведчиками квантунской армии. Впрочем, знал об этом он один.

На сцене между тем кривлялся и кричал акробат Сян:

— Следующий номер — гастроль Лу-Юна, жонглера Азии! Лу-Юн — это я!..

Играла китайская музыка.

Наконец, волоча за собой шест для прыжков, Сян вошел за кулисы.

Семба-Агримба-Лхарамба-Лама подошел к нему, и шпионы посмотрели друг на друга.

Сян стал готовиться на коврике к новому выходу, репетируя номер с маленькими стеклянными шарами — жонглирование.

Поймав шары, он повернулся к мнимому тибетскому доктору, расстелившему на коленях шолковый платок, исчерченный волнистыми линиями, кружками и цифрами.

— Я вас слушаю, — сказал Сян.

— На этом платке нарисована карта, — сказал Семба-Лама. — Монголия лежит передо мной как святыня, достопочтенный поручик. Я обошел ее телом и понял душой. Вот здесь нарисован монастырь. Вот долина, которую я проверил. На этой реке есть брод. А если посмотреть со стороны, то видны только узоры на платке. Я работаю очень осторожно.

Цевен прильнул к окошку в стене. Его не замечали, но он-то все слышал и видел.

Сян ответил паломнику небрежно. В его голосе смешивалось солдатское хамство и уверенность человека, владеющего деньгами.

— Уныло работаешь, — сказал он. — Пастухи уводят от нас стада быстрее, чем ты успеваешь их покупать. Смотри: я покажу тебе фокус. Вот Китай (тут он раскрыл левую руку, в которой было зажато несколько маленьких шариков). И вот Япония (он показал пустую правую руку). Смотри теперь (он перебросил через спину один за другим все шарики, ловя их правой рукой): это китайские провинции: Барга, Чахар, Силингол, Улацаба. Он вытянул правую руку, которую он назвал «Японией», теперь все шарики были зажаты в ней.

Стоя на горбу верблюда, Цевен с волнением слушал этот разговор.

— У вас ловкие руки, поручик, — сказал Семба. — Я как японец кричу: «Ура!» Барга! Чахар! Силингол! Улацаба!

Тут верблюд, соскучившись служить подставкой, двинулся с места, и Цевен повис в воздухе, уцепившись за выступ крыши.

Японцы подняли головы и увидели в окошке взволнованное лицо Цевена.

— Кто ты?! — крикнул Сян и выхватил револьвер.

Но Цевен уже прыгнул на крышу цирка.

— Я как монгол кричу: «Долой!» — крикнул он и выскочил в чердачное окно.

Через мгновение он появился с другой стороны, на самом верху, под крышей цирковой сцены, как акробат, готовящийся к воздушному акту.

Он был один на сцене и стал спускаться по лестнице вниз неуклюже, как клоун, изображающий мужика.

Этот выход очень понравился публике, которая приняла Цевена за нового участника представления. Публика приветствовала его шумными аплодисментами и свистками. А князь, откинувшись в глубь ложи, толкнул в бок актрису, сидевшую рядом с ним с кислым лицом.

— Сейчас даже ты будешь довольна, — сказал он: — это из ваших, из пекинских. Известный клоун. Видишь: он вырядился пастухом.

Глупый князь не знал, какой номер готовит ему Цевен.

Публика восторженно свистела, аплодировала, топала ногами, приветствуя нового артиста.

Цевен стоял на сцене, ошеломленный блеском керосиновых факелов и шумом, стоявшим в зале.

— Братья монголы! — крикнул он, обращаясь к публике. — Я хочу вам сказать...

Но грохот приветствий заглушал его сильный голос.

Цевен стоял, пережидая.

— Аунулю, кэ-кэ! — кричал зал. — Ура, ура! Вот так забавник!

Цевен поднял руку, требуя молчания.

— Монголы, вас предают!.. — крикнул он.

На сцену выбежал Сян в коротких штанах и пестрой кофте жонглера. Он был вне себя от ярости и страха.

— Нет, это не клоун, — сказал князь, снова толкая в бок актрису. — Я ошибся. Это знаменитый силач из Токио по прозванию Длинный милашка, о котором говорится в программе. Сейчас состоится «дзю-до» — японская борьба.

Сян подошел к Цевену и нанес ему правой рукой короткий удар, целясь в сонную артерию.

Цевен пошатнулся.

Все знатоки борьбы в публике одобрительно закивали.

Оркестр, сначала растерявшийся, ударил в металлические тарелки.

Из юрт и деревянных пристроек вышла вся труппа манчжурского цирка.

Сян делал подножки противнику, выворачивал ему руки и старался стянуть с него халат, чтобы лишить свободы движений.

Цевен упал на пол, увлекая за собой Сяна.

Публика захлопала в ладоши.

Однако Цевен снова вскочил.

Ухватив Сяна за плечо, он обрушился кулаком на его шею.

Теперь они стояли друг против друга: один, — разведя руки и выпятив зад, легко приплясывая, — в первой позиции японской борьбы. Другой, Цевен, — подперев расставленные колени ладонями и ворочая головой, — как монгольский борец на состязаниях.

Он схватил Сяна поперек тела железной монгольской рукой. Тот напрасно старался вывернуть ему шею.

Цевен поднял Сяна над головой и забросил его в висящую над сценой сетку.

Публика была в восторге от этого удивительного зрелища. И действительно, это было поинтересней чем жонглирование шарами.

Цевен двумя прыжками соскочил со сцены и, перепрыгивая через людей и скамьи, побежал к выходу.

Оркестр окончательно замолк.

Музыканты разбегались, чувствуя недоброе.

Еще некоторое время стучал барабан.

— Что случилось? Я не понял, — спрашивал отец молодого чиновника у своих соседей, но никто не мог ему ответить.

Цевен выскочил на улицу. Он был оглушен борьбой. Движения его были неуверенны. Опомнившись, он бросился бежать.

Вслед за ним под предводительством Сяна на улицу, освещенную луной и фонарями, высыпал весь цирк.

— Вон он бежит! — крикнул Сян, указывая вперед.

— Что случилось? Я не понял, — растерянно повторял отец семейства.

По полутемной улице бежал Сян. С ним рядом галопировал клоун верхом на белом верблюде. Партерные акробаты бежали сзади, держа друг друга за руки.

— Какое роскошное представление! — сказал товарищу кучер княжеского рыдвана, думая, что представление продолжается на улице.

В цирке стоял гул возмущения. Кольцо зрителей сжималось вокруг старика-кассира, единственного представителя администрации.

Чиновник, окруженный многочисленным семейством, волновался больше всех.

— Я заплатил три янчана за то, чтобы видеть цирк, а не гадкую рожу кассира! — орал он.

Князь и актриса, поддерживаемые кучерами, садились в рыдван.

— Над нами смеются, — сказала женщина в богатом халате.

Чтобы развеселить публику, кассир пробовал ходить на руках, но это ему никак не удавалось.

— Пусть он лучше вернет мои деньги, — сказал оборванный скотовод с кнутом в руке, — деньги, которые я заплатил за представление. Ради этого я продал на рынке годовалого бычка редкой красоты.

— Над нами смеются, — снова сказала женщина в богатом халате.

На улице погоня продолжалась. В строй вступили два цирковых велосипедиста: один — на огромном велосипеде, другой — на карликовом. Один из них крикнул, догоняя другого:

— Проклятый монгол, такую дистанцию и настоящий артист не выдержит!

Он упал, и его товарищ проехал дальше с отчаянным лицом.

Добежав до перекрестка, Цевен бросился в сторону. Здесь кончался городок. Цевен бежал по закоулкам и пустырям, мимо юрт, перепрыгивая огромными прыжками через высохшие русла ручьев. Преследователи, видимо, отстали, и только издалека были слышны крики: «Где он? Куда он провалился? Быстрее!»

Из всех преследователей остался только Сян, который бежал по верному следу.

Расстояние между бегущими уменьшалось.

Впереди стояла одинокая, заброшенная юрта.

Сян выстрелил в Цевена и не попал.

Цевен вбежал в юрту и захлопнул за собой дверь.

Это была летняя юрта с неполным каркасом. Внутри не было никого. Поблескивали изображения богов.

Дорожным ножом Цевен разрезал одну из войлочных стен. Выскользнув из отверстия, он оглянулся. Но кругом была только степь, где все было ровно, как стол.

«Где бы здесь спрятаться?» — подумал Цевен.

Казалось, спрятаться некуда. Но тут Цевену в голову пришла счастливая мысль, и он побежал к стаду овец, которые паслись на пригорке.

Расталкивая овец, он забрался в середину стада, лег на землю и тихо повелительно засвистал.

Овцы обступили Цевена живой, колеблющейся стеной, и он затерялся среди них.

Вскоре из отверстия, прорезанного в стене юрты, показалась голова Сяна, которому удалось, наконец, высадить дверь и проникнуть в юрту. Он осторожно вышел на лужайку, опасаясь нападения.

На лужайке никого не было.

— Насакенай! — пробормотал он японское ругательство. — Вероятно, этот пастух скрылся в овраг...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Медленно выйдя на дорогу, Цевен шел вдоль каменной ограды.

Вскоре он увидел высокие ворота, над которыми качались бунчуки и медные шары. Под косяком висел цветной фонарь, склеенный из бумаги.

Внезапно четыре руки схватили Цевена за плечи и мгновенно связали его. Это были дворцовые сторожа — два здоровенных парня в овечьих шубах и в шапках из волчьего меха.

— Пятьдесят ударов палкой, — сказал один из стражников.

— Или пятьдесят плетей, — сказал другой.

При этом они так крепко держали Цевена, что он не мог пошевелиться.

— Кто вы? — с возмущением крикнул Цевен. — За что вы мне грозите побоями?

— Здесь наш князь, — ответил ему первый стражник.

— Наш князь, — подтвердил другой.

— Ну, и что же? — удивленно спросил Цевен.

— Ему надо кланяться, а ты не поклонился, проходя мимо ворот, — снова сказал первый.

Тогда Цевен закричал так строго, как только мог:

— Ведите меня к нему! У меня есть слово, от которого у него дыбом встанут брови! Важное заявление!

Но на стражников его слова не произвели впечатления.

— Добро пожаловать, — сказал первый стражник, давая ему подзатыльник.

И второй, волоча Цевена, подтвердил:

— Князь будет в восторге.

Через мгновение Цевена втолкнули в ворота княжеского дома.

Вот так дворец был у князя! Нарядный, разноцветный с яркой изогнутой крышей, над которой летали маленькие стрижи. Они вили себе гнезда в отверстиях красивых выступов и считались княжескими птицами. За каждого стрижа садовник отвечал головой.

На дверях дома висели металлические изображения духов и гениев. Это были страшные физиономии с круглыми выпученными глазами и ушами, скрюченными, как веревка. Наверху, под самой крышей, звенели колокольчики. Князь любил засыпать под их слабый звон, похожий на шум воды. Во дворе дома стоял небольшой бронированный автомобиль с вращающимися пулеметами. Двор порос травой, и две белые козы паслись возле машины.

Над постелью князя висели маузер в деревянной кабуре и восьмирукий будда, нарисованный китайским художником. Князь редко прибегал к их помощи: он не любил оружия, а будду он боялся беспокоить. Так они и пылились — будда и маузер, — пока их не перестали замечать.

Цевен остановился на пороге княжеской комнаты. Фотографии актрис, семейные группы князей в барсучьих треухах, портреты нанкинских министров и местных генералов висели на стенах. Уже были зажжены свечи в старомодной люстре, и комната сверкала как фонарь с цветными стеклами.

Против входа, на лежанке с подушками, сидел князь с китайской актрисой.

Они ужинали.

Три китайца-лакея быстро меняли перед ними блюда, а у двери стоял музыкант и дул в трубу, издавая оглушительный рев.

Стражники силой перетащили Цевена через порог. Один из них склонил его голову для поклона.

— В чем дело, негодяи? — добродушно спросил князь.

— Привели преступника. Проходил нагло мимо ворот, — сказал один из стражников и в знак почтения сложил кулаки на животе.

— Я не преступник! Я Цевен из Чорот! — крикнул Цевен. — Я иностранец и попал сюда случайно. Сюда идут японцы. Я слышал. Об этом говорили. Ты монгол, ты будешь плакать, когда я расскажу, что слышал в цирке.

Тут князь поморщился и встал со своего места.

— Не твое дело, деревенщина, — сказал он. — Отведите иностранца в тюремную юрту. Я его буду судить. А теперь довольно. Принесите мне чаю, подлецы!

Он снова сел и погрузился в разговор с красивой актрисой.

Цевена вывели из княжеского дома в сад, полный маленьких мостиков, рогатых арок и подстриженных кустов. Слышно было пение воды, и в маленьком озере торжественно плавали гуси.

Некоторые деревья были похожи на птиц, другие — на рыб, третьи — на цветы. Стражники провели Цевена под деревом, на ветвях которого, как маленькие зеркала, отражающие блеск озера, висели плоды.

«Это волшебный сад, — подумал Цевен, — это волшебные плоды. Ах, если бы у меня были свободные руки!»

Но руки его были связаны, и он не мог ими пошевельнуть.

Стражники тычками привели Цевена к низкой, почерневшей от времени юрте, у раскрытых дверей которой на корточках сидели два княжеских холопа, опоясанные шашками.

— Теперь ты, деточка, будешь знать, что́ такое монгольский князь, — сказал главный стражник, толкая его вперед.

Дверь распахнулась.

Сквозь нее в юрту пробился свет фонаря.

В отблесках сверкала железная цепь.

На полу сидел, обняв колени, человек с разбитым в кровь лицом.

— Лежи здесь и не двигайся, — сказал стражник и, втолкнув Цевена в юрту, снова захлопнул за ним дверь.

Очутившись в темноте, Цевен пытался шагнуть вперед, но тут же споткнулся о чье-то тело и сел на землю.

— Осторожно: ты ранишь меня каждым движением, — раздался из тьмы голос.

— Кто ты такой? — спросил Цевен, тщетно пытаясь что-либо разглядеть.

— Я несчастный монгол, господин, войдите в мое положение! — закричал неизвестный плачущим голосом. — Я из племени Чахар, ни в чем не виновен, честное слово, господин. Я сорвал только один плод из здешнего сада. Больше я ни в чем не виноват!

— Я не твой господин, — сказал Цевен, — я простой пленник. Видать, в этом саду растут не простые плоды.

— По совести, не простые, господин пленник, вы совершенно правы. Я сорвал один из них и получил двадцать палок, не считая ударов в нос...

Неизвестный долго еще рассказывал свою историю, но Цевен, до полусмерти утомленный своими дневными похождениями, бросился на землю и заснул, не обращая внимания на сырость и шуршавших вокруг него мокриц.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Утром Цевен стоял со связанными за спиной руками посреди окаймленного вязами двора. Здесь должен был состояться суд.

На маленькой террасе сидел князь Оголон-Ван и пил чай, закусывая печеньем, рассыпанным на лакированном китайском столике.

Рядом с ним стоял худощавый господин с немонгольскими чертами лица. Он был одет так, как это принято среди японских коммерсантов, отправляющихся в глубь материка: нечто среднее между костюмом спортсмена и китайского купца — брюки гольф и ватная куртка. На носу очки с выпуклыми стеклами. Из-под куртки виден кончик кобуры.

Несмотря на этот костюм в нем можно было узнать Семба-Агримба-Лхарамба-Ламу. Да, это был он, почтенный доктор тибетской медицины и философии, но на этот раз он не выдавал себя за монаха: при дворе князя японец Семба не считал нужным притворяться.

Стражники и публика — десятка три монголов, преимущественно на конях, — робко толпились возле ворот.

Среди них был и Гомбосурун, который вчера был наказан палками. Он держался позади всех, предпочитая не показываться на глаза стражникам.

Китайская актриса также пришла полюбоваться судом. Она сидела у окна княжеского дома.

Наконец, судейский писарь скороговоркой прочел длинную молитву и началось судебное разбирательство.

— Говори прямо и честно, преступник... — сказал князь, обращаясь к стоявшему перед ним Цевену.

— Слышишь: говори прямо, — прервал Семба. — Князь хочет знать, как твое имя и откуда ты родом. А если ты попробуешь соврать, то мы выбьем из тебя правду палкой.

После этой речи князь одобрительно посмотрел на Цевена, как бы говоря: «Вот именно это я и хотел сказать».

— Я Цевен из Чорот, — ответил пастух.

— Ты утверждаешь, что приехал для совершения богатырских подвигов. Чем ты можешь доказать это? — снова спросил японец.

— Развяжите мне руки — и я докажу, — сказал Цевен.

Тут в публике раздался смех, князь недовольно поморщился, и стражники угрожающе стукнули прикладами о землю.

— Ну вот, таков он, — сказал японец князю: — груб, нахален, не умеет как следует разговаривать с князем. Таковы все они, монголы из Улан-Батора.

— Да, не умею, — сказал Цевен. — У нас и князей-то нет. Мы их всех давно... — и он сделал выразительное движение ногой.

Стражники оттащили его в сторону.

— Кровь потечет, кровь потечет! — крикнула актриса, вскакивая.

— Я скромно думаю, что все ясно, — сказал Семба, нагибаясь к князю. — Революционер, груб и опасен.

— Считаю, что все ясно. Опасен, — громко повторил князь.

— Я думаю, отпустить нельзя.

— Отпустить нельзя.

— Обезвредить?

— Считаю необходимым обезвредить.

На этом суд закончился, и князь, сопровождаемый Сембой, ушел со двора.

— Об'являю решение высокого княжеского суда, — пробормотал, поднимаясь, писец. — Человек, именующий себя Цевеном из Чорот, приговаривается к лишению возраста путем отсечения головы.

Цевен с недоумением оглядел окружающих.

— Что за шутки? — сказал он.

— Завтра я посмотрю, как выглядит твоя голова на шесте, — крикнула со своего места китайская актриса. — Это будет очень интересно, мужик. Я попрошу, чтобы Семба снял с нее фотографию. Ты, право, красивый малый! — и она захлопала в ладоши.

Она была злая и жестокая женщина. С пяти лет она странствовала с бродячим театром и умела только петь, улыбаться и говорить глупости.

Стражники потащили Цевена прочь.

— Отстаньте, — говорил он. — Я не позволю отрубить себе голову.

Однако через час Цевен уже лежал на полу тюремной юрты, и приговор больше не казался ему неправдоподобным.

Он бормотал про себя:

— У меня дома стада овец, девчонка Дулма. Только бы мне выбраться отсюда.

У входа в юрту часовые, сидя на корточках, играли в китайскую игру «кулак». Для этой простой игры не требовалось ни карт, ни костей, ни других приспособлений. Достаточно было обладать пятью пальцами, чтобы держать банк. По команде: раз, два, три! — они вытягивали несколько пальцев вперед, одновременно называя всю сумму пальцев, открытых обоими. Кто угадал, тот выигрывает.

— Один! Три! Пять! — выкрикивали они и совали пальцы в лицо друг другу.

Одному из часовых все время не везло. Он проиграл курительную трубку, кисет, кошелек и даже заложил в игру свой пояс, который он не имел права проигрывать, потому что это была казенная вещь. Но бедный игрок уже не мог остановиться. Он играл еще и еще.

— Ставлю на отыгрыш четыре! — крикнул он. Но рука его осталась протянутой в воздухе: партнер отвернулся, говоря:

— Я с тобой больше не играю, приятель, у тебя нет денег. Что ты можешь заложить еще?

— Вот что, — сказал незадачливый игрок, — я ставлю сапоги пленника против халата пленника, — и он кивнул головой в сторону Цевена.

Услышав это, Цевен поднял голову.

— Эй, вы! — сказал он. — Позволю себе напомнить, что мои вещи принадлежат мне.

— Успокойся, пленник, — сказал первый часовой. — Пока ты жив, никто не возьмет твоих вещей. До вечера можешь оставаться в них.

Цевен вскочил с места. На лице его был ужас. Он бросился к выходу с криком:

— Убийцы, злые люди! У вас нет ни на грош монгольской честности, а уж о богатырском благородстве и говорить нечего!

Часовые связали его и кинули в угол.

— Четыре! — снова крикнул проигравший и вытянул вперед два пальца. Но его партнер сказал:

— Три, — и поднял один палец. Он выиграл.

— Халат пленника твой, — с досадой сказал игрок.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Здравствуйте, святой аптекарь.

— Здравствуй, пастух.

— Осмелюсь просить у вас совета?

— Говори, говори. Совет бесплатно. Лекарство за деньги. Таково мое правило.

— Я потерял сон, святой аптекарь. Дай мне что-нибудь, чтобы я уснул быстро и крепко.

— У меня есть такое лекарство. Оно дорого стоит, но я сделаю тебе скидку. Сказать по правде, я в первый раз вижу пастуха, страдающего бессонницей.

Говоря эти слова, монах-аптекарь высыпал на ладонь Гомбосуруна несколько маленьких черных пилюль из фарфоровой бутылки.

Гомбосурун находился в маленькой тибетской аптеке, при городском монастыре. По стенам, в комодах с бесчисленными ящиками, были акуратно разложены снадобья монашеской медицины: корень хархун, прутья для прижигания, кровь ящериц, сушеные змеи.

Расплатившись с монахом, Гомбосурун вышел из аптеки и медленно зашагал по направлению к княжескому дворцу. Он шел, свесив рукава до земли и подняв вверх голову, словно человек, который вышел подышать свежим воздухом. Незаметно он миновал главную площадь, отвесил низкий поклон перед фасадом дворца, помолился богам возле храма, — словом, вел себя вполне благонамеренно. Перед самым дворцом он остановился у мясной лавки и купил жареную баранью ногу, которую завернул в полу халата. Так, тихим шагом, он дошел до тюремной юрты, у входа в которую играли часовые.

Худощавый все еще проигрывал.

— Шляпу пленника против рубахи пленника! — азартно кричал он, и оба игрока тыкали друг другу в глаза пальцы.

Медлительным шагом Гомбосурун прошел мимо тюремной юрты. Из полы его халата соблазнительно торчала баранья нога, отлично зажаренная.

Часовые переглянулись.

— А что это у тебя? — сказал первый часовой с равнодушным видом.

Гомбосурун остановился и отвесил им несколько коротких почтительных поклонов.

— Не изволите ли ощущать голод в своей особе? — вежливо сказал Гомбосурун и снова поклонился.

— Пожалуй, я голоден, — сказал первый часовой и вопросительно поглядел на товарища.

— Как монгольский патриот, — важно сказал Гомбосурун, — преподношу высокосветлой княжеской армии мой ничтожный дар.

Часовые степенно одобрили его поступок, который нисколько не показался им удивительным.

Отдав им баранью ногу, Гомбосурун отошел, и часовые, вооружившись ножами, принялись деятельно поедать мясо. Один из них даже швырнул кусок мяса Цевену.

— Ешь, пастух, — сказал он, — у меня нет злобы против тебя. Кто станет злиться на умирающего?

Проголодавшийся Цевен уже схватил было мясо, но остановился, привлеченный отчаянными знаками, которые делал ему Гомбосурун, задержавшийся на пустыре, близ тюрьмы.

Цевен мрачно отпихнул мясо ногой.

— Какой ты гордый, — слабеющим языком сказал часовой.

Глаза его сомкнулись. Голова упала. Он заснул.

Заснул и его товарищ.

Тибетский аптекарь умел приготовлять такого рода лекарства. Сон и смерть были в его власти.

Переступив через тела часовых, Гомбосурун вбежал в юрту и развязал Цевена.

— Скорее, скорее, — шепнул он. — Я дал им снадобья. Сон быстрый и крепкий, но короткий...

Они выбежали из юрты и побежали прочь.

Изнуренный лишениями, Цевен быстро стал задыхаться.

Он просто падал с ног.

— Еще сотня шагов, — умолял его Гомбосурун: — там, в ивовой роще, привязан мой конь. Ну, ладно, подожди меня, я сейчас его приведу.

Но Цевен отрицательно покачал головой.

— Нет, чахарец, твой конь не унесет нас двоих. Иди спасайся!

— Я не оставлю тебя, — сказал Гомбосурун.

— Зачем ты гибнешь из-за меня, чужого человека?

— Ты монгол и я монгол. Ты пастух и я пастух. И потом ведь мы поклялись друг другу в дружбе. Идем.

— Нет, — снова сказал Цевен, отрицательно качая головой. — Ах, если бы здесь был мой Бегунец! Мне достаточно было бы свистнуть вот так... — и он свистнул, показывая, как он свистал когда-то Бегунцу.

И вдруг — хи-э-эй! — из-за стены княжеского сада раздалось ржание Бегунца. Да, это был вороной конь Цевена, принесенный князю в дар монастырским экономом. Он уже два дня стоял в дворцовых коновязях. И едва из тишины донесся свист Цевена, как Бегунец прислушался, тряхнул головой, рванул повод и побежал на свист.

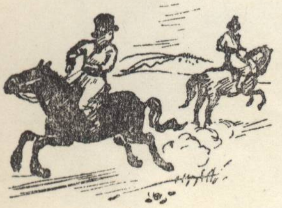
Цевен вскочил с земли.

— Я слышу топот! — крикнул он. — Это Бегунец! Я узнаю его шаг из тысячи!

Тут Бегунец подбежал к Цевену и теплой мордой ткнулся ему в плечо.

— Бегунец! — прошептал Цевен. — Ты услышал меня!

Два друга сели на Бегунца. Проехав немного, Гомбосурун нашел своего коня и пересел на него.

Друзья галопом понеслись вперед и ехали несколько часов по пустынной дороге.

На перекрестке, возле известкового холма, Гомбосурун внезапно осадил коня.

— Эта дорога, — сказал он, указывая направо, — идет на твою родину, в Монгольскую народную республику. Прощай, пастух!

— Постой, — сказал Цевен, — мы стали братьями, поезжай со мной.

Гомбосурун вздохнул и ответил:

— Нет.

— Поезжай со мной, — убеждал его Цевен, — у нас нет ни княжеских палачей, ни японцев. Мы, пастухи, управляем своей страной.

— Здесь моя семья и мое стадо, — сказал Гомбосурун, — я останусь в Чахаре. Но я не забуду ни тебя, ни твоих слов. Кто знает, быть может, и мы когда-нибудь добьемся свободы и станем независимыми, как вы.

Они простились и поскакали в разные стороны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Три дня и три ночи скакал Цевен по большой дороге, никуда не сворачивая. Посередине пустыни Гоби он снова пересек границу и на пятый день выехал к Улан-Батору.

Светало. Со всех сторон к городу с'езжались люди.

Он был виден издали, с вершины холмов, — столица Монгольского государства: золотые купола буддийских монастырей, мачты радиостанций, кирпичные конусы надмогильных памятников, белые стены фабрик, пестрые флаги над крышами, испещренные заклинаниями.

Был июль—месяц, когда монголы в течение десяти дней справляют «Надам» — праздник независимости. В эти дни бывают состязания, игры, представления. Кочевники с'езжаются в города, и провинциалы превращаются в столичных жителей.

По всем дорогам — от Кобдо, от Мурина, от Алтан-Булака, от Цзамен-Удэ — люди идут, скачут, плетутся, мчатся на автомобилях, гонят стада.

Скотоводы с женами, детьми, верхами и на арбах, китайские купцы во главе бычьих караванов, борцы, омывающие во встречных речках свои сильные тела, монахи, старые и молодые, провинциальные чиновники на велосипедах, погонщики верблюдов, кооператоры в нагруженных до верху машинах, певцы, прочищающие голоса по утрам на привалах.

— В Улан-Батор! На праздник «Надам»!

Наступает ночь. Зажигаются костры по сторонам дороги.

Огромная долина, которая только что была голой степью, сейчас густо усеяна юртами. Дымки поднимаются к небу из круглых отверстий в крышах юрт.

На конях и бычках издалека с'ехались скотоводы, чтобы участвовать в празднике. «Надам» продолжается целые десять дней, здесь будет время повеселиться!

Чтобы участвовать в празднике наравне с другими, житель Кобдо покрывает полторы тысячи километров пути. Грузовики с запыленными путешественниками пересекают пустыню Гоби с востока на запад. Но зато сколько интересных вещей можно увидеть на столичном «Надаме»: скачки, борьбу, стрельбу из лука, ярмарку, военные парады.

Монголы-парашютисты будут прыгать с самолетов на зеленый луг. А это — зрелище не из обычных.

Каждому интересно узнать, кто окажется победителем в борьбе. Здесь встретятся самые сильные мужчины государства. Первый победитель получит звание «Удав» — это сила и изворотливость. Второй победитель называется «Лев». А третий — «Слон». Затем идут почтенные, но узнавшие поражение силачи, они получат титулы «Сокол», «Орел». Число борцов доходит до тысячи.

Борцы надевают на себя цветные трусы и белые нарукавники. Грудь у борцов голая. На голых ногах — монгольские кожаные сапоги. Чтобы свалить противника на землю, возможны все средства. Допускается даже подножка. Это свободная борьба, где сила, ловкость и осторожность являются необходимыми качествами. Нужно угадывать намерения противника, чтобы победить. «Удавы» по выражению глаз, по повороту тела, по наклону коленей знают, какой прием борьбы готовит соперник.

Монголы любят и ценят борьбу. Они называют ее «искусством героев». Солдаты народной армии на лугу состязаются с чемпионами монастырей, и чиновники министерства — с пастухами.

В этот день многие из наших знакомых понесли свои юрты в окрестности Улан-Батора. Здесь красавица Дулма с почтовой станции Чороты. Здесь отец ее Намдак, здесь и трехгодовалый бычок Дулмы, белый с рыжей отметиной.

Вот и китайский буфетчик Синь-Фа на велосипеде под'ехал к юрте Дулмы. Он также приехал в город посмотреть народные праздники.

— Ни-хао, — говорит он по-китайски, спрыгивая с велосипеда, и тут же переводит: — Сайн байну, здравствуйте.

— Сайн байна, здравствуйте и вы, — отвечает ему девушка.

— Не пустите ли вы меня переночевать? — говорит он.

— Выбирай место, — говорит старый Намдак.

Но тут Дулма встает.

— Я выбрала для тебя место, — говорит она и, взяв баранью шкуру, швыряет ее наружу, за дверь юрты. — Здесь твое место, с собаками на дворе.

— Сердишься, красавица? — говорит Синь-Фа, нисколько не обидевшись. — Я знаю, в чем дело. Ты не можешь забыть дружка своего, Цевена? Не вернется Цевен: его повесили там, далеко на юге.

Дулма смотрит на китайца.

— Что ты сделал с ним? — говорит она. — Что случилось с Цевеном?

— Да, я имею сведения, — говорит китаец: — он повешен за кражу. Твой богатырь повешен за кражу.

Машина Амоголана уже вернулась из своего дальнего путешествия и остановилась близ придорожного холма, где расположилось на ночь несколько почтовых машин.

Шоферы готовились ужинать.

Они вырыли в земле продолговатую яму с двумя отверстиями. Одно из них было набито топливом. Над другим Амоголан водрузил чугунный китайский котел.

Бурлила вода. Шоферы кидали в котел мясо и задумчиво смотрели в огонь.

— Знавал я когда-то одного парня,—сказал один из шоферов,—знавал я парня по имени Цевен. Хвастунишка и забияка. Где он теперь?

— Пропал куда-то, — сказал Амоголан, размешивая похлебку.—Жалко, хороший был парень.

— Ну, а та девчонка, Дулма?

— Все не забывает его,—задумчиво сказал Амоголан,—все ждет его, может быть, и вернется.

— Однако я видел у нее сегодня Синь-Фа.

— Синь-Фа!

— Синь-Фа.

Амоголан ел мясо, строгая его ножом.

— А нам-то что,—проговорил приятель-шофер.—Мало ли девчонок будет на «Надаме»?

Амоголан ничего не ответил.

Гаснут огни на дорогах к Улан-Батору. Стихает шум.

Несколько человек еще сидит возле юрты скотовода Очира, который сегодня утром прикочевал к Улан-Батору. Поглаживая усы, гостеприимный Очир рассказывает друзьям и проезжим

Сказку о пограничном знаке

«Невдалеке от озера Буир-Нор стоял новенький, свежевыкрашенный пограничный столб. Звали его Халдан-Балдан. Недели две назад его поставили здесь японцы.

Столб был большой охотник поговорить о себе, но он считал ниже своего достоинства заводить случайные знакомства, тем более, что он стоял в голой степи, где ничего не было, если не считать низенькой древней сосны, которая явно была ему не пара. Со своей ободранной корой она была похожа на деревенскую нищенку.

И все же однажды столб заговорил с ней: он не мог больше молчать. Его распирало от желания блеснуть перед собеседником. При этом он не упустил случая намекнуть сосне на честь, которую он ей оказывает.

— Послушайте, сосна,— сказал он,— такой тонкой натуре, как я, тяжело оставаться без общества. Я решил познакомиться с вами.

И он сделал вид, что наклоняет свою полосатую голову, к которой был прикреплен герб Манчжоу-Го.

Старушка от удовольствия так затрещала ветвями, что серые воробьи, обитавшие там, в испуге попадали на землю.

— И то правда,— сказала сосна,— просто больно смотреть, что такой умный столб, как вы, прозябает в этой пустыне. Не имей я корней, я бы давно двинулась в путь-дорогу.

Говоря это, сосна врала, так как все знают, что цель столба и состоит в том, чтобы всю жизнь торчать на одном месте. Она была старой подлизой.

Под конец беседы Халдан-Балдан расхвастался и стал намекать, что ему известны кое-какие военные тайны.

— Надвигаются события, — сказал он, значительно подмигивая, — скоро я уйду от вас... Н-да... Да и, правду сказать, не место мне в вашей компании. Не даром я в течение трех лет подпирал потолок в офицерском собрании 7-го Формозского полка. Там-то я и приобрел светский лоск и военную выправку. Уйду я, уйду от вас.

— Куда?— спросила сосна, сгорая от любопытства.

— На запад, на земли Монгольской народной республики. Километров на двадцать для первого раза. Прекрасный кусок земли. Превосходная рощица молодых деревьев, где я недурно проведу время. Обо всем этом я услышал от самого господина полковника, который вчера долго стоял возле меня, осматривая окрестности в бинокль, и даже почесал об меня спину.

И действительно, на следующий день японские и манчжурские солдаты, по приказанию офицера, вырыли столб и с воинственными криками поволокли его на запад.

Вскоре послышались выстрелы. Это монгольские пограничники защищались от нападения японцев.

Старая сосна, оставшаяся совсем одинокой, сохла от нетерпения. Она попросила воробьев, квартировавших на ее верхушке, узнать, что там происходит. Два воробья взялись выполнить это поручение и улетели на запад. Перестрелка усилилась. Это была настоящая стычка. Боевые дымки поднялись вдали.

К вечеру оба воробья вернулись.

— Ну что?— спросила сосна.

— Ничего хорошего для твоего высокопоставленного дружка,— с удовольствием сказали воробьи, которые недолюбливали заносчивого Халдан-Балдана. — Манчжуры бегут. Японцы тоже бегут, но гораздо быстрее. Монголы их гонят прочь со своей земли. Старый полковник, чесавший вчера спину о столб, сейчас чешет себе затылок, потому что ждет нагоняя из Токио за свою неудачу. А сам господин Халдан-Балдан... эге, да вот он!

И действительно, столб был здесь. Несколько солдат втыкало его на старое место. Но как он поблек и истрепался в драке!

— Вот я и вернулся,— непринужденным голосом сказал столб, хотя и без того было совершенно ясно, что он вернулся.

— Да, я вернулся,— продолжал он, корча из себя попрежнему блестящего токийского франта.— Ничего интересного там нет. Очень упрашивали меня остаться, но я решил погостить здесь. Они обидятся на меня, ну, да уж бог с ними. Побуду я лучше с вами, сосна. А потом я опять подамся на запад.

И он благосклонно посмотрел на сосну.

Но та молчала. Халдан-Балдан оказался задирой, хвастуном и нахалом. Это было ясно даже старой и не очень умной провинциальной сосне.

А уж о нас с вами и говорить нечего».

Рассказав эту историю, Очир попрощался со слушателями и ушел в юрту. Разошлись и остальные.

Была поздняя ночь, и кругом все спало.

Спали купцы, скотоводы, школяры, чиновники, монахи, борцы, музыканты. Спали в юртах, на земле, завернувшись в овчины на кипах товаров, среди стад, в кузовах машин. Спали яки, уложив тяжелые морды меж передних ног, засыпали козы, бараны, уткнувшись головами друг в друга. Рухнули на земь верблюды, собаки смежили подозрительные глаза.

Ночь. Монголия недвижима.

Не спал один человек. Он скакал по дорогам, озираясь и нахлестывая коня. Это Цевен. Стук копыт тревожил спящих. Ворчали собаки. Стонали, не просыпаясь, певцы. Дети-наездники дергали воображаемые поводья. Купцы щелкали во сне пальцами. Сучили ногами борцы.

Цевен мчался все дальше, все ближе к Улан-Батору...

Он в'ехал в ночной Улан-Батор. Мелькают мосты. Блестят лужи. Собаки валяются у входа в расщелины переулков. Изредка, ворча, пронесется министерский бьюик, возвращаясь с затянувшегося заседания. Деревянные ставни лавок. Большие, европейские дома. Гулко шагает сторож по деревянному тротуару.

Улан-Батор! Великая столица Монголии!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Слушай, приятель! Мне нужно поговорить с правительством. Где оно?— спросил Цевен, остановив коня у красивого двухэтажного дома с большими электрическими часами над дверью.

Сторож рад случаю потолковать, маленький сторож с огромным государственным гербом на фуражке: две рыбы, чаша, лотос и пламя.

Он неспеша закурил трубку.

— Правительство тебе понадобилось? Так, так,— сказал он.— А что у тебя, отчет или эстафета?

Два десятка уличных собак уселись вокруг них, внимательно наблюдая за разговором.

Бегунец беспокойно гарцовал под Цевеном.

— Я сделаю тебе завтра доклад, министр уличных псов,— насмешливо сказал Цевен и хотел уже ехать дальше.

— Пожалуй, я скажу тебе, где правительство. Оно здесь, рядом с тобой. Но сейчас его нет здесь. Разве ты никогда не слыхал о доме с горящими часами перед входом?

Цевен спрыгнул с коня и дернул двери.

Заперто. На электрических часах три часа ночи.

— Ты думаешь, правительство будет ждать всю ночь, пока не соизволит явиться такой молодец, как ты?— наставительно сказал сторож.— Зачем оно тебе понадобилось, невежливый молодой человек?

Но Цевен больше с ним не разговаривал. Он привязал коня к крыльцу и расположился на ступеньках. Огромная усталость тянула его к земле. Он заснул.

Крепко спит усталый человек. Утро. Купцы отворяют лавки. Хозяйки верхом выезжают на рынок за продуктами. Китайцы-зеленщики расставляют на лотках свой товар. Монастырские трубачи созывают монахов на молитву. Чиновники с портфелями шагают по ступенькам правительственного дома, переступая через Цевена.

А Цевен все еще спит.

Солнце поднимается выше.

От автобусной остановки, где висит об'явление «Отход машин на территорию празднеств через каждые пять минут», трогаются автокары, полные пассажиров. За рулем одного из автокаров сидит Амоголан. Он осторожно ведет машину по дороге, полной всадников и пешеходов.

Цевен все спит.

На монастырском дворе перед сегодняшним состязанием тренируются монахи в костюмах борцов. Толпа послушников наблюдает за их движениями.

Из храма вышел настоятель. Ему лет девяносто. На лице его святость и неземное спокойствие. Он остановился, наблюдая борьбу сквозь полузакрытые веки. Борцы, охватившие друг друга руками, робко озирались на него и тяжело пыхтели.

Видно, настоятель был недоволен.

Тогда ученые старцы, пошептавшись, открыли двери маленького храма. Оттуда выбежал монах неимоверного роста и телосложения. Он остановился, по-медвежьи поводя руками и вздувая огромные мускулы. Тень одобрения пробежала по строгому лицу настоятеля.

Он подошел к борцу. Кругом наступило благоговейное молчание. Настоятель заговорил. Открылись уста мудреца:

— Будешь бороться, поддавай зад к земле,— сказал он слабым голосом,— поддавай зад к земле, это — главное...

Цевен проснулся. Большие часы над его головой показывали двенадцать. Цевен встал и вошел в дом правительства. Вскоре он сидел в кабинете министра и рассказывал историю своего путешествия.

Министр, молодой монгол с подвижным умным лицом, выслушав Цевена, сказал:

— Твои мысли делают тебе честь, пастух. Ты чувствуешь как монгол, как гражданин Монгольской народной республики. Все, что ты рассказал, правительство знает и принимает меры для обороны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Рассказав министру все, что он знал, Цевен решил заняться личными делами. Вскочив на Бегунца, он поехал на ярмарку.

Здесь было шумно и пестро. Спешившись, Цевен бродил между рядами лавок. Он разглядывал трубки, седла, сапоги, яркие ткани для халатов, утварь, европейские костюмы, патефоны. Сердце пастуха радовалось этому изобилию.

Высокое деревянное седло, выложенное серебром, настоящее богатырское седло, привлекло его внимание. Он принялся рассматривать его, прицениваясь и щелкая языком от удовольствия. Забывшись, он выпустил из рук поводья Бегунца, стоявшего за его спиной.

По улице в это время пронеслась кавалькада детей, участников конских состязаний. Ими предводительствовал начальник скачек, всадник в старомонгольском костюме и с боевыми революционными орденами на груди. Громким голосом начальник выкликал желающих состязаться.

Подняв пыль, кавалькада унеслась. Увлеченный движением, вслед за ней ускакал Бегунец.

Кончив щупать и гладить седло и отпустив множество восхищенных цоканий и прищелкиваний, Цевен потянулся за поводьями. Их нет. Цевен оглянулся: нет Бегунца.

Цевен выбежал на улицу. Коня нет. Он принялся свистеть и звать:

— Бегунец!

Кругом плыла пестрая, ярморочная толпа.

В отчаянии Цевен прибежал к киоску справочного бюро.

— Ты можешь мне указать то, что я ищу?—крикнул он, просунув голову в окошко.

Молодая монголка в белом берете подняла на него глаза.

— Все, что тебе нужно на «Надаме», я тебе укажу, — сказала она.

— Я ищу коня и девушку. Коня Бегунца, черного с белым носом, и девушку Дулму, хохотунью с маленьким подбородком.

Молодая монголка рассмеялась:

— Таких справок мы не выдаем.

Цевен рассердился:

— К чему же твоя служба?

— Ты сам виноват, — сказала молодая монголка:—девушку и коня никогда нельзя отпускать. Но не горюй, здесь, на празднике, много хороших коней и красивых девушек.

— Мне нужен мой конь и моя девушка!— крикнул Цевен и бросился в толпу.

Он долго бродил по ярмарке, метал кольца, стрелял в тирах, одерживал десятки мелких побед в маленьких спортивных играх, но внезапная тоска всякий раз овладевала им. Он бросал игру и вновь замешивался в толпу, ища. Он заглядывал в лица девушкам и поворачивал к себе морды коней. Над ним смеялись. Он не отвечал на шутки и оскорбления.

Когда он поровнялся с китайской столовой, где за полтора тугрика отпускали обед из семидесяти двух блюд, какой-то голос окликнул его:

— Цевен, ты вернулся?

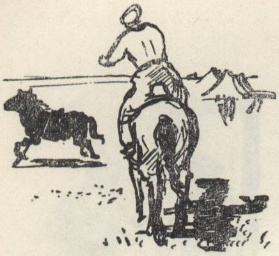
Это был Амоголан. Он остановил машину подле столовой, решив закусить семидесятью двумя блюдами. Он очень обрадовался, увидев Цевена, и засыпал его вопросами:

— Когда? Откуда? Где ты пропадал?

— Я видел много и многое могу тебе рассказать,—отвечал Цевен.

Они вошли в столовую.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Дулма не знала, как ей отделаться от Синь-Фа. Он увязался за ней на своем велосипеде и преследовал ее по всему «Надаму», не переставая осыпать ее сложными комплиментами.

Правда, и ему приходилось не легко: Дулма сидела на коне, и между велосипедистом и всадницей была большая разница в росте — трудно ухаживать за движущейся башней! Случалось, отпустив особенно цветистую любезность и подняв голову, Синь-Фа встречал вместо прекрасных глаз Дулмы томный взгляд лошади. В такие минуты он отплевывался.

В конце концов, выбравшись на свободное место, Дулма ускакала от китайца.

Она остановилась возле поля конских состязаний и принялась наблюдать скачки. Пронеслась быстрая, как метель, кавалькада детей жокеев. Это был грандиозный заезд в двести лошадей. Сквозь пыль летели вытянутые в струнку тела скакунов. Поднявшись на стременах, дети свистели и гикали.

Вдруг в этой конской кутерьме Дулма заметила лошадь без всадника, вороную с белым носом.

— Бегунец! — крикнула она и поскакала вслед.

Ей удалось догнать Бегунца и схватить его за поводья. Отведя коня в сторону, она пересела на него.

— Бегунец, вези меня к Цевену! — крикнула она.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Широкое поле борьбы было окружено толпами зрителей, постоянно прибывавших. Истые любители борьбы проводили на поле целые дни, кроме кратких промежутков для обеда.

На огромной травянистой арене боролось сразу несколько пар.

Но взгляды всех были обращены на огромного медведеобразного монаха. Предсказывали, что именно он будет чемпионом этого года. И действительно, гигант не знал поражений. Без видимого труда он швырял на землю своих противников. Их прошло уже несколько десятков. При этом он боролся только с победителями. Он не снисходил до простых борцов. Швыряя на землю соперников, он тут же кричал:

— Следующий!

И с угрожающим гостеприимством разводил свои длинные руки.

Одних он побеждал тотчас. Другим удавалось продержаться с полминуты, применяя тактику отступлений, но монастырский чемпион настигал и припечатывал их к земле.

В публике царило возбуждение.

— Неужели, — шептались пастухи, — не найдется никого, кто сбил бы спесь с этого урода?

Зато монахи радовались.

А чемпион стоял посреди арены, хлопая себя по бугристой груди, и взывал:

— Кто еще?

Но уже никто не подходил к нему.

В это время маленькая фигура в запыленном халате выбежала на арену. Это был Цевен. За ним следовал Амоголан. Распорядители борьбы подбежали к ним.

— Где ваши судьи? — спросил Цевен. — Кто здесь записывает на борьбу?

Цевена отвели к судьям. Это были три почтенных монгола, три отставных чемпиона, чьи имена некогда гремели по всей Монголии. Самый старший из них держал в руках списки борцов. Он посмотрел на Цевена сквозь старинные китайские очки.

— Кто ты?—спросил он.—Твое имя? Из какого ты кочевья?

— Я простой пастух,— сказал Цевен,— я родом из Чорот. Путешествия укрепили мое тело и мой дух. Позвольте мне помериться силами с монастырским медведем. А вот мой друг — шофер Амоголан. Он готов быть моим секундантом.

Пошептавшись, судьи сказали:

— Мы решили допустить тебя.

Цевен, переодевшись в костюм борца: рукава, наплечники и трусы,— вместе с секундантом Амоголаном вышел на середину арены. Горообразный монах и Цевен, воинственно похлопывая себя по ляшкам, стали друг против друга.

Амоголан держал в руках головной убор Цевена — линялую мягкую шляпу со шнурком, секундант его противника — желтую монашескую шапку.

— Начинайте!— крикнули секунданты.

Цевен остался стоять на месте. Монах пошел на него, грозно рыча. Он схватил Цевена, чтобы поднять в воздух и бросить на землю. Это был его излюбленный прием. Однако Цевен не поддавался. Этот маленький пастух как будто врос в землю.

Толпа загудела. Небывалая борьба уже длилась две минуты. И монах переменил тактику. Он начал ловить ногу Цевена. Он охотился за этой неуловимой ногой, ныряя куда-то вниз своими длинными ручищами. Цевен ловко убирал ногу.

Но вот толпа ахнула: нога Цевена в руке монаха. Лама поднял Цевена и завертел его над головой.

В это время Дулма на Бегунце в'ехала в толпу зрителей. Может быть, здесь Цевен? Бегунец внезапно заржал, словно почуял хозяина.

— Глупый конь, ты ошибся, здесь его нет,— сказала Дулма, оглядывая толпу.

И она круто повернула коня.

Из-за ярмарочной палатки, где бродячий торговец выхвалял картинку-панораму, появился наш старый знакомый, Бадарчин.

— Дулма, куда ты едешь с чужим конем на поводу?— крикнул он своим визгливым голосом.

— Это конь Цевена.

— Конь мошенника,—должно быть, сам такой же мошенник. Я наладил Цевену путешествие, а он взял да убежал в чужую страну.

— Ты лжешь, — сказала Дулма гордо. — Я верю в то, что Цевен — честный монгол.

— Посмотрим, посмотрим,— захихикал Бадарчин и ударил во все колокольца своего украшенного тряпками жезла.—Слушай, я предскажу тебе будущее.

Сев на корточки, он вытащил помятую картину судьбы и бросил кости.

— Вот,— сказал он,— ты никогда не увидишь Цевена. Он умер. Этот конь — одна видимость. Если ночью прочесть над ним молитву, он растворится в воздухе. Отдай его мне, и я уничтожу соблазн.

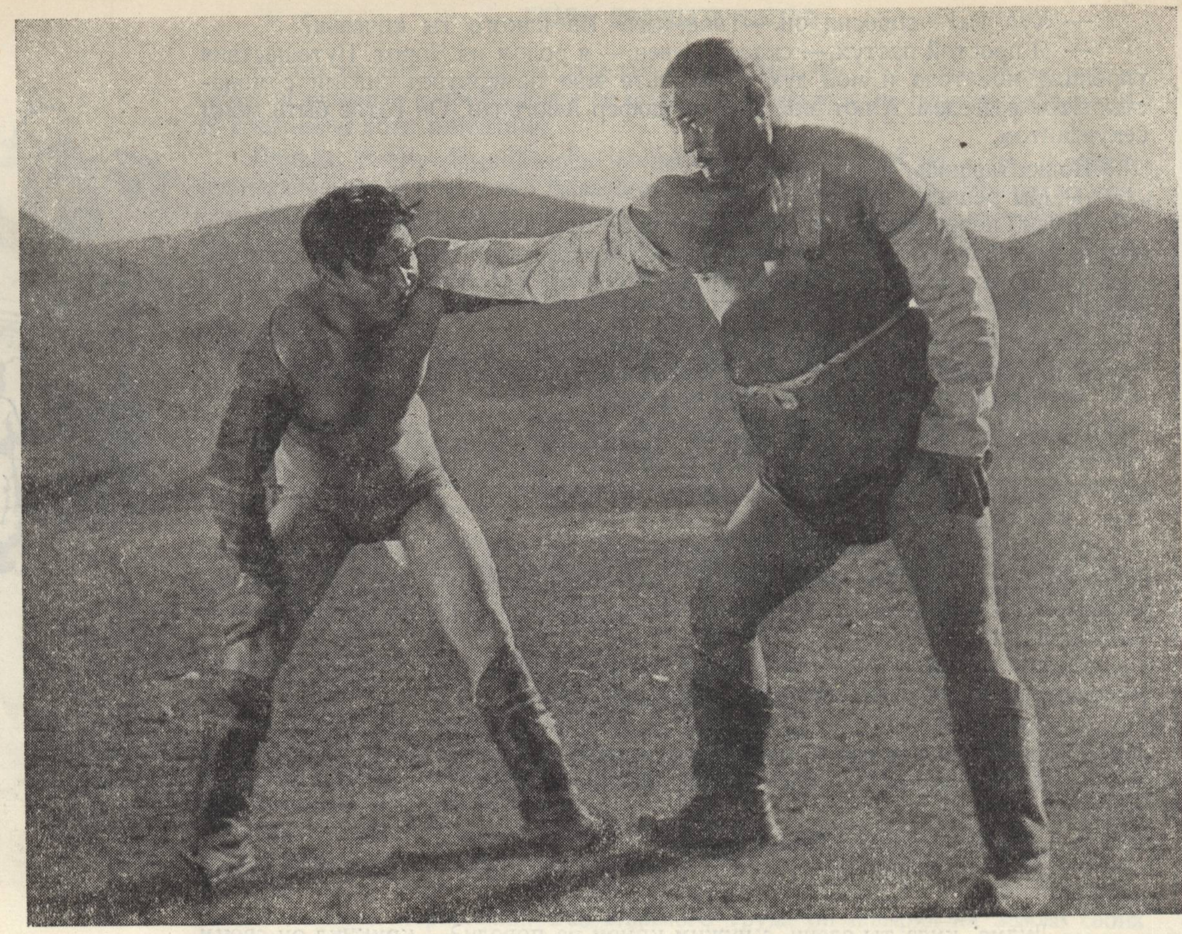
Но Дулма, сердито посмотрев на Бадарчина, крикнула на коней и поскакала в сторону.

На лугу бой продолжался. Монах, держа Цевена над головой, сразмаху бросил его на землю. Однако Цевен не упал: он чудесным образом удержался на ногах. Несколько раз монах швырял Цевена с высоты наземь — и всякий раз Цевен как кошка падал на ноги.

Монах снова переменил тактику борьбы. Теперь он надвигался на Цевена, стараясь подмять его.

И тут случилось самое удивительное.

Цевен сделал неуловимо быстрое движение в сторону — и монах, потеряв равновесие, рухнул всей тяжестью на землю.

На лугу продолжался бой.

Толпа восторженно зашумела, приветствуя Цевена.

Как молодой орел, Цевен приблизился к палатке судей.

Ему вручили призы и грамоту.

Бадарчин, проталкиваясь со своим гремучим жезлом и клянча милостыню там, где больше людей, добрался, наконец, до площади борьбы. Он довольно оглядывался и искал, куда ему направить свои шаги. В этот момент он заметил Цевена, приближающегося с видом победителя к рядам зрителей. Подвижное, лукавое лицо Бадарчина мгновенно изменилось. Он в ужасе повернулся назад, но толпа плотно сомкнулась, так, что он не успел скрыться.

Цевен тоже заметил Бадарчина и остановился в удивлении. Видя, что столкновение неизбежно, Бадарчин быстро изменил тактику и радостно бросился к Цевену, перепрыгивая разделяющий их барьер.

— Здравствуй, Цевен! Победитель, богатырь!— крикнул он лживым голосом. — Вот, — продолжал он, обнимая Цевена, — глядите, скотоводы, это мой ученик. Я научил его, как стать богатырем. Подтверди это, Цевен!

Цевен отстранил Бадарчина так, что он чуть не свалился на землю.

— Да, ты научил меня стать богатырем!— крикнул Цевен.— Ты обманул меня, посылая из родной страны на поиски несуществующего. Слушайте меня, монголы. Я поверил этому старому плуту и отправился в путешествие. Я зашел далеко, я был в Чахаре. Там князья продают свою родину. Простой пастух там не считается человеком. Только в нашей стране пастухи могут

быть счастливыми. Поняв это, я не перестал мечтать о старых сказках и вернулся к своим стадам. Я уверен в себе и никому не дам победить ни меня, ни мое государство. Нет страны, прекрасней нашей свободной республики!

И в этот момент Бегунец положил голову на плечо Цевена.

— О,— закричал Цевен,— Дулма!..

Они поехали рядом на конях. Вокруг пестро колыхалась ярмарка. Двигалась и гудела толпа. Вскоре они остановились возле юрты Дулмы, а еще через некоторое время к этой самой юрте подошли Синь-Фа и Бадарчин. У каждого в руках были цветные платки. Такие подарки ухажоры дарят своим девушкам. Они остановились и враждебно посмотрели друг на друга.

— Тебе что здесь надо?— спросил Синь-Фа.

— А тебе?

Из юрты выглянули Цевен и Дулма.

— А, друзья, сайн-байну, здравствуйте. Я вижу, вы принесли нам свадебные подарки. Спасибо за честь. Будете в наших местах, приходите в гости.

Он взял из рук ошеломленных ухажоров платки и скрылся с Дулмой в юрте.

* * *

В полдень по полю военных игр ехали Цевен и Дулма, стремя к стремени. Танки, машины и пушки выстроились здесь, ожидая сигнала к началу парада. Шеренга солдат, молодых и смеющихся, сидела в густой траве.

— Вот едет тот пастух, который победил всех на «Надаме»...

— А это что за девушка с ним? Это, наверное, его главный приз.

— Эй, друг, поговори с нами.

— Это Цевен из Чорот,— сказал командир танка своему помощнику.

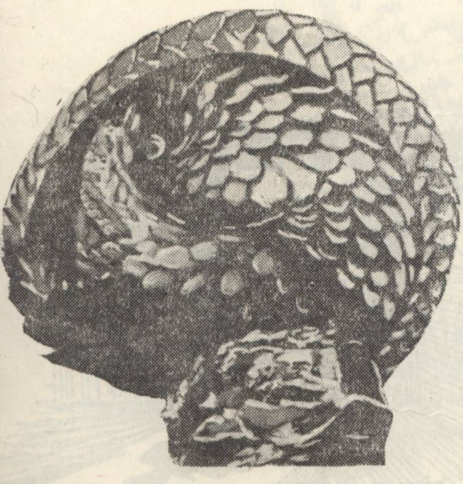

Доехав до трибун, Цевен и Дулма остановились. И вовремя, потому что парад начинался. Оркестр исполнил монгольский гимн, и войска тронулись.

Скрываясь в пыли, проносились автомобили, мотоциклы. Кони и верблюжья кавалерия скакали мимо. Поровнявшись с трибунами правительства, солдаты кричали приветствия. И Дулма с Цевеном улыбались им в ответ.

Вот как оканчивается эта история, а если врагам Монголии она не понравится,— ничего не поделаешь: на всех не угодишь!

Афиша паноптикума

Сегодня паноптикум доктора Каррабелиуса показывает своим зрителям и читателям необыкновенное существо. Вот оно. Что это такое?

Прошу уважаемых читателей подумать и поломать голову.

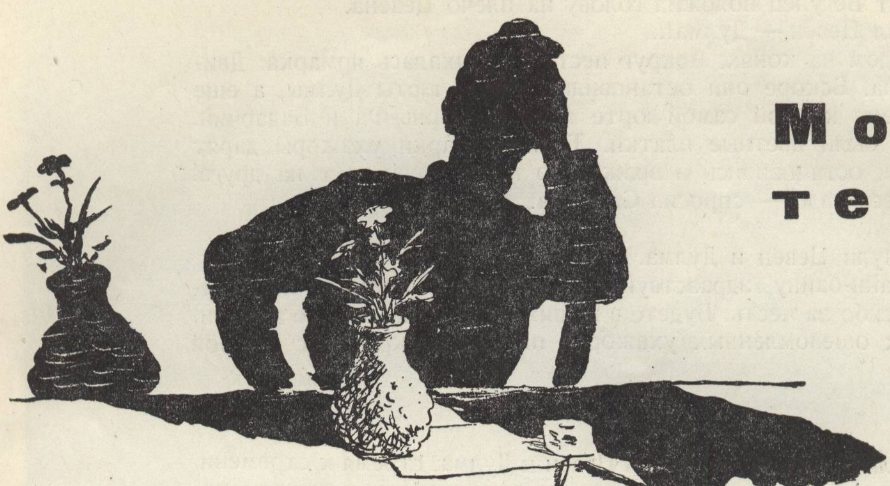
А кто не отгадает — пусть откроет семьдесят вторую страницу. Там он все узнает.

С почтением

доктор Каррабелиус

Р. СТИВЕНСОН

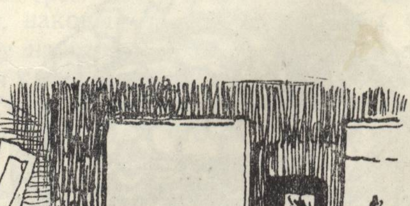

Моя тень

Перевод с английского Н. Кончаловской и С. Михалкова *Рис. П. Кузьмичева*

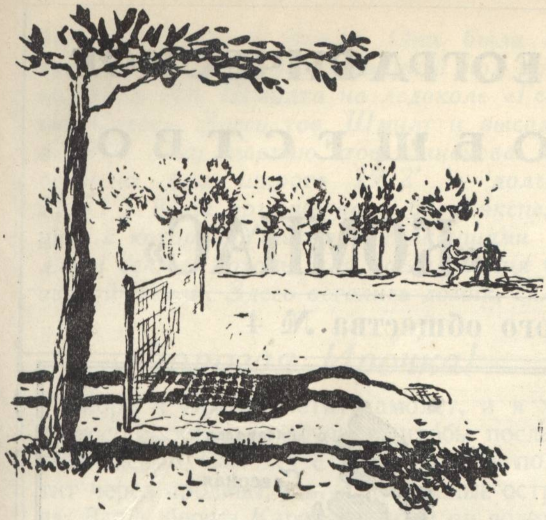
За мною следом ходит тень,
Куда бы я ни шел.
Сажусь к столу — всегда со мной:
Садится тень за стол.
Она такая же, как я,
От головы до ног.
И повторяет каждый шаг
И каждый мой прыжок.

В пути отстанет вдруг она,
А то пойдет вперед.
То сразу, сделавшись худой,
Куда-то пропадет.
То дорастет до потолка
За несколько минут,
А дети, почему они
Так медленно растут?

Ходить по свету без меня,
Должно быть, страшно ей?
А я не смог бы так ходить
За матерью своей!

И даже игры от меня
Она переняла.
Сама же ни одной игры
Придумать не могла!

Я раз проснулся раньше всех,
На целых два часа.
И вышел в сад, пока еще
Не высохла роса.

Но тень за мною не пошла:
Был сер осенний день.
До ночи в складках простыни
Спала лентяйка-тень.

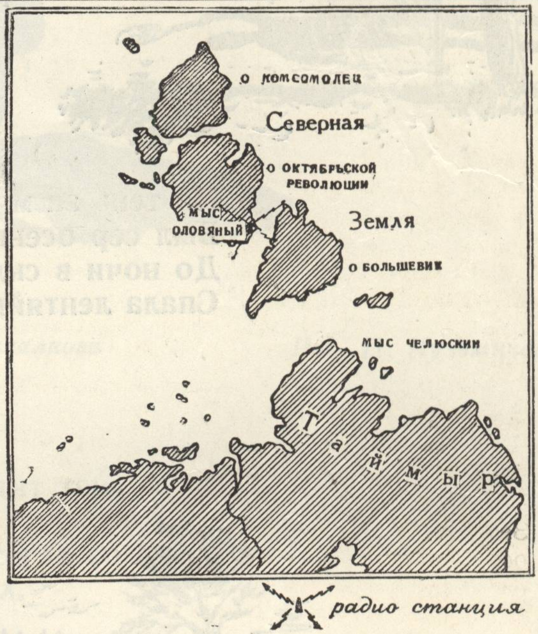

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «КОМПАС»

Известия Географического общества № 4

Письма с Северной Земли

Эти письма пришли издалека, с Северной Земли. Их написал своим дочкам Ире и Люсе радист Эрнст Кренкель, замечательный полярник, челюскинец, тот самый, которого летчики сняли со льдины одним из последних.

Северная Земля лежит к северу от мыса Челюскин. Еще совсем недавно ее не было на картах. Она была открыта в 1913 году русской гидрографической экспедицией под начальством Бориса Вилькицкого на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач». Но исследовать эту землю экспедиции не удалось. И только в советское время, в 1930—1932 годах, земля была исследована и нанесена на карту экспедицией во главе с тов. Ушаковым.

Оказалось, что это целый архипелаг. Тут четыре больших острова и много маленьких. Большие острова были советскими исследователями названы так: остров Октябрьской революции, Большевик, Комсомолец и Пионер.

Северная Земля оправдывает свое название. Это одна из самых северных точек в советском секторе Арктики. Природа тут суровая. Больше половины Северной Земли покрыто мощным ледниковым пластом. Местами он достигает 200 метров толщины. Ледяные массы сползают с земли, отрываются и ввиде огромных ледяных гор—айсбергов—пускаются в плавание по Северному Ледовитому океану.

Зимой на Северной Земле царит четырехмесячная полярная ночь, зато летом солнце четыре месяца не скрывается за горизонтом.

Северная Земля богата зверем. Здесь много белых медведей и тюленей. Часто подходят огромные стада белухи. Водится песец, а на южном острове — олень.

Мыс Оловянный — южная оконечность острова Октябрьской революции. Она названа так потому, что там были обнаружены признаки олова. Мыс Оловянный находится на широте 78°55′ и долготе 99°55′. Это высокая овальная гора со скалистой вершиной, окруженная со стороны острова ледником. Здесь устроена полярная станция. Отсюда и написал Кренкель свои письма.

Но сейчас Кренкель уже не там. Он вскоре улетел на самолете на острова Сергея Каменева, которые лежат у западных

берегов Северной Земли. Они были открыты в 1930 году экспедицией под руководством тов. Шмидта на ледоколе «Георгий Седов». Здесь тов. Шмидт и высадил в 1930 году партию тов. Ушакова. На островах (на широте 79°2′ и долготе 91°71′) была организована база экспедиции, с которой Ушаков с товарищами ходил в санные походы для исследования Северной Земли. Здесь остались домик, склад с продовольствием и радиостанция. Товарищ Кренкель восстановил радиостанцию и в настоящее время ведет здесь наблюдения над погодой и льдами и результаты передает на материк.

Подробнее о Северной Земле, о том, как она была открыта и исследована, вы прочтете в одном из ближайших номеров. Об этом обещал нам написать тов. Ушаков — первый исследователь Северной Земли.

Дорогая Ирочка!

Скоро к нам прилетит самолет, и я хочу воспользоваться случаем, чтобы послать тебе письмо. Самолет с этим письмом полетит через проливы, минуя пустынные острова. Вдоль берега Карского моря он долетит до острова Диксон. От острова Диксон самолет повернет на юг, и путь его будет идти над рекой Енисеем до города Красноярска. Тут летчики сядут на поезд и повезут это письмо в Москву. Я надеюсь, что, вернувшись, летчики привезут мне твое ответное письмо.

Пусть мама тебе покажет на карте, как летел самолет.

Вернувшись в Москву, я вам подробно расскажу о нашей зимовке.

Ты знаешь, что я нахожусь на Северной Земле. Это большой архипелаг (группа) островов. Наша станция находится на центральном острове.

Называется он островом Октябрьской революции.

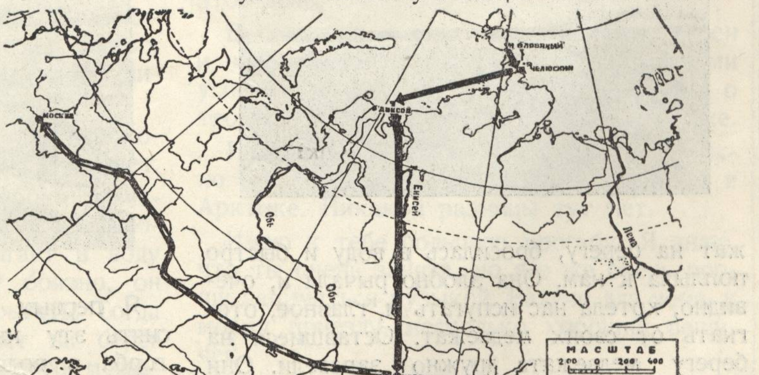
Я хочу тебе рассказать, как мы провели 4 сентября 1935 года.

Ледокол «Сибиряков», доставивший нас сюда, ушел 1 сентября. Мы остались вчетвером. Многое нужно было сделать. Мы достраивали дом, устанавливали двигатель, чтобы пустить динамомашину и тем самым дать ток радиостанции.

Надо было убрать в сарай или в дом все продовольствие и ценные вещи. Ведь зимой все это занесло бы снегом. Лучше заранее положить все на место, чем потом раскапывать в поисках необходимых вещей сугробы многометровой толщины.

В это время года здесь солнце заходит за горизонт лишь на несколько часов, поэтому настоящей темноты, настоящей ночи не было. Мы пользовались этим и работали круглые сутки. Работа прекращалась только для того, чтобы поесть и поспать. Можешь себе представить, как крепко мы спали! Должно быть, так же крепко, как ты после выступления в Большом театре.

Несмотря на такой крепкий сон, все же мы проснулись от необычайно громкого, отчаянного лая всех двенадцати собак. По московскому времени было всего лишь два часа ночи, но уже светило солнце. День был замечательно хороший, ясный, но морозный. Ругая собак, я и механик быстро оделись и вышли на крыльцо. С нашего крыльца открывается замечательный вид на юг. Прекрасно видна вся бухточка, на берегу которой стоит наш дом. На другом берегу бухты удирали от собак три белых медведя. Нечего было думать о том, чтобы их догнать. Вокруг бухты — чересчур далеко, а если спустить шлюпку и направиться к медведям

На этой карте показано, как шли в Москву письма Кренкеля. Черной стрелкой показан путь писем на самолете, прерывистой линией — по железной дороге.

водой, поперек бухты, то пройдет столько времени, что медведи все равно удерут.

Оставалось одно: стрелять прямо с крыльца. Быстро нашли два ящика для того, чтобы увереннее целиться винтовкой, и начали стрельбу. Конечно, с первого выстрела мы не попали. Во-первых, расстояние было большим, около 400 метров, и, во-вторых, белый медведь, несмотря на свою неуклюжесть, очень быстро и ловко бегает. Собаки его с трудом догоняют.

После нескольких выстрелов вся группа медведей остановилась. Я взял бинокль, чтобы лучше рассмотреть, в чем дело. Оказалось, что мы ранили одного из двух медведей. Медвежонок не мог дальше бежать, и медведица встревоженно хлопотала около него, подталкивала его мордой, настойчиво приглашая бежать от собак и выстрелов. Мы прекратили стрельбу, так как знали, что теперь медведи не убегут. Медведица никогда не покидает раненого или даже убитого медвежонка.

Мы спустили шлюпку, взяли винтовки. Кроме того я захватил фотоаппарат. Механик греб, я сидел на корме и направлял шлюпку. Приблизившись, мы услышали урчанье и злобное шипенье медведицы. Несколько раз она хотела уйти, но раненый медвежонок начинал скулить, и медведица опять возвращалась к нему. Когда мы были довольно близко, медведица, оставив медве-

жат на берегу, бросилась в воду и быстро поплыла к нам. Она злобно рычала и, очевидно, хотела нас испугать и, главное, отогнать от своих медвежат. Оставшиеся на берегу медвежата дружно заревели. Они боялись остаться без матери.

Фотографировать было неудобно, потому что маленькая волна качала нашу шлюпку. Решили пристрелить медведицу, а потом заняться медвежатами. Так как медведица подплыла совсем близко, то первым же выстрелом в голову она была убита. Медведица не потонула. Во-первых, внутри нее имеется воздух, и, во-вторых, она жирна; то и другое не давало ей утонуть.

Медвежата, напуганные выстрелом, затем молчанием матери, не думая долго, как по команде бросились в воду и поплыли к ней. Один был убит сразу, другого подпустили совсем близко, чтобы лучше снять его фотоаппаратом.

Сначала он направился к нам, но, поняв свою ошибку, повернул обратно. Медвежонок устал и решил отдохнуть на спине убитой медведицы.

Нам было жаль убивать таких красивых зверей, но мы должны были запастись мясом, собачьим кормом на долгую, четырехмесячную полярную ночь.

Надо было как-то доставить медведей к дому. Задача была нелегкая. Шлюпка маленькая, да и все равно вдвоем медведей в шлюпку не втащить. Решили взять их на буксир, то есть связать веревкой и тащить их по воде за собой. Надо было накинуть петли. Работа была неприятной. Вода была близка к замерзанию, и погода морозная. Намокли не только руки, но и рукава до самых локтей. Поднялся северный ветер.

Ветер и медведи на буксире сильно замедлили ход нашей шлюпки. Наконец, мы добрались до берега около нашего дома.

Я первым выскочил на берег, чтобы снять эту интересную картину. Вглядись в фотографию, и ты увидишь три белых горба в воде. Это и есть убитые нами медведи.

Вдвоем мы не могли вытащить медведей из воды на берег. Пошли в дом, надели

сухую одежду, немного погрелись, покурили, и, разбудив на помощь наших товарищей, вчетвером отправились снимать шкуры и разделывать на части медвежьи туши.

Даже вчетвером это трудно было сделать. Пришлось подрубить лед и сделать пологий скат, и лишь тогда нам удалось вытащить медведей из воды.

Мы были рады, что нам удалось убить медведей. Мяса надолго хватит. Собаки будут сыты. Самые хорошие куски, медвежьи окорока, мы собакам не давали, а оставили для себя. Также оставили себе медвежьи почки. Они оказались замечательно вкусными. Особенно хороши были почки медвежат. Печонку медвежью нельзя есть, потому что она ядовитая. Даже собаки ее не переваривают. Печонку выбросили в море.

Перед тем как приступить к обдиранию шкур, снялись группой. Фотографии будут нам приятной памятью о зимовке.

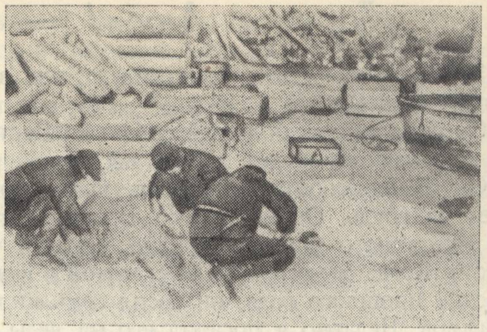
Меня нигде на фотографии нет. Нас только четверо, и я был фотографом.

Медвежата большие, годовалые. Медведица ходит с медвежатами до двух лет. Она их учит плавать, нырять, доставать себе пищу — ловить на льду тюленей.

Лишь обучив медвежат всей этой необходимой премудрости, медведица их покидает.

Особенно потешны первые уроки плавания. Такой урок я видел на одной из зимовок. Медведица сразмаху прыгает в воду и зовет медвежонка. Но ему боязно, он топчется на берегу и боится прыгать. Тогда недовольная медведица вылезает на берег и сталкивает в воду непослушного медвежонка.

Обрати внимание, как много жира под шкурой у медведицы. Вот почему она не мерзнет и не боится лезть в холодную воду.

С трудом мы отогнали собак, которые окружили нас в надежде на кусок мяса.

Грейф, конечно, тоже присутствовал. Он получился на этой фотографии среди бревен.

Сдирание шкур, разделка туш и развешивание мяса заняли несколько часов. Наконец, покончив с этой довольно грязной работой, мы умылись, и вскоре подошло время обеда. Мы ночью не выспались и поэтому решили соснуть часа два. Но спать нам не пришлось.

Только мы заснули, опять залаяли собаки. Выйдя на крыльцо, мы опять увидели трех медведей. Медведи были в тридцати шагах от дома и обнюхивали то место, где мы недавно потрошили их товарищей.

И эта тройка была убита.

Опять принялись за работу, и хотя к вечеру мы очень устали, но, с другой стороны, нас радовала успешная охота и большой запас мяса.

Вот видишь, как интересно мы провели этот день.

В сентябре я вернусь в Москву. Уверен и надеюсь, что ты порадуешь меня своими успехами в школе. Ты расскажешь мне о твоих школьных делах, а я о своей зимовке.

Надо всегда стараться работать как можно лучше. Ты работаешь в школе, а я в Арктике. Никакой разницы тут нет.

Имею к тебе большую просьбу. Я знаю, что ты очень занята, но все же очень прошу заниматься музыкой. Разучи для меня, к моему приезду, несколько хороших вещичек.

Крепко тебя целую. *Эрнст.*

Северная Земля.

Мыс Оловянный.

31 января 1936 года.

Дорогая Люся!

Ты, должно быть, совсем забыла, как выглядит наш Грейф.

Он стал теперь большой собакой. Шестого февраля ему будет десять месяцев.

Он очень любит баловаться, часто прыгает на грудь. Он настолько тяжелый, что от внезапного прыжка трудно устоять на месте. Когда мы его купили с мамой в июне месяце прошлого года, он весил семь килограммов. Недавно я посадил его на весы, и оказалось, что теперь он весит 29 килограммов.

Мама с Арбата везла его на руках в наволочке от подушки. Теперь я его с трудом поднимаю.

Для того чтобы ты его не испугалась, когда мы оба с ним вернемся домой, я тебе подробно о нем расскажу.

Пока строился наш дом, Грейф жил на пароходе. Хотя я все время был на берегу, но ему на пароходе неплохо жилось.

Все его очень любили, ласкали, и всегда ему перепадали лакомые кусочки.

Когда было закончено строительство дома, мы перебрались на берег со всеми пожитками, свиньями, собаками и даже котом.

Тут снег лежит местами круглый год. Впервые в жизни Грейф ступил ногами на снег.

Это ему не понравилось, он поднимал высоко лапы, жалобно визжал и имел довольно жалкий вид.

Наш дом стоит на каменистом полуострове. Камни крупные, неровные, с острыми краями. Мы долгое время привыкали ходить по таким камням, много износили сапог.

Грейфу тоже пришлось привыкать. Иногда он отставал и тогда страшно визжал пронзительным голосом. Наверное, он боялся, что мы его забудем и оставим одного.

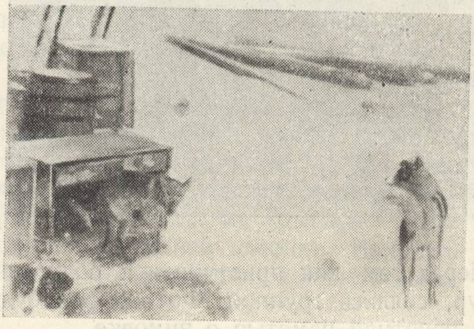
Он в таких случаях бросался вперед, не разбирая дороги, падал, ушибался и от этого еще больше было крику.

Теперь он отлично бегает, быстрее всех собак, отлично прыгает по камням и торосам.

Осенью, когда было еще тепло, он много времени проводил на берегу, около дома. Тут была масса для него интересных предметов: доски, бревна, бочки с солониной, ящики.

Все это надо было обнюхать, подробно исследовать. Грейф был очень занят. Также надо было обязательно догнать каждую бегущую собаку, узнать, куда и зачем она побежала.

От такой бурной деятельности он уставал. Приходила потребность в отдыхе. Тогда он старался выбрать сухое и защищенное от ветра место.

На фотографии видно, как Грейф пытается влезть в ящик, где сидит уже другая собака. Та явно протестует. Третья собака с интересом ждет, чем кончится это дело. Если начнется драка, то все собаки будут участвовать с огромным удовольствием.

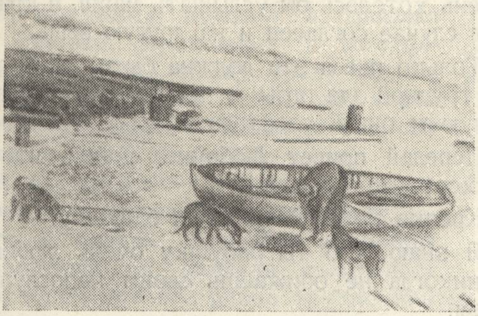
Большой праздник для всех собак бывал тогда, когда нам удавалось убить тюленя. Вокруг нас, вернее, вокруг тюленя, собирались все собаки. Как мы их ни отгоняли, убеждая немного подождать, они упорно мешали потрошить тюленя и выхватывали куски прямо из-под рук.

Весело смотреть, как две собаки схватятся за одну кишку и начинают ее растягивать на несколько метров. Каждая собака тянет за свой конец и убеждает рычанием другую собаку отступиться.

Как раз тут видно размотанную кишку.

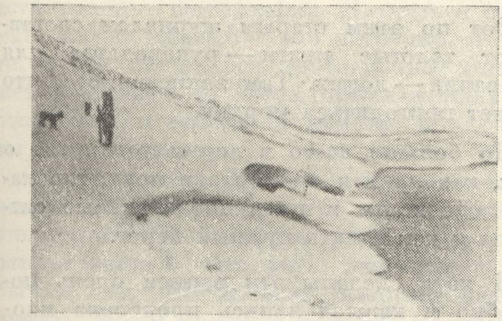
Грейф, конечно, принимает деятельное участие и мешает разделывать тюленью тушу.

У Грейфа очень спокойный и ласковый характер. Он очень подружился с нашей кошкой. Кошка смело хватает его за мор-

ду, играет с его хвостом. Грейф брал кошку поперек туловища, и она вся исчезала в его огромной пасти. Чувствовала себя кошка при этом отлично. Я решил прекратить эту дружбу: Грейфу нужно научиться как следует кусаться.

Я следил за тем, кто начал игру, и тогда тому попадало плеткой со словом «нельзя». Плетку все собаки хорошо знают. Это та самая плетка, которую мама купила в Москве.

Кошка удирает под кровать при одном только звуке снимаемой с гвоздя плетки. Грейф же вообще старательно обходит кошку.

Иногда, очень редко, Грейфу приходится только показывать плетку. Он прижимает уши и лезет под стол: это—его постоянное место.

Как только плетка повешена, он тут же вылезает и начинает ласкаться. Это он, наверное, просит прощения.

Большинство собак у нас находится на привязи, чтобы они не бегали и не попадались в песцовые капканы. Во всех прогулках всегда участвует Грейф. Он очень дисциплинирован, далеко не забегает, не лезет в капканы. Он отлично знает, где они расположены. В плохую погоду он бежит вперед и, свернувшись в клубок, поджидает нас у капкана.

Однажды я нес за спиной, вниз головой песца. Песец ожил. Ясное дело, Грейф решил познакомиться и обнюхал песца. Песец его как следует укусил. Грейф так пронзительно и внезапно заорал, что я испугался.

Грейф — единственная собака, живущая в доме. Он имеет свои излюбленные места. В безветренную погоду в доме бывает очень тепло; тогда он спит на спине, задрав все четыре лапы, он очень любит медвежье мясо, но не отказывается от каши и супа.

Во время еды прекращается всяческая дружба. Рычит и на кошку и на людей— это хорошо.

Совсем недавно он стал драться с другими собаками и сразу же занял первое место. Во-первых, он очень тяжелый, тяжелее любой собаки. Потом, он очень гибкий и увертливый. Пасть у него прямо жуткая. Он свободно захватывает пастью валенок. Клыки у него завидные, огромные, белые, как сахар.

При всем этом он еще окончательно не вырос. Вид все-таки еще щенячий.

По утрам, когда он услышит, что я встаю, он всегда подходит пожелать доброго утра и мешает одеваться.

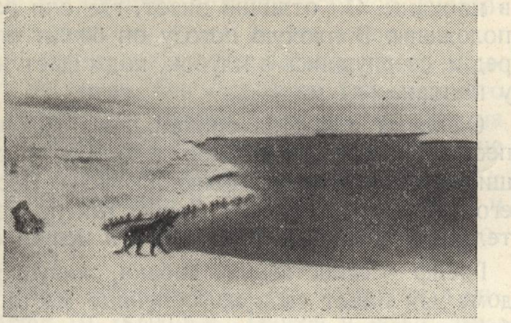
Стоит лишь надеть полушубок, как он с виляющим хвостом уже караулит у дверей.

Скоро у нас после четырехмесячной полярной ночи взойдет солнце и мы будем ездить на собаках. Собаки у нас все мелкие и слабые. Думаю, немного потренировать и Грейфа. Собак раньше года не запрягают, чтобы не приостановился их рост, но у Грейфа этого бояться не приходится. От домашней жизни он стал жирным, надо, чтобы развились и мышцы.

Конечно, я его буду жалеть и не утруждать особенно.

Фотография на следующей странице относится еще к сентябрю прошлого года. Грейф, должно быть, заметил или льдинку или какой-нибудь интересный камешек. Во всяком случае, всей своей фигурой выражает крайнюю заинтересованность.

Снимки, посылаемые маме, относятся уже к 25 января текущего года. Спроси у мамы: есть ли у нее родословная Грейфа?

Вернувшись в Москву, Грейф будет посещать собачьи курсы. Там определят его способности. В зависимости от этого он будет сторожевой или санитарной собакой.

Ну вот я тебе и рассказал о нашем Грейфе. Думаю, что получу обратным самолетом от тебя письмо. Буду очень, очень радоваться.

Как у тебя обстоит дело с учебой? Кто учится лучше: Ирина или ты? Кто из вас обеих более дисциплинирован? Занимаешься ли ты музыкой?

Вот вы бы вместе с Ириной разучили что-нибудь к моему приезду в четыре руки. Очень хотелось бы услышать марш, в крайнем случае согласен и на другую вещь.

Только пьеса эта должна быть достаточно трудной для игры: я люблю только серьезную и очень сложную музыку.

Передай привет Любочке, скажи, что я ее хорошо помню.

Крепко поцелуй от меня бабушку.

Я знаю, что ты бабушку очень любишь и никогда не обижаешь своим непослушанием.

Крепко тебя целую.

Эрнст.

Северная земля.

Мыс Оловянный.

31 января 1936 года.

Журнал путешественника

Когда нужно что-нибудь хорошенько, подробно запомнить, память — самый худший помощник.

Вот поэтому и на самолете, и в лаборатории, и у начальника каждой экспедиции, и на корабле всегда есть журнал, в который день за днем, а то и час за часом записывают все, что случилось. Может быть, и не понадобятся эти записи — не беда. Записать нетрудно, но зато уж, если придется, по такому журналу можно восстановить все до мелочей.

Взять хоть судовые журналы — дневники кораблей — чего только там ни написано! Матрос заболел — пишут, купили свежие овощи на берегу — пишут, сели на мель — пишут, тюленя увидели — пишут.

По этим дневникам можно шаг за шагом проследить путь корабля, узнать, где какая была погода, кто и как открыл новую, неизвестную землю и что нашли на этой земле.

Вот по этим старым журналам составляют толстые книги — руководства для плавания — лоции. Там записано все, что может пригодиться моряку.

Но больше всего в лоции говорится о том, как пройти из порта в порт, где какие опасности и предупредительные сигналы и как узнать нужный берег.

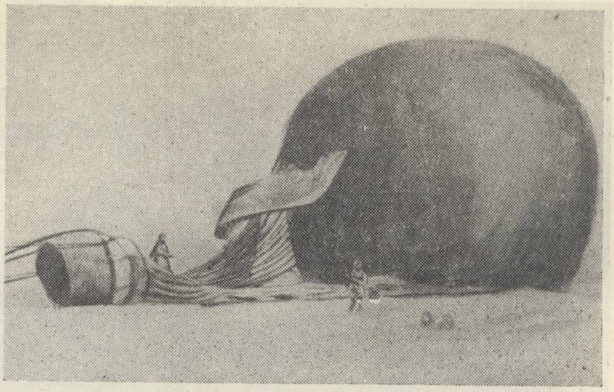
И хотя сделаны эти записи очень подробно и каждая запись проверена многолетним опытом, все равно, оказывается, одних записей мало.

Можно целую книгу прочесть о том, как завязывать сложный узел, — все равно не научишься. А посмотришь 2—3 рисунка — сразу поймешь.

Так же и в море: сколько ни расписывай разницу между двумя похожими мысами, — все равно можно ошибиться. А маленький черный силуэт, нарисованный тут же, в лоции, и карта сразу подскажут: это один мыс, а это другой.

И в пустыне, и в лесу, и в горах — всюду карта и рисунок помогают путешественнику. Да что там в горах — в городе помогают!

Приедет человек первый раз в Москву и ищет какую-нибудь «Пятую Тверскую-Ямскую». Останавливает прохожих, прыгает с трамвая на трамвай, спрашивает у милиционеров... А по плану сразу видно, на какой трамвай сесть, до какой остановки ехать и в какую сторону идти от этой остановки.

«Орел», снятый Андре в момент падения. Эта фотография проявлена через 33 года.

А в разведке — там карта и зарисовка еще нужнее. Скажем, ищут золото в сопках. Как бы подробно разведчики не описали золотоносный ключ, его все равно трудно найти. А если на всем пути они делали глазомерную с'емку и зарисовки залегания пород, тогда после и место найти будет нетрудно, а главное, по зарисовкам и картам легко догадаться, откуда в этом месте золото и где его еще надо искать поблизости.

Вот поэтому и на войне, и в горном деле, и в морском — везде нужно уметь зарисовать и снять на карту то, что видишь. Без этого дневник твоего путешествия расскажет не все, а, может быть, иной раз главного и не расскажет.

Рисовать не всякий умеет. Но и тут есть выход — фотография. Научиться снимать может каждый — это нетрудно. А зато, когда научишься, фотоаппарат поможет рассказать о твоих приключениях и открытиях, а иногда он заметит и то, что ты сам не заметил.

Сейчас всякий ученый — уж, конечно, всякий географ — умеет пользоваться аппаратом. Без аппарата никто теперь не отправляется в серьезную экспедицию, и бывает так, что аппарат помогает разгадывать самые трудные загадки и рассказывает о том, о чем сам путешественник не сумел или не успел рассказать.

Вот какой удивительный случай был со знаменитым Андре, который 10 июля 1897 года полетел к Северному полюсу на воздушном шаре «Орел».

«Орел» пропал. 33 года о нем не было никаких известий, и вот совсем недавно, в 1930 году, на острове Джиллеса нашли останки Андре и его отважных товарищей. Нашли их дневники, в которые подробно было записано все, что случилось с шаром, но всем, кто интересовался этой экспедицией, хотелось своими глазами посмотреть, как же падал шар, как тащили лодки по торосам на берег, как построили хижину на пустынном острове.

И вот тут фотопленка подробно рассказала об всем, чего не успел рассказать Андре. Эта пленка много лет пролежала в воде, но все-таки ее удалось проявить, и теперь весь мир знает, как проводили свои последние дни Андре и его спутники до тех пор, пока не погибли от холода.

Но еще поразительнее показал себя фотоаппарат в поисках этой экспедиции. Люди, нашедшие лагерь Андре, торопились. Они нашли далеко не все: недостаточно подробно обыскали берег.

Но перед тем, как уехать, они несколько раз засняли все, что было на берегу, и привезли домой снимки. И вот за 500 миль от того места, где погиб Андре, аппарат помог найти то, что не нашли на месте,— череп Андре.

Его не заметили на берегу, думали, что это камень. А когда проявили снимки и рассмотрели их в лупу, ясно увидели, что там, где лежал скелет Андре, остался круглый предмет, очень похожий на череп. И когда следующее судно пришло на остров Джиллеса, череп без труда нашли там, где заметил его аппарат.

На снимке: ненецкая девушка Ойти Комарова. Она живет на Таймырском полуострове в колхозе «Новая жизнь».

Семья Ойти, как и другие ненецкие семьи, занимается оленеводством, пушным и рыбным промыслами.

Ойти снята у входа в свой чум. В руках у нее «тутти» — сумка, где хранятся все принадлежности для шитья.

Пушки с речки Шелаши

Речка Шелаша похожа больше на ручей. Мелкая, тихая, неслышно течет она в высоких лесистых берегах. Впадает Шелаша в реку Вагу, приток Северной Двины.

Поглядишь на Шелашу, и трудно себе представить, что когда-то эта речушка пользовалась большой известностью. А так было.

В 1648 году на реке Шелаше датчанин Марселиус и голландец Акема построили чугунолитейный завод, работавший на местных рудах. В то время это был только второй завод в России. Пушки шелашского завода везли во все концы страны. Завод перерабатывал болотные руды и отливал пушки весом от 160 до 4 тысяч килограммов.

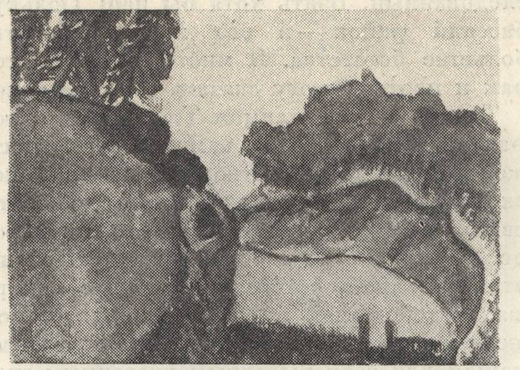

Старинные пушки.

Петр I, для того чтобы захватить колонии, реорганизовал и вооружил артиллерией свою армию. Шелашские пушки, вероятно, применялись в русско-шведскую войну.

Но в конце XVII века пушечные заводы появились на Урале и в других местах. Во-

Река Шелаша.

зить пушки с Шелаши, с которой было очень плохое сообщение, уже не стоило. И в 1699 году Петр I закрыл завод. А кузнецы, которые здесь учились, стали работать на заводе в Туле.

Про старый завод ходили разные слухи. Говорили, что иностранцы, управлявшие заводом, испугавшись приезда Петра I, бросили в Шелашу золотого коня и сундук с золотом.

В Шенкурском музее стоят 2 пушки, отлитые на заводе. Я их и срисовал.

У некоторых местных жителей сохранились старые пушечные ядра.

На реке Шелаше не было никаких раскопок, а, по-моему, есть основания найти там полезные ископаемые, а главное, было бы интересно раскопать в крутых берегах Шелаши остатки завода.

А. САФОНОВ

Северный край,
г. Шенкурск. Средняя школа,
8-й класс „Б“.

Горы Тюлькубаса

В пятом номере журнала «Пионер» я прочел о географическом обществе «Компас», это меня очень заинтересовало. Спешу принять в нем участие.

Я живу в Казахстане, на станции Тюлькубас. Наш край гористый и мало исследованный, и я думаю, что, занимаясь изучением своего района, я смогу чем-нибудь помочь в громадной стройке нашей великой родины.

Станцию Тюлькубас (Тюлькубас по-казахски значит «лисья голова») с юга и с севера обступили горы, отроги хребта Кара-Тау. Про них-то я и хочу рассказать в своей первой заметке.

Богатый край—Казахстан, но мало ис-

следованный. Взять хотя бы наш Тюлькубасский район — в его недрах скрыты большие богатства. Я много лазил по горам и поэтому могу сказать это уверенно.

Так, к югу от станции Тюлькубас, в горах, есть известковые каменоломни, здесь же построен и известковый завод. В нескольких местах начали было добывать свинцовую руду, а также золото, но вскоре разработки были заброшены. Сделано это было якобы оттого, что в руде содержался небольшой процент металла, и все же несмотря на это местные старатели нашли для себя выгодным кустарным способом добывать золото, а один даже нашел порядочный самородок тысяч на восемь рублей.

Но это не единственные ископаемые Тюлькубасского района: у меня есть основание предполагать, что в загорной части Тюлькубасского отрога хребта Кара-Тау имеется исландский шпат, а также железная руда. Я говорю это на основании того, что в русле речки Арыси, вытекающей из снежных гор, попадается много частиц железной руды. Обнаружить их можно при помощи магнита. А кроме как из гор взяться руде неоткуда.

Кроме минеральных в нашем районе есть и растительные богатства. Несмотря на сухой климат склоны гор покрыты хорошей травой, которая потом выгорает. Крупных деревьев у нас мало, преобладает арча, род горной ели. Между кустами ее иногда можно встретить диких коз и баранов, а то так и барса. Кроме арчи в горах встречается много фисташковых деревьев и яблонь. Есть орехи и виноград, хотя и меньше.

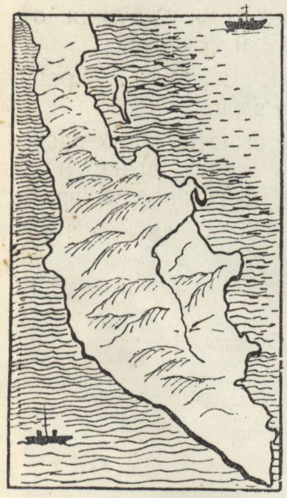
Горы Кара-Тау знамениты тем, что здесь впервые был найден тау-сагыз (по-казахски—«горная жевательная резина»), а также кок-сагыз — превосходные каучуконосы, целые плантации которых посажены в нашем районе Каучукпромхозом.

Скоро наша область превратится в крупнейшего поставщика резины для заводов Союза.

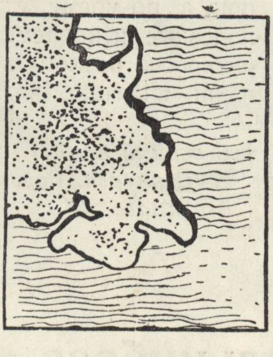
Как видите, наши горы не так бедны, как казалось раньше.

Казахстан, Южноказахстанская область, Тюлькубасский район, станция Тюлькубас

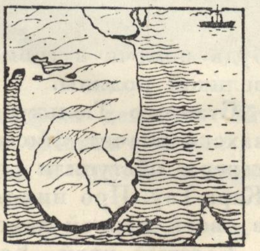
ФЕДОРЧУК ВИКТОР

Какой это полуостров?

Фамилии ребят, правильно указавших названия полуостровов, будут напечатаны.

ДВЕ ВСТРЕЧИ С БАРСОМ

Записки зверолова

I

Темная ночь окутала мрачное Брамское ущелье. Отвесные скалы громадного Александровского хребта, сливаясь с небом, еще больше сгущали непроглядную темь.

Среди хаоса гор, то подымаясь на перевалы, то спускаясь вниз, вьется дорога. А внизу, в белой пене, буйно грохоча, стремительно несутся мутные волны реки Чу.

По этому ущелью шла наша машина, делая свой обычный рейс из г. Фрунзе в Рыбачье, к синему озеру Иссык.

С выключенным мотором, на тормозах, мы огибали самое опасное место — петлю. Здесь дорога, круто поворачиваясь, почти повисает над пропастью, на дне которой бурлит Чу.

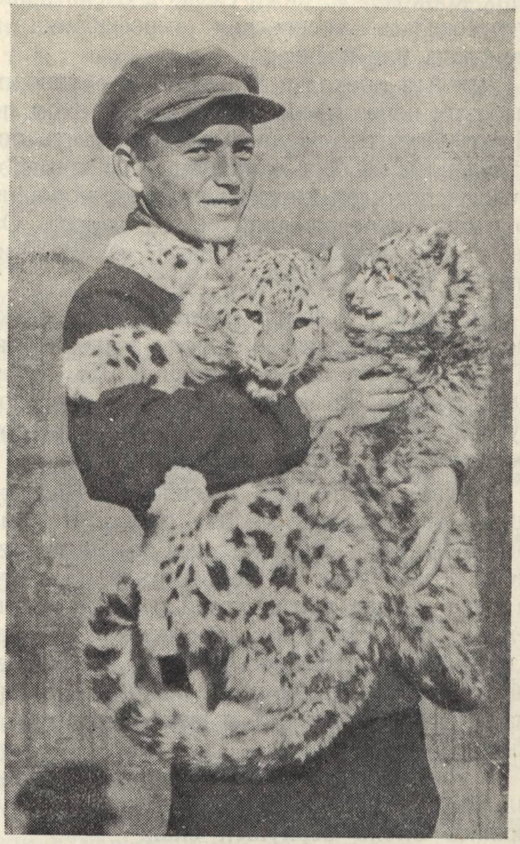
Я сидел в кабинке рядом с шофером и дремал. Вдруг резкий толчок сдернул меня с сиденья. Скрипнув тормозами и дрогнув, машина стала. Я взглянул на дорогу и замер: в пяти шагах от машины, в резком кругу света, как на экране, неподвижно стоял барс! Большие глаза зверя отражали свет фонарей и казались стеклянными. Громадный, пушистый хвост лежал на земле, и только конец его, гибко извиваясь, показывал, что перед нами не чучело, а живой могучий хищник, гроза Тянь-Шаня.

Вдруг шофер нажал сигнал — раздался резкий звук. Мягким громадным прыжком барс исчез в темноте. Шофер поторопился дать сигнал, испугавшись необыкновенной встречи. Выскочив из кабинки, я пошел посмотреть, куда прыгнул барс. Но от края дороги я испуганно попятился: передо мной чернела почти отвесная пропасть, и только где-то внизу грохотала река. Вот он куда прыгнул!

Потом я убедился, что громадной пятнистой кошке не страшны пропасти и невероятные кручи. Стальные мышцы и острые когти дают возможность всюду находить дорогу.

II

Ближе встретиться с барсом мне удалось позднее. Случилось это так. В кино шла американская картина «Чанг». Повсюду

Ручные барсята.

висели яркие плакаты, на которых скалил свои громадные клыки бенгальский тигр. «Чанг» заснят в Индии, и главными артистами были слоны, тигры и другие дикие животные. Но для моего охотничьего глаза было сразу заметно, что слоны — все домашние, а тигра незаметно привязали к земле.

Побывав в кино, я подумал, какая увлекательная картина получилась бы, если б показать на экране хоть часть того, что я видел: ведь мне уж много лет приходится ловить диких животных.

Но где же взять с'емочный аппарат?

После долгих поисков я нашел в Ашхабаде, в магазине «Туркменфильм», аппарат

«Кинамо». Первая моя с'емка оказалась удачной. Я заснял в пустыне Кара-Кумы ловлю варанов — громадных ящериц величиной больше метра, похожих на небольших крокодилов. Моей с'емкой очень заинтересовалась московская кинофабрика и прислала мне пленку.

Зимой я поехал в Киргизию и с киноаппаратом через плечо отправился верхом по Джету-Огузтскому ущелью осматривать поставленные на барсов капканы. Меня сопровождал пожилой киргиз Сатербек, хороший охотник, переловивший много барсов. Он их сдавал живыми в Каракол, на зоологическую базу киргизского госторга.

До места, где стояли наши капканы, нужно было ехать около сорока километров. Тропа шла по берегу речушки. По обеим ее сторонам, по крутым склонам гор, рос густой еловый лес. Снежные вершины гор ослепительно сверкали на солнце.

В одном месте нам пришлось подняться на громадный плотный вал снега. Это был большой обвал. Он докатился до самого берега речки, чуть ее не запрудив. В снегу я вдруг увидел трупы людей и баранов. Мы ехали по кладбищу: громадная лавина, стремительно спускаясь с горы, смела пасшееся на ее склоне стадо баранов с двумя чабанами и собаками и похоронила их в снегу до лета.

В ущелье стояла полная тишина, только альпийские красноносые галки стаями кружились около верхушек скал.

Мы ехали по самому берегу речки. Мороз заковал ее берега в ледяную броню, и бешеные волны, с шумом дробясь о громадные камни, обдавали нас холодными брызгами.

Но вот я заметил, что по сумасшедшим волнам несется какой-то маленький черный комочек. Поровнявшись с нами, этот комочек вдруг со звонким писком поднялся на воздух. Это была оляпка — птичка величиной со скворца — одно из маленьких чудес Киргизии. Оляпка полжизни проводит под водой. В самые жестокие морозы ее можно видеть бегающей около берега, по дну речки, где она разыскивает себе пищу. Эта удивительная птичка населяет все горные речки Киргизии. Ее короткая песенка звонко раздается среди снега и суровых скал.

Быстро наступали сумерки. Усталые лошади с трудом пробирались по еле заметной тропинке. Около леса снег был весь покрыт следами косуль.

Свернув в чащу леса, мы остановились на ночлег.

Взошла полная луна. Снег ожил и засиял разноцветными огнями. От громадных гор на поляны потянулись черные длинные тени. Вдруг в морозном воздухе раздался страшный рев. Я невольно вздрогнул. Спустя минуту рев повторился гораздо ближе. Я потянулся за ружьем, но Сатербек продолжал неподвижно сидеть и задумчиво смотрел на яркое пламя костра. «Скоро рассвет: илик[1] заревел», сказал он и принялся устраивать себе постель из еловых веток.

Этот страшный, напугавший меня рев принадлежал совсем беззащитным прыгунам — косулям, следы которых мы видели вечером! Мы легли и заснули, а рано утром отправились пешком осматривать капканы.

Барс — животное ночное и держится в малодоступных скалах. Здесь он охотится на козерогов, а к лесу за косулями спускается всегда одной тропой. Вот на такой тропе, на крутом склоне горы, и стояли наши капканы.

Попавшегося в капкан хищника два охотника связывают веревками, заворачивают в кошму[2], затем, срубив небольшую елку, кладут на нее барса и, держась за другой конец, волоком спускают вниз к лошадям. Переезжая речку, в теплую погоду, киргиз, ослабив струнку[3], поит барса из пиалушки[4], и грозный хищник покорно, как собака, лакает студеную воду.

Мы с трудом лезли в гору. Ноги вязли в снегу и скользили вниз. Громадные ели у нашего ночного лагеря стали казаться небольшими деревьями. Беспорядочно нагроможденные камни все чаще загораживали дорогу. И тут мы впервые увидели следы барса. Там, где грунт был мягче, следы расплывались и делались вдвое больше.

До места оставалось не больше ста шагов. Отдохнув, мы осторожно стали подходить к капканам. На площадке, подняв кверху лапу, зажатую стальными дугами капкана, зажмурив от боли глаза, лежал на

---

[1] Илик — по-киргизски косуля.

[2] Кошма — войлок.

[3] Струнка — ремень, которым завязана морда барса.

[4] Пиала — чашка вроде маленькой полоскательницы.

спине громадный барс. Такая удача бывает нечасто! Трясущимися руками я стал наводить с'емочный аппарат. Сатербек торопливо разматывал аркан. Вдруг барс, услышав нас, сразу, как на пружинах, вскочил и ринулся вниз с площадки. Капкан звякнул цепью, и барс, легко прыгая по скалам, скрылся с глаз. Мы стояли, разинув рты от удивления: настолько все случилось быстро и неожиданно: в капкане остались два оторванных пальца.

Следы зверя вели прямо к перевалу. Часто барс делал громадные прыжки на саженные отвесные камни, и мы вынуждены были искать себе другую дорогу. Перевалили уже два хребта, а барс все шел дальше и дальше в глубь гор. Наконец, впереди мы заметили его. Временами он припадал к земле и делался совсем незаметным, сливаясь своей дымчатой окраской со скалами. Расстояние было большое, но мы так смертельно устали, что решили попытать счастья. Положив винтовку на камень, Сатербек выстрелил. Барс сделал громадный прыжок и скрылся за камнями. Мне показалось, что пуля попала в цель. В самом деле, дальше на снегу стала попадаться кровь, и было заметно, что хищник сильно ранен. С новой энергией мы бросились его преследовать. Барс часто останавливался и ложился, оставляя на снегу яркие большие пятна крови. В пятидесяти шагах над нами виднелась группа небольших скал. Барс не мог уйти далеко. И мы решили обойти эту груду камней с двух сторон. Только сделали несколько шагов, как из-за большого камня мелькнуло в воздухе пятнистое тело, и, оскалив белые острые клыки, подняв вверх хвост, барс с невероятной быстротой кинулся на нас. Забыв об опасности, я старался не пропустить необыкновенную сцену и, поймав барса в видоискатель, нажал кнопку автомата. Но тут почва вдруг ушла из-под моих ног: снег вокруг дрогнул и пополз, и я, потеряв равновесие, покатился вниз. Это длилось несколько секунд, но мне они показались долгими. Грянул выстрел. Я больно ударился головой о ствол ели и застрял в ее развилке, около кручи. Я был цел и невредим, только от сильного удара о дерево болела голова.

Поднявшись, я увидел барса в двух саженях от себя: в предсмертных судорогах, уткнувшись мордой в снег, он выгибал шею и, захлебываясь кровью, глухо фыркал. Недалеко стоял Сатербек. Аппарат был забит снегом и не работал. Я долго возился, прежде чем мне удалось заснять убитого хищника.

Пуля охотника пробила зверю сердце насквозь.

На том месте, где я стоял с аппаратом, на несколько сажен кругом не было снега: он сполз далеко вниз.

На обратном пути, проезжая мимо обвала, где под громадной снежной лавиной было погребено стадо, я вспомнил, какой двойной опасности подвергался, и подумал, что хуже: погибнуть от страшных клыков барса или быть заживо похороненным в холодном снегу?

Барс оказался красивым крупным самцом с начинающими уже желтеть громадными клыками. Его пушистая с черными розетками шкура висит у меня над кроватью, напоминая о Барсином ущелье.

В. Шустов

Как назвать общество

Из письма Алеши Четверикова

Я очень увлекаюсь географией. Люблю читать книги о путешествиях географов и геологов.

Так часто самому хочется взять рюкзак и провиант и идти путешествовать. Потом вечером разложить огонь где-нибудь на опушке леса, варить ужин и делать заметки...

И вот мне очень хочется быть корреспондентом географического общества при журнале „Пионер“. Назвать это общество я предлагаю „Ливингстон“,—в честь исследователя Африки.

Бригадир сквозной бригады шахты № 9 первой очереди метро Я. Л. Яремчук, награжденный за свою работу орденом Ленина.

Комсомольский забой

Рассказ Я. Л. Яремчука

Первый раз под землей

Все ребята, живущие в Москве, ездили на метро. Я расскажу, как мы его строили.

На первую очередь метро нужно было очень много рабочих, а работа была новая и трудная.

Чтобы справиться с этой работой, Лазарь Моисеевич Каганович призвал на помощь комсомольцев. Комсомольцы—ребята молодые, сильные, смелые и, если возьмутся, справятся с любым делом.

На призыв Лазаря Моисеевича добровольно пошли в шахты и слесаря, и парикмахеры, и пекаря, и калибровщики с авиационных заводов. Так и я попал на метро.

Пришел. Шахты до этого никогда не видел. Дали мне спецовку. Дали шахтерскую шляпу, резиновые сапоги и назначили в смену — идти спускаться. Первый раз это было в июне в 12 часов дня. На дворе тепло, хорошо, солнце светит. Полезли мы в шахту. Нас было 8 человек. Эту шахту только начали копать, но уже выкопали на 25 метров в глубину, это примерно как восьмиэтажный дом, только не вверх, а в глубину, в землю.

Я полез. Чем глубже, тем становится темнее. Горит электрический свет, но горит тускло. С непривычки кажется темно.

Посмотрели вниз — ничего не видно, одна дырка. Было немножко страшно, особенно как вспомнишь, что над тобой лежит 20 метров земли. Вдруг она сядет?

Вот тут я и начал работать.

Для того чтобы работать под землей, нужно быть специалистом. Ну, а я какой специалист — первый раз в шахте! Но там были старые шахтеры, которые приехали с Урала, из Донбасса, они знали работу. Меня поставили им помогать. Они долбили землю отбойными молотками, а я отбрасывал мокрый грунт. Понятно, что работа сначала показалась мне неинтересной и грязной.

На второй день я опять пришел в ту же шахту и начал понемногу привыкать к шахтерской работе.

Тут, на этой шахте, со мной произошел интересный случай. Там, в шахте, много воды. Известно, что под землей много воды. А особенно много ее у нас под Москвой. Здесь—подземная речка Неглинка и другие реки, есть ключи и родники. Когда роют шахту, грунтовая вода собирается в специальную яму, и насосом ее качают наверх, чтобы не залило шахту.

Меня послали принести «стойки». Я не знал, что это такое, а спросить стыдно. Прихожу к другим рабочим и спрашиваю. Оказалось, что стойки — это бревна, которые поддерживают свод тоннеля, чтобы земля не обваливалась. Я нашел эти стойки и несу обратно. А яма, куда сливается вода в шахте, накрыта досками. Я не знал, что это за доски, зацепился и сорвался в яму с головой. Перепугался, хотел закричать, да в воде нельзя—захлебнешься. Зато как выскочил, так заорал, что прибежали рабочие. Я им говорю, что упал и испугался, а они вытащили меня и смеются: «Смотреть под ноги надо!» Ну, ладно, этим дело и кончилось.

Там проработал я месяц. К тому времени на метро пришло много комсомольцев.

Сначала в смене было 8—10 человек, а потом по 50 человек в смену спускалось в шахту.

Мы стали просить, чтобы сделали больше забой и чтобы дали нам, комсомольцам, работать самостоятельно.

Я за этот месяц уже научился работать отбойным молотком, освоил технику проходки, и мне предложили организовать такую бригаду, чтобы все ребята в ней были комсомольцы, а меня начальник шахты назначил бригадиром этой бригады.

Вокруг этого дела сначала поднялись споры. Были такие инженеры, которые говорили, что нельзя доверять ребятам самостоятельной работы, что они могут обвалить забой. А если обвалить забой, тогда наверху, на земле, получится яма. Если там идет трамвай и яма придется под рельсами, трамвай провалится. Если яма придется под домом, дом обрушится. Опасно доверять не-

опытной бригаде такое дело. Но часть инженеров была за то, чтобы разрешить комсомольцам работать самостоятельно. В конце концов нам доверили, и нашей бригаде дали отдельный забой.

Лучшая бригада

Я уже говорил, что народ у нас был пестрый: и шоферы, и портные, и счетоводы. Трудно было сразу взяться за новое дело, и сначала мы не справлялись. Первый день пошли на работу и план не выполнили. Течет, мокро, ребята с непривычки боятся, суетятся. На второй день опять план не выполнили. Получился скандал, поднялись разговоры, что комсомольская бригада никуда не годится, раз второй день не выполняет плана. Были инженеры и рабочие, которые смеялись над нами, говорили, что мы взялись не за свое дело. «Это, мол, не на заводе работать, а в шахте, и ничего у вас не получится, только завалите забой».

Тогда мы собрались и поговорили: разобрались в том, что у нас плохо, переставили людей, решили поднажать, а на утро опять пошли в забой работать. На третий день выполнили план на 110%.

Потом стали перевыполнять на 150 и на 200—и так каждый день. Все эти разговорчики о нашей бригаде кончились, и у ребят настроение поднялось.

А в конце месяца получилось так, что на шахте из десяти бригад наша, комсомольская, лучше всех и больше всех перевыполняла план и по количеству и по качеству работы. А качество работы было особенно важно. Вы, наверно, слышали о том, что Лазарь Моисеевич не раз говорил, что нам в первую очередь нужно высокое качество работы, потому что мы должны построить лучшее в мире метро.

С тех пор и до конца не было ни разу, чтобы другие обогнали первую комсомольскую бригаду. Мы все время были впереди.

Через 5—6 месяцев нашу бригаду знали не только в шахте, а на всем строительстве. Нам уже стали доверять самые сложные и серьезные работы.

Мы работали на 9-й шахте, в Охотном ряду. Оттуда мы вели тоннель.

От Охотного ряда поезда идут в Парк культуры и отдыха и на Арбат. Когда вы приходите на станцию Охотный ряд, вы не видите, как расходятся пути—в один тоннель уходят все поезда. А под землей там сделана целая сложная конструкция. Поезд в Парк культуры и отдыха идет ниже, а поезд на Арбат идет над ним. Поезд над поездом. Со стороны этого не видно, и со станции не видно: кажется, что поезда идут прямо. И в вагоне вам кажется, что путь идет ровно. Но это не так. На самом деле поезд идет то вверх, то вниз. Тоннель заворачивает и влево и вправо, только это не чувствуется. Но если вы сядете в задний вагон метро и посмотрите в стекла сквозь весь поезд, увидите, что первый вагон то виден, то его не видно. Значит, поезд поворачивает. Если внимательно присмотритесь, то увидите, что поезд пошел вверх — лампочка в переднем вагоне была видна, а потом исчезает.

В Парк культуры и отдыха надо ехать влево от Охотного ряда, а на Арбат—вправо. Долго думали, как это сделать, чтобы поезда расходились безопасно. Когда строили метро, заранее взялись сделать так, чтобы под землей не было никаких несчастных случаев. Лазарь Моисеевич сказал, что ни один поезд не должен в пути встречаться с другим.

Вот тогда и решили, чтобы один поезд шел внизу, а другой над ним. И на эту работу, очень серьезную, решили послать нашу первую комсомольскую бригаду.

Подземный колодец

Мы пошли туда. Перетрусили сначала. Потом ребята обсудили задание и сказали, что сделают. Пошли, начали работать. Когда начали рыть, на глубине 10 метров Ваня Вдовин нашел лапоть. Что такое? Откуда под землей на такой глубине лапоть? Этим заинтересовались не только наши ребята, заинтересовался Исторический музей. Направили к нам профессоров. Они осмотрели то место, откуда Ваня выкопал лапоть. Начали рассматривать этот лапоть, смотрели, смотрели и потом сказали, что этот лапоть попал сюда еще 400 лет назад. Здесь в то время жили стрельцы Иоанна Грозного. Где сейчас Охотный ряд, тогда стояли маленькие домики и в них жило царское войско. Как лапоть попал под землю, неизвестно, но известно, что такие лапти в то время носили. К этому лаптю воздух не проходил, вот он и сохранился. Там, внизу, этот лапоть был крепкий, а когда вынесли его на воздух, наверх, он начал рассыпаться. Его скорее прикрыли и забрали в музей. Когда будете в Историческом музее, увидите его в отделе метро. После этого случая мои ребята договорились с профессорами, что если при рытье они найдут что-нибудь интерес-

ное, сообщат в Музей, а ученые придут и определят, что это такое.

И вот один раз Митя Никитин, комсомолец, который и сейчас работает на метро (только тогда он был звеньевым, а теперь бригадир), роет, и вдруг как ударит сверху вода. Их было там 4 человека. Вода как хлынула, так сразу сбила их с ног, и они поплыли. А в шахте было много ребят. Некоторые удрали, перепугались. А Митя Никитин не растерялся. Вода вырвалась в том месте, где они долбили; он давай скорей эту дырку закрывать и заколачивать досками и паклей. Заколотили, вода просачивается, но фонтаном больше не бьет. Пока заколачивали дырку, сами стояли по шею в воде, а когда заколотили, воду выкачали. В это время я пришел на смену. Воды еще было много. Здесь собрались и начальники шахты и главный инженер — все пришли посмотреть, откуда столько воды. Оказывается, это был колодец Иоанна Грозного, из которого он 400 лет назад пил воду. Когда-то этот колодец засорился, его завалили, и там скопилось очень много воды. Вот Митя и попал под этот колодец. Он как ударил землю, из колодца вся вода и вырвалась. Когда откачали воду, оказалось, что там родник—ключ. Он бьет фонтаном, но не так уж сильно. Начали мы этот колодец разрывать, и чего там только не нашли: и горшки, и ложки, и топоры. Тогда эти большие топоры были оружием. С ними стрельцы ходили воевать. Все это теперь лежит в Историческом музее в отделе метро.

Так мы разделались с этим колодцем. Как раз на этом месте сейчас поезд над поездом проходит, но только там теперь всюду бетон и вода не течет и не каплет—забетонировано хорошо.

Обвал

Когда мы делали этот «двухэтажный» тоннель, со мной был один интересный случай.

Внизу был один тоннель, а наверху другой. Для того чтобы разрабатывать верхний тоннель, землю нужно было сыпать вниз. Оттуда ее вывозили на вагонетках, а землю сверху сыпали в дырку. Сначала сыпали и ничего. И вдруг эту дырку завалило землей и породой, и остановилась вся работа. Нужно было пробить дырку. Можно было пробить ее сверху, но тогда пришлось бы копать две недели. Если же бить снизу, можно за смену пробить, за шесть часов, но это опасно. Вот какая разница, две недели и шесть часов! Если две недели будем бить, сорвем план. Ведь пока не пробита эта дыра, породу некуда сыпать. Старые шахтеры говорили, что снизу бить опасно: может придавить землей. Но мы посоветовались со своими ребятами и решили бить снизу.

Нас было трое. Я и еще двое комсомольцев. Я полез первым и пробил два метра. Вылез отдыхать. Второй тоже пробил два метра, и третий—два метра. Уже пробили шесть метров, осталось четыре. Туда залезешь, встанешь на леса и бьешь, точно колодец копаешь, только снизу вверх. Земля на тебя валится и летит дальше вниз. Я отдохнул и полез. В это время вся земля сразу поехала. А мы договорились, что если земля сдвинется, тот, кто будет там на лесах, должен сразу прыгать, а ребята его схватят за ноги и в сторону отдернут, чтобы землей не придавило. Это как раз и случилось со мной. Земля обрушилась. Полетели земля, известняк, камни. Я прыгнул, но ребята не успели схватить меня за ноги. А тут еще большой камень стукнул по голове, и я не помню, что было дальше.

На другой день я очнулся в больнице. Оказывается, вся голова в шишках и в синяках. Пощупали меня; говорят, что цел. Спрашиваю доктора; он говорит, что 100 лет буду жить, а я думал, что помру. Оказалось, что у меня нога сломана в трех местах; не выдержала. Но доктор успокоил, сказал, что и это заживет. На третий день в больницу ко мне приехали ребята из моей бригады и рассказали, как было дело. Оказывается, когда я прыгнул, сверху посыпалась земля и меня не стало видно. Все кругом перепугались и—удирать из шахты! А ребята-комсомольцы, которые со мной работали, не удрали, а скорее принялись раскапывать землю. Увидели мою ногу и за ногу хотели вытащить поскорее, чтобы я не задохся. Схватили за сломанную ногу, и оказывается, что я тут закричал на них. А я и не помню этого, но приходится верить: их было трое, а я один. Они перепугались, когда я закричал, но не бросили меня, откопали и отвезли в больницу.

А если бы струсили, не раскопали, то я задохся бы. Человек больше 10 минут под землей не может пробыть: задохнется и умрет.

Опасный участок

Когда я поправился, тоннель ушел далеко от Охотного ряда. Мои ребята рыли уже на углу Воздвиженки против Кремля. Там на-

ходится приемная Михаила Ивановича Калинина. Вот под этим домом и должен был пройти наш тоннель. А под этим домом— не земля, а песок с водой. Если начнешь рыть, то песок с водой как кисель заливают тоннель. Вот и думали: как же проходить под этим домом? Если выпустишь этот песок, то и дом поедет. Это—серьезное дело. Тогда нашу бригаду перебросили туда и сказали нам, что мы должны так пройти под домом, чтобы дом никуда не двинулся и чтобы тоннель был построен в срок.

Решили удержать песок сжатым воздухом—в кессоне. В тоннеле поставили толстые железные двери. Эти двери открываются, туда входят рабочие, и двери плотно закрываются. Потом туда накачивают воздух, и образуется такое сильное давление, что всю воду из песка выжимает. А двери уже нельзя открыть. Человек работает там как закупоренный.

В кессоне работать трудно, но мы взялись, сделали четверть тоннеля—70 метров. Ничего идет работа, хорошо получается.

Там, в кессоне, хоть и горят лампы, а все-таки довольно темно. Для подачи воздуха сделана небольшая дырка—называется она фурнель. Вдруг однажды, часов в 5 вечера, из фурнеля кто-то говорит: «Здравствуйте, товарищи». Смотрим: это Лазарь Моисеевич Каганович к нам пришел. Спросил нас, как мы работаем. Мы ему рассказали.

— Как думаете,— спрашивает он,— Михаил Иванович не будет на вас обижаться, не завалите дом, где он народ принимает?

Мы говорим, что не завалим.

— Ну, смотрите, чтобы дом был цел, а то москвичи скажут, что вот начали дома валить. Смотрите, не завалите приемную Михаила Ивановича.

Мы дали слово Лазарю Моисеевичу, что все будет в порядке, и это слово сдержали. Прошли под этим местом, и дом стоит целехонек. Когда кончили метро, Лазарь Моисеевич специально благодарил нашу бригаду за то, что выполнили эту задачу.

Северный вестибюль

Лазарь Моисеевич много раз приходил на метро. Нет такого места, где бы он не побывал. Он был и на самых опасных местах. Он большинство рабочих знал по имени и со всеми беседовал, когда приходил в шахту.

Когда мы уже закончили все и начали отделывать станции, Лазарь Моисеевич пришел в шахту, собрал лучших бригадиров, инженеров и начальников шахт и говорит:

— Перед пуском первой очереди мы собрались с вами в последний раз. Сейчас мы должны договориться о сроке, когда сдадим метро московским рабочим. А сдадим — соберемся еще раз отпраздновать окончание метро. Так вот, говорите, к какому числу, только точно, вы закончите работу?

И предупредил, что если скажем, что к 15-му числу, так чтобы это было сделано к 15-му. Не любил он, когда хоть на один день опаздывали!

— Вы говорите прямо: если чего вам не хватает, то мы вам поможем и дадим, но чтобы сделали точно, чтобы не было никаких отговорок и отсрочек.

Кончили это заседание в два часа ночи. Разошлись по домам. Каждая шахта дала обязательство, что кончит работу в срок, что шахта будет готова и что поезд можно будет пустить.

Но Лазарю Моисеевичу скажешь срок, а он возьмет да и проверит сам, как обстоит дело. Он пойдет да на месте с рабочими поговорит и спросит, сделают в срок или нет и чего не хватает. Он знал, что ему в шахте все расскажут. И на этот раз поехал Лазарь Моисеевич, об'ехал много шахт и попал на станцию Охотный ряд. Там есть два входа: один с Охотного ряда и один с площади Свердлова. Оказалось, что один вход с Охотного ряда почти готов и там уже лестницу собирают. А с другой стороны еще и земля не тронута. Лазарь Моисеевич спрашивает:

— Как же так? Вы сказали, что через месяц будет готово, а тут еще земля?

— А мы решили,—отвечают ему,—публику через один вход впускать. Не обязательно через два входа, а тот вход потом сделаем.

— Да кто вам дал такое право?—возмутился Лазарь Моисеевич.—Рапорт напишете, что кончили метро, сдаете московским рабочим, а тут еще и не начинали! Вы и товарищу Сталину напишете рапорт и еще попросите посмотреть, а здесь у вас и смотреть нечего. Рабочий придет и скажет: «Говорили, что кончили метро, а оказывается, только хвастаются».

Лазарь Моисеевич собрал всех, вызвал начальников шахт и начальника строительства Ротерта, Абакумова и Никиту Сергеевича Хрущева и говорит:

— Вот такое дело у нас. Нам до пуска осталось полтора месяца, а нужно землю

вынимать и бетон уложить. Здесь некоторые говорят, что нужно на это месяц, а некоторые—полтора да еще две недели на установку лестницы. Правительство постановило через полтора месяца сдать метро, а вы собираетесь еще два месяца делать. Вот что, Никита Сергеевич, ты иди на северный вестибюль, садись там и уж проследи, чтобы вынули этот грунт не за месяц, а за две недели.

Мы как раз в это время свою шахту кончили, и осталось совсем мало работы.

Тут меня вызвали в МК к тов. Хрущеву.

— Вот что, Яремчук, — сказал Никита Сергеевич,—Лазарь Моисеевич сказал, что надо сделать эту работу за две недели. Тебя считают лучшим, и тебя с бригадой решили перебросить туда. Сделаешь?

Понравилось мне, что меня считают лучшим, а когда сказали, сколько за две недели нужно сделать, то здесь я и подумал: «А вдруг ребята подведут, не сделаем в срок?»

Прихожу к ребятам, к своей бригаде. Они спрашивают, что мне в Московском комитете сказали. Я им рассказал, в чем дело, не забыл и о том, что считают нашу бригаду лучшей и что посылают нас туда, чтобы мы оправдали доверие партии и комсомола и сделали эту работу за две недели—и никаких гвоздей!

Ребята взялись.

Сразу приехали в шахту и начали работать. Работаем дружно. В бригаде у меня 50 человек. Сначала давали 200 вагонов в смену, потом—300, 400 и 500. Рекорд был 500 вагонов грунта в сутки. Денег зарабатывали прямо кучу. Мы в три раза больше давали, чем нужно, а ребят из шахты прямо не выгонишь. Уже отработали свои часы, я говорю им, чтобы они шли отдыхать домой, а они не хотят, говорят, что еще будут работать. Сами без спросу остаются и работают по две смены. Ко мне приходят и ругаются: «Почему у тебя по две смены работают, не отдыхают?», а ребята из шахты не вылезают. «Денег не будем платить»,— говорю я им. «Ну и ладно, — отвечают они, — бесплатно будем работать».

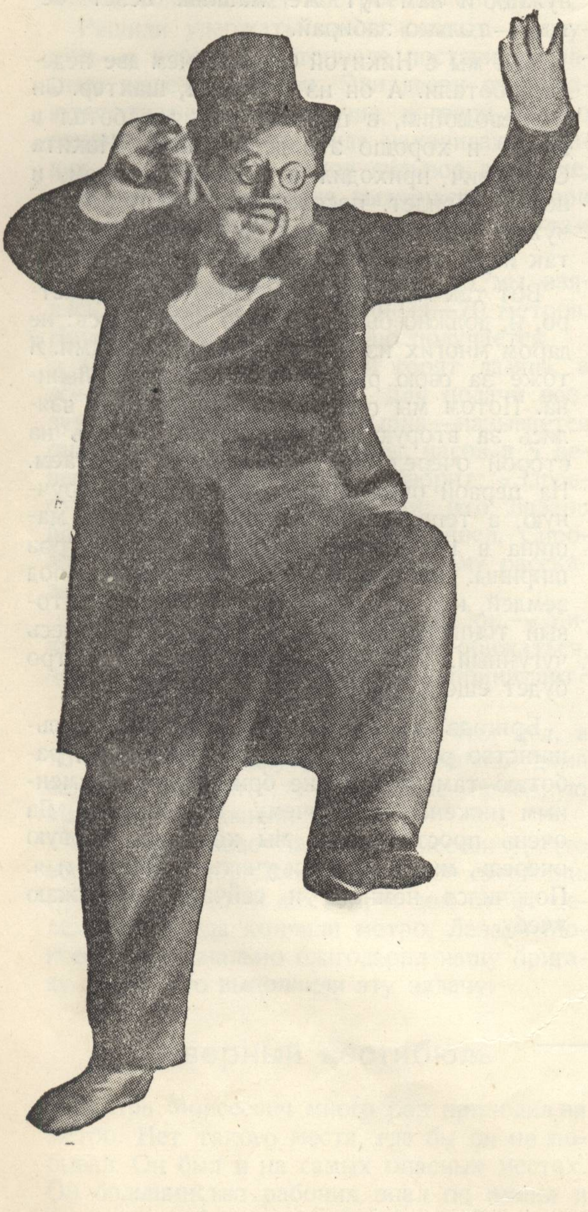
Мы кончили эту работу за 14 дней. Под землей у нас каждый день был Никита Сергеевич. Придет и спрашивает: «Ну как, Яремчук, чего не хватает?» Бывало, что бетона или изоляции не хватало. Он узнает, почему не хватает, кто задерживает, сам идет на бетонный завод, нажимает, где нужно, и нам тут же машина везет бетон — только забирай.

Так мы с Никитой Сергеевичем две недели работали. А он из Донбасса, шахтер. Он до революции, в царское время работал в шахте и хорошо это дело знает. Никита Сергеевич приходил в шахту и днем и ночью. Придет, посоветует: «Вот, ребята, нужно так делать, так лучше будет». Мы так и работали и выполнили задание.

Вот так мы строили первую очередь метро, и, должно быть, неплохо получилось: недаром многих из нас наградили орденами. Я тоже за свою работу получил орден Ленина. Потом мы отдохнули немножко и взялись за вторую очередь метро. Теперь на второй очереди мы уже не так работаем. На первой очереди мы рыли тоннель вручную, а теперь тоннель роет щит. Это машина в 10 метров высоты и в 10 метров ширины. Она врывается в землю, ползет под землей, как крот, а сзади получается готовый тоннель. Только не бетонный, а весь чугунный. Так что вторая очередь метро будет еще лучше.

Бригада моя и до сих пор цела. Большинство ребят работает на шахте, и я работаю там, только не бригадиром, а сменным инженером. Почему инженером? Да очень просто: когда мы кончили первую очередь, многие пошли учиться. Пошел и я. Подучился немного и сейчас продолжаю учебу.

П А Н О П

— Ай-ай! — закричал доктор Каррабелиус. — Спасите, помогите мне перебраться на ту страницу, иначе оно со мной что-нибудь сделает!

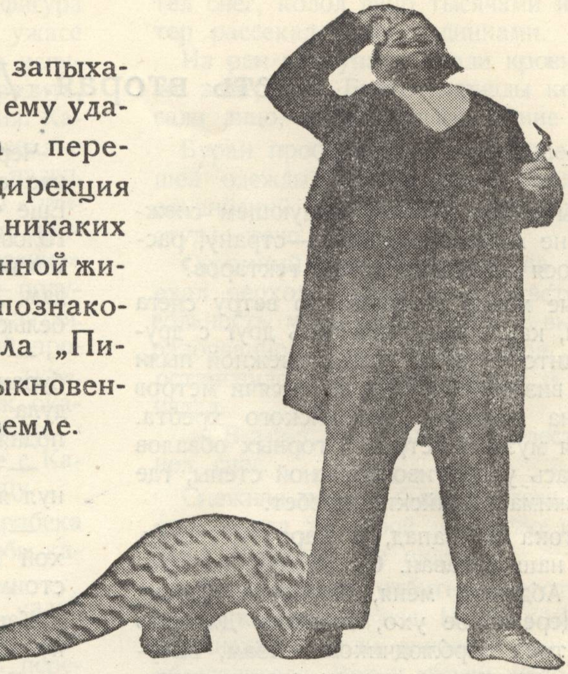

Примечание редакции:

Этот страшный зверь — ящер — водится в Индии. Он трусливее зайца, при малейшей опасности

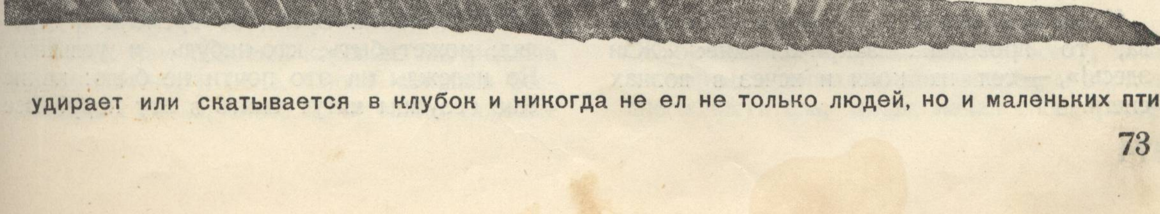
Т И К У М

— Фу, фу!—сказал запыхавшийся доктор, когда ему удалось, наконец, сюда перебраться. — Вы видите, дирекция паноптикума не щадит никаких затрат и даже собственной жизни для того, чтобы познакомить читателей журнала „Пионер“ с самыми необыкновенными существами на земле.

— Сейчас, вы видите, я его укротил. Он даже спрятал голову за мою ногу. Это он от стыда.

— Ну, насмотрелись? Переворачивайте поскорей эту страницу, а я отдохну В мои годы с моим сердцем нельзя шутить!

удирает или скатывается в клубок и никогда не ел не только людей, но и маленьких птиц.

Голубой берег

Повесть Ю. Тушкана и М. Лоскутова *Рис. Б. Винокурова*

Часть вторая. Долина

Кто бы узнал в этом бушующем снежном океане Алайскую долину—страну, раскинувшуюся на полмиллиона гектаров?

Плотные массы летящего по ветру снега бушевали, как волны, сшибаясь друг с другом. Гигантские валы густой снежной пыли с воем и визгом взлетали на тысячи метров вверх, на ледники Заалайского хребта. Страшная музыка ветров и горных обвалов откликалась у противоположной стены, где долину сжимал Алайский хребет.

С востока на запад, к Дараут-Кургану, двигался наш караван. Он состоял из проводника Абдуллы, меня, Карабека, Саида, Шамши-Деревянное ухо, больного Джалиль Гоша и трех верблюдчиков. Азам, высунув язык, прыгал по нашим следам сзади. Прыжок — и он исчезал с головой в снегу.

Нас вел хорошо знающий дорогу верблюдчик из Кашка-су Абдулла, который сам вызвался нас проводить. За ним ехал я на коне Алае, за мной — Карабек на быке Тамерлане и сзади—верблюды. К одному из них был накрепко прикручен веревками укутанный кошмами раненый Джалиль Гош.

Двадцать часов назад мы еще не представляли, что буран будет так ужасен. Но что нам было делать? Необходимо проскочить вниз до наступления весны.

Снег вихрился в тисках двух хребтов, будто лава в кратере. Буран мчался с запада, прямо нам навстречу. Мы ехали друг за другом гуськом, и задний не видел переднего всадника.

Вначале наш проводник Абдулла ехал верхом, а потом, взяв в руки длинную палку, пошел вперед, нащупывая протоптанную в снегу тропинку.

Когда проезжали у огромных скал справа, то проводник закричал мне: «Жди здесь!», — сел на коня и исчез в волнах снега.

Через десять минут буран навалил возле нас сугроб, засыпав верблюдов по живот. Еще через полчаса из сугроба выглядывали головы животных. Верблюдчики, повернувшись спиной к ветру, прижались к верблюдам. Долгое ожидание на месте грозило гибелью.

— Карабек! Карабек! — закричал я. Вой бурана глушил голос. Я вынул затычку из дула винтовки и выстрелил. Карабек приподнял голову.

— Карабек, проводника нет! — крикнул я.

— Ехать надо, — донесся из бурана глухой голос. — Что ни будет — ехать надо, стоим — мороз заберет.

Карабек замолк, уткнувши голову в спину яка.

«Если даже Карабек умолк, — дела плохи», — подумалось мне.

— А проводник? Будем ждать?

— Он из Кашка-су,— сказал Карабек,— он домой ушел. Не надо было нам его отпускать. Теперь плохо будет.

Я погнал Алая вперед. Караван верблюдов двинулся дальше. Начался страшный путь. Верблюды падали на бок в глубокий снег. Верблюдчики с проклятиями развьючивали их. Верблюд, упавший на бок, сам подняться не мог. Его подымали, заставляли правильно лечь, снова вьючили и снова подымали. К тому времени, когда верблюдчики успевали навьючить, верблюда почти целиком заносило снегом, он превращался в сугроб. Единственным спасением было то, что киргизы умеют быстро связывать веревки без мертвых узлов и быстро развязывать такие узлы.

Мы пробивались вперед без дороги. Алай окончательно выбился из сил и поминутно останавливался. Время от времени я стрелял: может быть, кто-нибудь и услышит. Но надежды на это почти не было: какие еще безумцы могут ехать в эту пору? Все

живое на огромном пространстве Алайской долины в это время притаилось в кибитках, в аулах.

Проезжая мазар — древнюю могилу святого, — я снова выстрелил. Верблюдчики подняли головы. Я выстрелил еще раз, и вдруг сквозь просвет в снежной пелене мы увидели, как из мазара поднялась фигура и пошла ко мне. Верблюдчики в ужасе спрятали головы под тулупы. Я тоже испугался. Испугался того, что начал бредить, что вот мне уже являются привидения. Караван остановился. Призрак то исчезал в снегу, то вдруг всплывал на гребне валов. Чтобы выяснить, наконец, тайну этого «привидения», я выстрелил в направлении приближающейся фигуры. Тогда «привидение» закричало: «Не стреляй!» «Плохо, — подумал я, — уже звуковой мираж начинается. Но, может быть, это наш пропавший проводник? Нет, он не мог прятаться тут». И потом я был уверен, что проводник оказался предателем, подосланным Бароном.

Однако я оставил караван и вместе с Карабеком поехал навстречу незнакомцу.

Мне едва удалось заставить Карабека следовать за собой. Он требовал, чтобы караван бежал от этого злого духа.

— Слушай! — закричал вдруг «злой дух». — Зачем смерти хочешь? Только враг погонит в такую погоду. Я знаю. Я пережду буран в мазаре. Не говорите об этом мусульманам: они будут сердиться, что я спрятался в могильном склепе. Места там на двух человек, это вас не спасет. Но ваши кибитки недалеко... Садись на кутаса. Кутас зимой дорогу делает. Поезжайте влево к реке. По долине не проедешь: дорога закрыта.

— А ты кто? — закричал я. — Кто?

— Я? Разве ты меня не знаешь?

Тут я всмотрелся в его обледеневшее лицо и невольно от удивления вскрикнул. Человек махнул рукой и опять исчез среди пурги.

— Карабек! — закричал я. — Ты знаешь, это опять Шапка из куницы. Третий раз у нас странная встреча. Он всегда является в самую трудную минуту!

— Знаю, — ответил Карабек, — только тот, кто спрятался в мазаре,—не живой человек, а дух. Аллах, иль-лах расул иль-ла!— зашептал Карабек. — Начальник, ты просто ошибся. Может, это шайтан был?

Тут к нам подошел караван. Мы решили ехать налево, к реке. Снова началась бесконечная качка, снова мучительно тяжелые перевьючивания верблюдов. Чувства наши притупились.

Послушав совета «призрака», я пересел на кутаса. «Пусть расталкивает снег своей грудью», — решил я и поехал вперед.

С быстротой 30—35 метров в секунду с «Крыши мира» — памирских высот — летел снег, колол лицо тысячами иголок. Ветер рассекал кожу льдинками.

Из ран выступали капли крови и сейчас же замерзали. Будто мириады комаров кусали лицо, высасывая последние силы.

Буран пробирался в малейшие щели нашей одежды; сквозь тулуп, полушубок и альпийский костюм он леденящим душем студил тело.

Огромный бык Тамерлан, на котором я ехал верхом, сразу же почувствовал безвольность моей руки. Сопя и выпуская из разорванного носа струи пара, он вдруг остановился. Я прислушался и обернулся назад.

— В-з-з-з... в-з-з-з... — шелестел и звенел снег.

Снежная пелена была до того густа, что я не видел за собой никакого каравана и даже Карабека не видел.

«Только бы не отбиться, не отбиться»,— думал каждый из нас. Но бесконечные удары снежных волн доводили до отупения, обессиливали. Вот и теперь надо было подхлестнуть Тамерлана камчой, издать губами свистящий звук, напоминающий хлопанье бича, и ударить ногами по тяжело вздымающимся, как кузнечные меха, бокам кутаса, но губы замерзли, и не было сил даже шевельнуть рукой. Раздался рев верблюдов, и сбоку мелькнула тень Карабека, за ним четыре верблюда на привязи, лошадь с Шамши и самоваром, Саид, поддерживавший привязанного к седлу Джалиля, а совсем сзади тянулся мой жеребец Алай, измученный и понурый. К его ногам жался бедный пес. Увидав меня, он жалобно завизжал.

Небольшой караван остановился.

— Начальник, начальник, назад ехать надо! — закричал один из караванщиков. — Совсем заблудились. Замерзаем.

— Вперед надо! — закричал я.

— Нельзя! — кричал Карабек.

— Надо, заставь верблюдчиков, — отвечал я.

Преодолевая безразличие ко всему, даже к смерти, я погнал кутаса вперед, и он, как снегоочиститель, храпя, начал снова рассе-

кать снежные груды, проминая траншею в снегу.

Очень хорошо помню, как я, разозлившись на поминутно останавливавшегося быка, погнал его вперед. Внезапно меня подбросило, я вылетел из седла и несколько секунд барахтался на огромных рогах кутаса, ничего не понимая. Кутас храпел и пятился назад, а затем я свалился в снег. Кутас сейчас же свернул вправо и сделался невидимкой. Я барахтался в снегу, путаясь в тулупе, сползая по склону вниз, когда сверху послышались верблюжьи крики. Мимо меня, скользя по склону раз'езжающимися ногами, пронесся, как аэросани, верблюд. Карабек, прыгая с него, упал на меня. С его помощью я снял тулуп.

— Река Сурх-Об!—закричал мне на ухо Карабек и покатился вниз, вслед за орущим верблюдом, куда-то сквозь пелену снега.

Стараясь разглядеть верблюдов, стоящих наверху, я только сейчас заметил, что сумерки переходят в ночь. Остановившихся груженых верблюдов, перепуганных и орущих, киргизы-верблюдчики с трудом свели вниз. Кутаса решили не искать: «сам домой придет», и я взгромоздился на лошадь, подостлав под себя на седло тулуп.

Перед нами внизу, на самом берегу реки, темнели заросли колючего кустарника — тугаи. Долго и упорно взад и вперед ездили мы вдоль края тугаев, разыскивая в зарослях тропинку. Наконец, Азам, которому надоело прыгать по следам каравана, бросился вперед и вскоре исчез в тугаях. Вслед за Азамом, ведя верблюдов на поводу, мы в'ехали в тугаи. Алай храпел и прыгал, как заяц, пробивая дорогу в снегу. Тугаи представляли собой сплошной снежный сугроб. Слышался нарастающий рев реки. Мы медленно двигались вперед. Снежные бугры расступились.

Перед нами открылась широкая черная полоса с белыми пятнами: незамерзшая река, темневшая в ледяных берегах, несла большие глыбы льда. Верблюдчики подняли крик.

— Товарищ начальник! — кричал Карабек.— Ехать нельзя: муз, муз идет!

Льдины проплывали очень быстро, бултыхаясь в водоворотах и ломаясь на камнях. Это и был «муз». От бешеного движения воды и льда в воздухе стояли гул и треск. Пелена снега закрывала противоположный берег; казалось, что черная поверхность воды уходила под какой-то туманный занавес.

— Карабек! — кричал я. — Если мы возвратимся, закроется дорога и мы не доедем домой. Весна скоро. Сам говорил: ехать надо!

— Верблюдчики не хотят!

— А пусть они захотят, говори!

Подошли верблюдчики, и сквозь рев бурана и грохот реки мы кричали и ругались из последних сил. Но слова, произнесенные замороженными губами, были едва слышны. Жесты говорили больше. Глядя со стороны, можно было подумать, что огромные фантастические птицы на берегу реки машут изо всех сил крыльями и не могут взлететь. Киргизы, ссылаясь на Аллаха, ругали Карабека. Тот молча хмурился. Возле нас нарастал сугроб. Мы не знали, где сейчас находимся.

— Карабек, — кричал я, — если не поедем, ты мне не товарищ! Я тебя уволю! Зачем такая плохая работа? Зачем такое дело? Ехать надо!

— Рассчитывай, прогоняй! — кричал Карабек, задыхаясь от злости, и, схватив шапку, бросил об снег. Ветер ее подхватил и понес. Карабек бросился за шапкой. Через вечность — такими долгими казались секунды — он вынырнул из мглы.

— Видишь, видишь,—кричал он, вскидывая руками и показывая на шапку, — какой буран!

— Вижу, ехать надо.

Азам между тем бегал по берегу и, оглядываясь на нас, как бы звал переезжать реку. Иногда он тянул носом воздух и взвизгивал, будто чуял близко жилье.

— Азам кибитку слышит! — закричал Карабек, заметив эти движения собаки.

На верблюдчиков это произвело огромное впечатление.

— Ехать надо, сейчас ехать надо,— сказал Саид решительно, хотя раньше не говорил ни слова. Пошли садиться на животных. Больше всего угнетало то, что не знали, в каком месте переправляемся. А может быть, противоположный берег крутой и мы не выедем? Я подумал о раненом Джалиле Гоше: каждому из нас сейчас предстоит действовать за себя, такое предприятие, как зимняя переправа через Сурх-Об, более чем рискованно. Но что же будет с тяжело раненым? Впрочем, если бы я оставил Джалиля в Кашка-су одного, без единого родственника, там бы с ним расправился его враг — Барон...

— Смотрите за Джалилем! — приказал я Саиду и Шамши.

Материальную ответственность за верблюдов я взял на себя. Опасность заключалась в том, что, во-первых, льдины могли сбить верблюдов в воду и поломать им ноги, а упавший с грузом верблюд сам не поднимается, поэтому он утонет и пропадет груз. Развьючить верблюда в реке при морозе в тридцать градусов, с бурей и несущимися льдинами, невозможно.

Вторая опасность заключалась в том, что нас от реки отделяла площадь в несколько метров зеркального льда, а пройти по зеркальному льду даже несколько метров у этого и затем столько же у противоположного берега представляет для верблюда смертельную опасность.

Дело в том, что ноги верблюда скользят, раз'езжаются в стороны, он не может задержать скольжения, и поэтому раз'ехавшиеся ноги часто разрывают верблюда пополам. В таких случаях остается только пристрелить его. Пропажа груза в воде была бы для меня настолько большой потерей, что я даже мысленно не допускал такой возможности. Грузом был гималайский ячмень — редкий семенной опытный материал, добытый с таким огромным трудом...

...Вступив на лед, верблюды отчаянно заревели, понимая опасность. Шли они тихо и вопили при этом изо всех сил, как вопят сирены на пароходе в туман. Они боялись льда. Я ехал на лошади впереди и вел первого верблюда за веревку, продетую через ноздри. К нему таким же образом были привязаны остальные.

— Секин, секин! — кричал Карабек. — Тише!

Я еще более умерил шаг жеребца.

Вдруг лед подо мной рухнул, и я с лошадью очутился в воде. Один за другим верблюды с ревом спрыгивали в воду и медленно двигались поперек реки. Валенки сразу окунулись в воду наполовину. Вода еще в них не заливалась, но ноги нельзя было поднять вверх: лошадь потеряет центр тяжести, и сила течения ее опрокинет. Льдины налетали на нас и больно били в колени и по лошадям. Нас относило вниз по течению. Алай прижал уши, оскалился и медленно двигался к другому берегу, но и его относило течением вниз. Ужасно было то, что за снежной пеленой не видно противоположного берега. В таком снежном водовороте немудрено заблудиться в реке и выехать на тот самый берег, с которого с'ехали. Единственным указателем направления было то, что льдины, несшиеся сверху, били в левую ногу. Кричали от боли и страха верблюды. Кричали верблюдчики. Свистел и звенел буран. Грохотала река на перекатах, и брызги мгновенно замерзали на одежде, на лицах, на гриве моего коня.

Внезапно Алая сбила льдина, и он моментально исчез под водой с головой. Меня залило до пояса. Я сильно дернул назад повод, поднимая коня. В валенки залилась вода, и они мгновенно обмерзли.

Река становилась глубже. Льдины шли слева — значит направление верное.

Миновали середину реки и стали приближаться к другому берегу. Это было заметно по уровню воды: он опять достиг живота лошади. Но резкий поворот реки в этом месте направил льдины именно в эту, вторую половину реки. Те льдины, которые мы миновали, теперь нам казались детскими игрушками.

— А... а!.. а! — кричал мне Карабек.

Я натянул поводья. Впереди пролетела огромная льдина. На моем лбу появлялась испарина.

Опять я двинулся вперед. До боли в глазах нужно было смотреть влево, вверх по течению, откуда слетали льдины, иначе промахнешься — и гибель. Остановившись и пропустив несколько льдин, шагали дальше. И так до бесконечности. Казалось, мы уже привыкли к этому, и как будто я даже слышал мурлыканье Карабека. Вот большая льдина, и я сдержал лошадь. Ну, а теперь вперед! Не успел я этого подумать, отпуская слегка поводья, как льдина задела Алая, он подогнулся, и я, падая влево, сорвался с седла и сел прямо на лед. Все это запомнилось до мельчайших подробностей. Льдина мгновенно накренилась, и я соскользнул в воду, она пронеслась надо мной, сорвала верхушку шапки и, как терпугом, содрала кусок кожи с волосами. Освобожденный Алай, вскочив, рванулся к берегу.

Через мгновение, показавшееся мне часом, я всплыл. Тулуп мой уносило течением. Вода жгла до боли, захватывало дыхание... Хочу встать, но новая льдина сбивает меня, и я опять в воде. Хочется крикнуть и... слова не вылетают. Барахтаюсь, падаю куда-то вниз, где вода бурлит в камнях, встаю на ноги. Из-под ног рвет гальку. Снова бьют меня льдины, и снова падаю. Как будто тисками сжимает голову. Карабек гонит верблюда ко мне. Верблюд пронзительно ревет. Наконец, Карабек, понимая, что не догонит меня, бросает аркан, но ар-

Наконец, Карабек, понимая, что не догонит меня, бросает аркан.

кан мгновенно обмерзает, и я хватаюсь за узкий, круглый, длинный кусок льда, и руки скользят по нему. Наконец, заламываю конец льда и повисаю на нем, как белуга на крючках. Чувствуя натянутый аркан, Карабек правит к берегу. Медленно тащусь за верблюдом. Мои чувства обострились: я отчетливо вижу, как на том берегу Алай проломал прибрежный лед и, несколько раз поскользнувшись на нем, застрял в сугро-

бе у кустов. Лед здесь зеркально гладок. Конькобежцы на мировых состязаниях, наверное, никогда не видали такого гладкого и скользкого льда. Азам, весь обмерзлый, катается на спине по берегу и скусывает со своих лап намерзший на них лед. И вот, наконец, я сам на прибрежном льду и быстро начинаю двигаться, чтобы не обмерзнуть окончательно.

Но лед здесь слишком гладок. Верблюдов вести нельзя, я сам понимаю это. Идти назад—верная смерть, а тут еще есть несколько шансов из ста. При взгляде на спальный мешок, валяющийся на льду, у меня возникает мысль:

— Стели кошмы,—кричу я,—стели кошмы!

Карабек подводит верблюда ко льду, бросает кошмы на лед и прыгает сам. Вдвоем настилаем кошмы. Лед на одежде у меня трещит и ломается. Тело леденеет. По кошмам мы проводим верблюда с больным: за ним—остальных. Хочу согреться. Делаю быстрые движения, но я не согреваюсь: врывающийся в легкие холодный воздух замораживает каждое движение. Так мы выбрались из реки.

...И снова пробиваем сугробы. И снова в пути. Куда едем, не знаем. Когда выехали из тугаев и поднялись вверх, Алай быстро пошел вперед. Я давно бросил поводья: пусть конь сам выбирает дорогу. Это самое верное средство, когда заблудишься. Алай, ломая грудью снежные наносы, опустив голову, рывками двигался вслед за ныряющим впереди в снегу Азамом. «Вот сейчас замерзаю», — думал я, и затем — другая мысль: «Нельзя замерзать». А Алай так медленно идет... Звенят сосульки у него на гриве и хвосте. И еще несуразная картинка: старик Шамши, онемевший от холода и страха, прижимая к себе самовар, ковыляет за своим конем...

Вдруг поворот направо, и мы едем через мостик. Все радостно кричат. Теперь до Дараут-Кургана, большого селения с постоялым двором и базаром, близко. Но эта близость казалась очень далекой. Тела я уже не чувствовал. Наконец, вырисовываются темные тени кишлака. Алай, почуяв близость кибиток, спешит из последних сил. Под'езжаем. Карабек стучит прикладом в двери. Это караван-сарай. Вспыхивает огонь в окне. Отворяются ворота конюшни, ржут в темноте лошади. Алай сразу шагает в низкую дверь и ударяет моим обмерзшим неподвижным телом о верхнюю часть стены. Я настолько окаменел и обмерз, что не сваливаюсь. А Алай останавливается в дверях.

Появляется фонарь. Меня стаскивают с лошади. Здесь жарко и приятно пахнет навозом. Режем валенки, а они не режутся: в валенках сплошной лед, во льду мои ноги. Разрезают, бьют лед. Ногам не больно. Тело бесчувственно. Растирают снегом все тело. Тут же вертится Азам, огромный и черный, он рычит и бросается на верблюдчиков. Впрочем, это он от радости.

Азама привязывают. Бесчувственного Джалиля относят на медпункт. Прибежали местные киргизы, председатель сельсовета. Помогают оттирать меня и ноги у Карабека.

...А затем, когда я в теплом белье лежал в спальном мешке и пил чай из литровой кружки, мне подали телеграмму, доставленную сюда из Учкургана с оказией.

«Оказия» оказалась замерзшим в семи километрах от Дараут-Кургана таджиком. Когда его осматривали, чтобы установить личность, нашли телеграмму на мое имя: «Дараут-Курган. Начальнику опытного пункта Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. Посевматериал получите в Гарме, пшеницы десять центнеров, ячменя пятнадцать, забросить через перевалы не можем. Перевалы закрыты. Распоряжение выдаче послано телеграммой Гарм из Сталинабада. Директор».

Я вторично прочел депешу.

— Карабек,—сказал я,—Карабек...

Он засыпал рядом в другом спальном мешке, держа пиалу с кок-чаем в руке

— А! Что?

— За посевзерном в Каратегин поедем?

— Барамиз,—отвечал утвердительно Карабек.—Конечно, поедем. Каратегин, Тегин, Тегин, а-а-а...

И когда я уже задремал, Карабек окликнул меня и сказал: «А сколько зерна есть?» Я ответил.

Через десять минут Карабек снова разбудил меня:

— Только уже сейчас верблюдов, ишаков собирать надо. Киргиз не дает. Весна идет. Дорога нет!..

— Хоп майли, ладно,—ответил я, засыпая, и вдруг спросил его:—Так, говоришь, в мазаре не Шапка из куницы, а дух святой?

— Дух, — сказал убежденно Карабек.

Сквозь сон я слышал, как ревел буран, и вновь переживал борьбу со снежными волнами в этом огромном разбушевавшемся снежном море, которое называется Алайской долиной...

Под утро я услышал шопот. Не поднимая головы, я открыл глаза. Карабек и старик Деревянное ухо спорили, наклонившись к свету углей.

— Конечно, дух. В мазаре может только дух прятаться,—говорил старик.

— Нет, не дух! Ты дурак и ничего не понимаешь! — яростно шипел Карабек. — То был ваш толстый киргиз из Кашка-су. Шапка из куницы.

— Давай бросим кости, давай бросим,— затянул старик.—Если твое три раза, тогда не дух, а?

— Давай!

Старик вытащил из кисета смерзшиеся игральные кости, вытер их, и Шамши с Карабеком принялись швырять их, продолжая ругаться и спорить яростным шопотом.

СПЕШАЩИЙ БАЗАР

На третье утро после того, как прошел буран и холодная луна показала над горой свои рожки, в Дараут-Курган с'ехались киргизы на ярмарку.

Это был последний предвесенний базар. Скоро по долине тронутся, поползут снега и дороги будут закрыты.

Через Дараут-Курган люди спешили вернуться к своим селениям, сделать поскорее все необходимые дела. За окнами нашей чайханы, по улице тяжело ступали горные быки, ревели верблюды. Караван-сарай и все дворы были наполнены бренчанием караванных колокольцев.

Наши верблюдчики уже покинули нас и толкались сейчас по базару, готовясь к возвращению в Кашка-су. Со мной остались только Карабек, Шамши-Деревянное ухо и пастух—Голубые штаны.

«Нужно пополнять караван, чтобы двигаться дальше, в Каратегин. Одни мы ячмень не довезем», — решил я, оглядывая свою «гвардию». Старик Шамши сидел рядом со своим самоваром на корточках и слезящимися глазами смотрел в пространство. Он уже попробовал где-то на базаре немного опия. Этот бедняк только и видел счастье в горсточке дурмана...

Саид лежал на пыльном ковре и угрюмо смотрел на проходящие караваны. Очевидно, он думал о Сабире, оставшейся в Кашка-су.

Только Карабек был, как всегда, бодр. Зашивая дорожный мешок, он своими блестящими черными глазами из-под шапки черных волос осматривал всех нас, стены, потолок. Карабек подмигивал мне, кивая на Саида. Он держал в зубах иголку и успевал при этом петь что-то.

— Уу-у-у... много караваны... разный человек...—разобрал я только обрывки фраз, смешанных из русских и киргизских слов.— Все едут домой... Одни мы едем в Каратегин. Ай, какой наш большой, богатый караван... Один лошадь, один собака, один бык, один Деревянное ухо, один плачущий пастух...

Тут он перешел на такое завыванье, что я решительно ничего не разбирал кроме одного высокого жужжащего звука. Но то, что не разобрал я в киргизской песне, прекрасно понял Саид. Он вдруг вскочил и посмотрел на Карабека сердитыми глазами.

— Неправда!—закричал он.—Кто тебе сказал, что Саид думает вернуться в Кашка-су? Саид поедет в Каратегин!

Карабек перестал шить и удивленно посмотрел на пастуха.

— А разве я говорил что-нибудь? Конечно, Саид поедет дальше.

Карабек невозмутимо пожал плечами, очевидно, он нарочно решил подзадорить Саида и добился своего.

— Понятно, — добавил Карабек, — зачем Саиду возвращаться в Кашка-су? Он не такой уж дурак. Там его убьет Барон, как убил Джалиля Гоша.

— Барон, Барон, Барон... — забормотал вдруг старик Шамши. — Барон сегодня говорил... Барон говорил, что он не убивал Джалиля Гоша...

— Что, разве Барон уже был здесь?— воскликнул я, но ничего не смог больше добиться от старика. Очевидно, старик фантазировал в бреду.

— А, оставь его,—махнул рукой Карабек,—Деревянное ухо. У него в глазу опий Пойдем караван делать.

Мы вышли с Карабеком на улицу и направились в сельсовет.

Председателя мы нашли в глиняной халупе-канцелярии. Он сидел за столом, склонившись над какой-то бумажкой. Это был высокий киргиз по прозвищу «Тагай-сельсовет». Он радостно поздоровался с нами, молча выслушал меня и долго думал. Потом провел по лицу рукой и сказал:

— Нет. Никакой караван нет в такое время. Посмотри, что делается.

Он подвел меня к окну... Там по улице взад и вперед сновали люди. Это была странная ярмарка спешащих людей. Все торопились завершить свои дела: зарегистрировать в совете женитьбу, продать шерсть,

овчины, купить новый котел, запастись на период распутицы мукой, спичками, жевательным табаком, дробью. Большинство продавцов и покупателей было даже верхом на конях, ослах, быках и верблюдах. Они рассматривали товар, не слезая с седел; казалось, что все это может каждую минуту умчаться отсюда и площади и переулки базара сразу превратятся в пустынный поселок...

Необычный базар этот напомнил мне особенности Алайской долины; она представилась мне ввиде огромного блюдца в 180 километров длины. Еще немного — тронутся с окружающих гор колоссальные массы снега и наполнят долину водой...

На лицах людей было написана спешка. Даже нищие, казалось, быстрее чем обычно сновали между всадниками, и старик—продавец сладкой жареной кукурузы—предлагал свой товар с какой-то веселой тревогой.

— Ай, скорей, скорей! Купи бадрак! На, бери бадрак!—кричал он, подпрыгивая на одной ноге...

— Сельсовет не может приказать,—сказал Тагай. — Делай сам караван. Сельсовет поможет...

Мы вышли с Карабеком на крыльцо. Карабек насвистывал что-то, задумчиво качая головой, и хлопал себя плеткой по сапогу. Мимо нас проходили толпы, суета, запахи и яркие краски базара. Это стремительное движение, казалось, было преднамеренно безучастно к нам, и ничто не могло его остановить.

«Вот попробуй делать караван,—подумал я.—Неужели моя посевная сорвана, и я с ячменем засяду здесь на весну?»

— Тут даже нет ни одного знакомого,— сказал я Карабеку. — С кого начать?..

— Почему нет знакомого? — покачал головой Карабек. — Вот один старый знакомый есть...

Он указал плеткой, и я увидел на противоположной стороне улички Палку Моисея. Юродивый дервиш стоял среди толпы, прямо против крыльца, и смотрел на нас.

Не успел я толком рассмотреть его, как в ту же секунду он исчез, словно растворился в толпе.

Что такое? Уж не преследуют ли меня призраки кишлака Кашка-су?

— Старая собака, пестрый гусь, — сказал Карабек, сплевывая. — Привязался, как ослиный хвост. Пойдем, может быть, тут есть еще и другие знакомые.

МАРИНКА

Медленно пробираясь между рядов всадников и пешеходов, мы шагали вдоль улицы. Острый запах зеленого табачного порошка стоял в воздухе. Он смешивался с запахом жареной баранины и перца, шедшим из чайхан. Среди верблюдов сновали продавцы стеклянных бус, амулетов и всякой дряни. Тут же почти открыто торговали контрабандными товарами.

Вдруг навстречу мне, расчищая себе дорогу криком, выскочил мальчик верхом на осле. Это был Исаак, ученик-санитар из медпункта.

— Скорее, скорее! — закричал Исаак. — Я тебя везде искал. Джалиль Гош умирает. Он хочет говорить с тобой.

Мы бросились почти бегом вслед за мальчиком. Поговорить с Джалилем нужно было обязательно. Во что бы то ни стало надо было выяснить, кто в него стрелял. Конечно, Барон был причастен к этому делу. Но где доказательства?

В медпункте мы встретили женщину-врача. Она недоумевала: больному становилось лучше — и вдруг жар, рвота.

Мы вошли к раненому.

— А-а-а... — стонал Джалиль Гош, быстро дыша. Глаза его закатились.

— Нема, что? — спросил я.

— А-а-а... — стонал он.

Рядом с ним на большом медном блюде лежала жареная рыба.

— Где это вы рыбы наловили? — спросил я фельдшерицу.

— А это больному принесли из дому. Я кости выбрала и покормила.

— Киргиз — и рыбу ел? — удивился я Вообще киргизы рыбы до сих пор не ели.— Что это за рыба?

— Ах, не все ли равно, ведь Джалиль умирает, я думаю, от заражения крови. Пришел в себя, сказал, что хочет говорить с вами, а вы о рыбе...

Вошел Карабек и прислонил ухо к губам Джалиля. Тот что-то забормотал в бреду, затем умолк. Карабек задумался. Потом, вынув ножик, он начал ковырять рыбу, разворачивая ей ребра. Покачал головой и подошел к окну.

— Вот! — Карабек показал в окно. — Собака Барона, большой белый собака, злой, голодный. Она меня в Кашка-су кусала. Смотри хорошо! Только хорошо смотри...

Карабек взял блюдо с рыбой, вышел на двор и бросил остатки на снег собаке!

Что за чорт! Откуда здесь взяться собаке Барона?

Пес между тем недоверчиво подошел к крыльцу и, не сводя злобного взгляда с уходящего в дверь Карабека, моментально проглотил рыбу.

— Да ведь этот пес мою маленькую дочку укусил!—всплеснула руками фельдшерица, взглянув в окошко. — Он всех детей кусает!

Я взял винтовку и пошел к двери. В темных сенях столкнулся с Карабеком.

— Куда идешь? — спросил он.

— Собаку стрелять.

— Теперь не надо, — и он схватил меня за руку и повел в комнату, к окну. — Смотри!

Белого пса рвало. Затем он начал кружиться и падать. Несколько киргизов, проезжавших с базара, остановилось смотреть. Один поскакал назад.

— Если рыбу-маринка не чистишь, — сказал поучительно Карабек, — и кушаешь, — умрешь. У маринки в животе есть черная ядовитая пленка, пленка не бросаешь, пленку кушаешь — яд кушаешь!

Было ясно, что Джалиля кто-то намеревался отравить.

Я позвал фельдшерицу и сообщил ей, что у больного отравление. Надо принимать меры.

— Но что давать, что? — растерялась она. — Пищевой зонд ставить нельзя: он тяжело ранен. Надо молока, но зимой вряд ли можно достать молока.

Приказав Карабеку дежурить возле больного, я вскочил на лошадь и помчался к кишлаку на поиски молока или какого-нибудь лекарства.

По тропинке навстречу мне скакал всадник. Поровнявшись со мной, он остановился и стал кричать. Это был Барон и кричал он что-то о собаке. Сзади под'езжали другие всадники. Вдруг мне пришла в голову мысль. Я припомнил киргизские слова и сказал:

— Спасибо тебе, Барон, Джалилю нечего было есть, у него родных нет, а ты еду послал, молодец!

— Я, я послал! — радостно закивал головой Барон. — Я сказал домашним, и они приготовили ему. Так мулла Шарап сказал!

— Здесь мулла есть? — удивился я.

— Есть, только он не богу молится, а людей учит. Очень хороший бывший мулла... Как здоровье Джалиля?

— Умирает!

— Вот мулла Шарап к нему едет,—и он показал на киргиза.

— А откуда он знает, что Джалиль умирает?

Барон замялся, не зная, что ответить. Сзади на прекрасном гнедом жеребце сидел пожилой человек с острым взглядом карих глаз. Правая рука его была искалечена и вывернута внутрь.

— Кто собаку травил? Я Карабека судить буду! — закричал Барон.

— Никто, — ответил я. — Карабек хотел ее покормить и дал ту рыбу, которую ты прислал поесть Джалилю.

— Никакой рыбы Барон не посылал, — сказал мулла Шарап.

Барон растерялся.

— Посылал? — спросил я Барона.

Лицо у него сморщилось, как печеное яблоко.

— Нет, — ответил за него мулла Шарап.

— Я не понимаю, ничего не понимаю,— сказал Барон. — Ты начальник очень плохо говоришь по-киргизски, я тебя не понимаю!

Киргизы заспорили между собой. Мулла Шарап начал что-то говорить Барону на мяукающем языке.

«Эге, — подумал я, — да они говорят по-китайски».

Затем по-киргизски мулла Шарап сказал мне:

— Ай, ай, ай, начальник, у тебя дела много, у нас дела много. Я как раз ехал тебе сказать: даем лошадей, десять лошадей даем Каратегин ехать!

— Надо сорок лошадей!

— Нет лошадей, — сказал мулла Шарап.

— Нет лошадей, — подтвердили все всадники.

Сзади послышался конский топот, и вскоре появился Карабек.

— Карабек, — сказал я, — тебя Барон за отравление пса судить хочет!

— Барон — еще молодой старик, он смерти своей не хочет, — ответил Карабек и спросил по-киргизски Барона: — А откуда я знал, что ты пищу с ядом прислал? Я твоего пса пожалел, голодного пса. Твою рыбу давал. Пес издыхал.

— Что ты! — ответил Барон. — И не думал! Но кто? — повернулся он ко мне. — Кто отравил рыбу?

— Очень интересно! — ответил я.

— Да, интересно, — подтвердил мулла Шарап, повышая голос.

— Очень интересно, — закричали всадники, а один кричал и пел: «Очень интерес-

но, кто отравил рыбу, кто отравил Джалиля, кто отравил бедного пса Барона? Ай, ай, ай!»

Махнув рукой на это странное беснующееся сборище, я поскакал за лекарствами.

Через полчаса я снова был около медпункта.

Большой двор, огороженный дувалом, высокой глинобитной стеной, заполняли пешие и всадники.

— И откуда их сразу набрался целый двор? — удивился я.

Когда мы с Карабеком под'ехали, какая-то растрепанная старуха бросилась ко мне с кулаками.

— Отравил, отравил! — кричала она.

Алай храпел и забирал всторону.

— Барона работа, — мрачно сказал Карабек, соскакивая с лошади.

Толпа неодобрительно смотрела на меня. Старуха продолжала вопить и лезла ко мне с кулаками; в это время кто-то ударил нагайкой Алая сзади, он прыгнул вперед, сбил с ног старуху и пронесся над ней. Киргизы шарахнулись всторону. В одну секунду я был у дверей. В двери изо всей силы принялось колотить несколько человек.

— Что надо? — спросил я строго.

Они на секунду остановились, но потом еще с большим ожесточением начали колотить в двери, пояснив, что действуют по приказанию Барона.

— Кет, уходи! — крикнул я.

Толпа киргизов напирала. Кричали: «Убил старуху, убил!»

Подошли Барон и мулла Шарап.

— Нам надо к больному, . мусульманин умирает!

— Пойдем вчетвером, — сказал я, — вас двое, я и Карабек. Остальные пусть ждут. Старуху пусть тоже внесут.

Я постучал и назвал себя. Бледная фельдшерица впустила нас.

Дверь сейчас же заперли.

Четверо дехкан внесли старуху, положили ее на диван и, видимо, решили не уходить.

— Уходите, — сказал я.

Дехкане переминались. Я строго посмотрел на Барона.

— Идите, идите, — нехотя сказал он им.

Дехкане вышли. Двери закрыли. Джалиль, бледносиний, дрожал, закатывая глаза.

— Карабек, пять капель, — сказал я, подавая бутылочку.

— Все равно умрет, — сказал твердо Барон, — не надо давать!

— Надо! — сказал я.

— Все равно умрет, — сказал презрительно мулла Шарап. — Не надо. Не нарушай мусульманский закон!

— Давай капли, — приказал я Карабеку, который уже накапал пять капель.

— Я сказал! — закричал мулла Шарап и, схватив здоровой левой рукой пиалу, бросил ее на пол. Пиала разбилась, и лекарство разлилось по полу. Старуха пришла в себя и застонала. Ей кончили перевязывать голову.

В комнате потемнело. Несколько незнакомых лиц снаружи прижималось носами к стеклам окна, заглядывая внутрь. Их приплюснутые к стеклу раз'яренные физиономии были смешны и ужасны.

— Завесьте окно, — сказал я фельдшерице. — Наливай лекарство!

Повторилась та же история: лекарство разлили.

— Карабек, скажи им, что в случае повторения я застрелю первого, кто разольет лекарство.

Вынув револьвер, я перевел предохранитель на «огонь». Барон и мулла Шарап замерли. Пять капель было налито. Совершенно неожиданно старуха бросилась вперед и, схватив пиалу, заорала: «Не дам, не дам, не дам!»

Ручкой револьвера я ударил ее по голове. Без звука она рухнула наземь. Барон и мулла бросились к выходным дверям.

— Назад! — крикнул я.

Они медленно пятились в угол, глазки их злобно сверкали из-под бровей. Они сжимали рукоятки ножей.

— Карабек, переводи: пусть повернутся лицами в угол и молчат.

Они исполнили требование. На дворе нарастал шум. Карабека с револьвером я поставил у выходных дверей. Исааку я велел наливать лекарство, сам стоял с винтовкой. Фельдшерица приводила старуху в чувство. Затем в полуоткрытый рот Джалиля я влил лекарство.

В дверь стучали все назойливее. «Откройте, — кричали, — вы отравите муллу Шарапа и Барона!»

— Барон, скажи, что ты жив и здоров и что больному лучше! — Я направил винтовку на Барона. — Подойди к дверям!

Он подошел, вслед за ним подошел и я.

— Дехкане, — крикнул Барон, — больному хорошо, мы ждем!

— Скажи: пусть расходятся, — прошептал я.

В полуоткрытый рот Джалиля я влил лекарство.

— Кто хочет, — сказал Барон колеблясь,— уходите.

— Не хотим, не хотим! Пусти смотреть на Джалиля. Пусти!

Дверь шаталась под ударами.

— Пусть идет «Тагай-сельсовет» и Джамбек, — сказал я.

Барон повторил. Мы приоткрыли дверь, спрятав оружие за спину, и они оба вошли в кибитку. Тотчас же двери заперли.

Я рассказал, а Карабек им перевел всю историю. На требование составить акт Тагай ответил уклончиво. Волнение во дворе росло.

— Сам убил, а теперь отравил, чтобы молчал! — кричали во дворе. Волнение нарастало. Надо было принимать решительные меры.

— Составляй акт! — закричал я.

Неожиданно Тагай вырвал винтовку у меня из рук и сказал:

— Не надо оружия, здесь басмачей нет!

Оглянувшись, я увидел, что Карабека за руку держал Барон и изо всех сил вопил: «Они убили и отравили Джалиля!»

За другую руку его держал Шарап.

— Товарищ начальник! — хрипло кричал Карабек. — Можно стрелять, можно?

— Вывести во двор,— распорядился мулла Шарап.

Я понял, что это означало. Это значило самосуд. Глупейший самосуд, организованный разжигателями религиозного фанатизма.

На дворе ревела толпа, подстрекаемая юродивым Палкой Моисея и другими друзьями Барона. Двери трещали. Еще секунда — и они сорвутся с петель.

Вдруг все задрожало, вдали послышался нарастающий гул. Очередная лавина катилась где-то поблизости с гор. Толпа замерла. Мне запомнилась эта внезапная тишина: она была вызвана не только лавиной. Вот в чем дело: в комнате под дребезжание стекол в окне раздался вдруг прерывающийся голос больного Джалиля:

— А, а... друг Барона, Оси-Яма, агроном из Яркенза, убил меня, — говорил он.

Мы все бросились к нему.

— Если умру... там, где каменные рыбы, — золото, отдайте...

И Джалиль снова закрыл глаза. Надо было действовать. Секунды решали все.

— Слыхал? — крикнул я растерявшемуся Тагаю, вырывая назад винтовку. — Арестуй Барона, он с контрабандистами и шпионами дело имеет!

— Арестовать можно! — сказал Тагай нерешительно.

— Садить некуда, — перебил Джамбек, — мы расписку возьмем, что, когда позовем, он придет!

— А ты поручишься? — спросил я.

— Поручусь, — ответил Джамбек.

— Ломай хлеб, — сказал я.

Джамбек испуганно попятился.

— Ломай хлеб и скажи, что ручаешься за своевременную явку Барона и что будешь здесь смотреть за больными как следует!

Джамбек разломал хлеб и поклялся, что никогда не есть ему хлеба, будь он проклят, если не явится Барон по первому зову и если не будет сам он ухаживать за Джалилем и если не разыщет его родных.

Это была самая страшная для него клятва; мне пришлось использовать ее для службы делу в этот трагический момент.

Тем временем старуха пришла в себя, незаметно открыла дверь и вышла на двор. В открытые двери сразу вломились люди со двора. В руках они держали камни и ножи.

— Карабек, переведи: Джалиля ранил японец Оси-Яма, друг Барона. Джалиль сам сказал. Джалилю я дал лекарство, и он поправляется.

Карабек перевел. Тагай подтвердил.

Барон молчал. Это был его проигрыш. Киргизы закричали, зашумели.

Когда первое впечатление от неожиданного заявления Джалиля улеглось и настроение толпы начало меняться, я встал на скамеечку и крикнул:

— Я приглашаю всех председателей ТОЗ зайти ко мне на той[1]. Устраиваю той. Есть разговор о лошадях в Каратегин. Буду давать зерно без денег и без возврата семян, если заложите опытные посевы в ТОЗ. Если дадите лошадей, вспашу тракторами летом землю!

Киргизы сразу одобрительно загудели. Мулла Шарап подошел ко мне.

— Я тебе всех лошадей дам, ты мне все зерно для опытов дашь. Зачем тебе с ними говорить? Хорошо?

— Нет, не дам я тебе зерна...

[1] Той—празднество, званый обед.

— Слушай, ты большой человек. Я большой человек. Дай мне тоже семян — и я помогу тебе, не дашь — и я не помогу тебе.

— Я подумаю, — сказал я.

— Тагай, позови всех членов сельсовета.

— Хоп майли, — ответил Тагай с готовностью. — Я принесу кумыс!

Мы очень устали от нервного напряжения. Вся история неожиданно кончилась нашей победой, но победа без получения лошадей была бы неполной.

ТОЙ

— Я знаю, — говорил Асан, толстый веселый киргиз, подмигивая остальным собравшимся, — что тебе надо: камни ищешь, золото ищешь, серебро ищешь, я много знаю. Я тебе скажу.

— Ты ошибаешься, Асан, я хочу хорошие растения найти, хороший ячмень, хорошую пшеницу, хорошую люцерну, хороший овес, хороший картофель. Хочу совхоз организовать здесь. Я хочу, чтобы дехкане получили не 40 пудов с гектара, а 100, 200, 300 пудов зерна. Можно столько получить?

— Нет, — сказал Асан.

— Нет, нет, — повторили другие.

Тут вмешался Азим. Он был худощавый, высокий, с орлиным носом и огромными густыми бровями, нависающими над глазами, киргиз с примесью таджикской крови.

— Мой отец работал у бая, — начал Азим, — бай вместо обещанного отдал отцу старый дувал. В том дувале много лет овцы ночевали и много навоза было. Дед сказал отцу: посей ячмень. Отец вспахал в дувале и посеял. Из этого маленького дувала отец тридцать два пуда ячменя взял. Навозу много — и урожай хороший.

Асан засмеялся. Азим удивленно поднял брови, как бы открыв ставни в окнах, он никогда не смеялся. Джолдывай, пожилой, с бельмом на глазу, сгорбленный киргиз криво улыбнулся и сказал:

— Зачем вывозить навоз, зачем лишняя работа? Этот год здесь сеешь, другой год другое место сеешь; земли много. День едешь, два едешь, три едешь — все хорошая земля. Никто ее не пахал!

Нагнувшись у входа в дверь, вошел Тагай. За ним — Кипчак-бай из Чакского сельсовета, затем — мулла Шарап и Барон.

Вдруг Саид, наш скромный и застенчивый пастух Голубые штаны, вскочил, бросился к дверям, схватил Барона за плечо и закричал: «Пошел вон, собака!»

Барон уцепился за двери:

— У меня дело, у меня дело к начальнику, — визжал он, и его личико сжалось в кулачок: вот-вот заплачет.

Все киргизы заволновались. Барон был слишком влиятельный человек здесь, чтобы с ним так поступали.

Вдруг Барон приподнялся на воздух и упал на пороге. Оказывается, Карабек сзади дернул его за ноги...

— Дело завтра! — крикнул Карабек, появляясь в дверях. — Концерт продолжается.

— Стой, — закричал я Карабеку. — Оставьте его!

В палатке стало тихо, слышно было, как кипит сало. Барон сел.

— Зачем так? — сказал Тагай тихо Карабеку, когда тот вошел.

Карабек вспылил:

— Как зачем? Как зачем? Барон — мерзавец... Барон — контрабандист и бандит. Я плевал на Барона! Я свинину ел! — закричал он на всю кибитку. — Я свинину ел! — Карабек ударил себя в грудь.

С'есть для мусульманина свинину — значило нарушить закон Магомета, запрещающий есть свинину. А это означало порвать с религией.

— Я, — закричал Карабек, — консервы ел!

Консервы киргизы знали хорошо, ибо у всех экспедиций, которые летом приезжали в этот район, было много консервов. Но в коробках лежало мясо неизвестного животного. Население боялось есть консервы, подозревая, что там свинина.

— Вот удивил! — сказал Саид, который не терпел конкуренции ни в чем и, с тех пор как познакомился с нами, стремился подражать во всем Карабеку.

— Он консервы ел! — и Саид посмотрел кругом так, как будто спрашивал: что же здесь особенного? — и добавил: — И я ем!

— Ешь? — ехидно спросил Карабек.

— Ем, — неуверенно повторил Саид.

— Дай мясной консерв, — обратился Карабек ко мне.— А ну, Голубые штаны, с'ешь, подарю мою полевую сумку.

Карабек сел, поджав ноги на кошме, и огромным ножом открыл банку консервов. Все с любопытством смотрели на него. Взяв кусок мяса, он с'ел его и посмотрел на Саида. Ел он с таким видом, как будто делал чудо. Все смотрели ему в рот: одни с удивлением, другие с презрением, третьи жадно. Одну секунду Саид колебался, но самолюбие и к тому же желание иметь полевую сумку победили. Он вынул нож, достал из банки кусок мяса и тоже с'ел.

Вдруг неожиданно Асан подвинулся, взял на хлеб консервы и тоже с'ел.

— Едят, едят,— оживленно заговорили все.

— Открой еще рыбных и овощных,— распорядился я.

Об'яснив присутствующим, как делаются консервы, я предложил всем попробовать. Для большей наглядности я вытащил из коробки хорошо сохранившую свою форму рыбу и показал. Вынул перец и показал. Перец сразу узнали и захотели попробовать.

Осторожно, одна за другой, за консервами потянулось несколько рук.

— А что же ваш старик не есть? — громко спросил кто-то.

Все посмотрели на Деревянное ухо. Наш Шамши сидел всторонке, прикрыв глаза и покачиваясь. Он явно хитрил, делая вид, что ничего не слышит. Это подрывало наш авторитет: вот, мол, один из их друзей сам боится божьих законов.

— Эй! — крикнул кто-то старику.— Проснись!

Кто-то дернул его за рукав. Но хитрый старик не открыл глаз, только пробормотал что-то себе под нос.

— А ну, кинем кости! — гаркнул ему на ухо Карабек, и старик тотчас открыл один глаз. Все захохотали. Шамши теперь открыл оба глаза и уже не смог сам сдержать смеха.

— А где мулла? Где Шарап? Почему он консервы не ест? — закричали все.

— Я сыт,— ответил тот.

— Нет, нет, ешь, ешь,— закричали все.— Ты не мулла, ты себя коммунистом называешь.

Шарап смущенно улыбался.

Вдруг Карабек бросился к нему и повалил его на спину. Это было сделано так стремительно, что все подумали, будто Карабек открывает военные действия.

— Стой, довольно! — закричал я.— Оставь его в покое.

— Кормить муллу Шарапа, давайте консервы! — весело крикнул Карабек.

Поняв шутку, все засмеялись. Тагай-сельсовет, первый схватил кусок мясных консервов и старался засунуть Шарапу в рот. Мулла Шарап барахтался и плевался, как верблюд. Все хохотали.

Неловкое и напряженное состояние, которое было у присутствующих вначале, совсем разрядилось.

— Я сам, я сам! — закричал мулла Шарап, увидев, что Асан приготовил нож, чтобы разжать ему зубы.

Ему отпустили руки и посадили. Мулла Шарап схватил консервы с перцем.

— Нет, нет! — закричал Джолдывай.

Мулла Шарап взял тогда рыбную банку, но Карабек ему подал мясные консервы и скрепя сердце мулла под общий хохот с'ел два куска мяса.

Тагай налил из турсука (кожаной большой фляги, сделанной из шкуры маленького барашка) кумысу и поднес присутствующим по очереди. Я подул на черные куски жира, плавающие в кумысе.

Шарап от страха зажмурился.

— Ай, ай,— тихо сказал Карабек,— не надо дуть. Старики обижаются. Кобыла молока давать не будет — такой закон.

Следующим пил Джолдывай. Он пролил несколько капель. Это было грубым нарушением «закона».

— Барана режь, барана! — закричали присутствующие.

Как штраф за такой поступок полагалос зарезать барана и угостить присутствующих.

Джолдывай тыкал пальцами в пролитые капли и мазал себе лицо, желая умилостивить бога, но присутствующие требовали барана. Скряга Джолдывай отнекивался, но вынужден был уступить.

— Плов готов!—возвестил Азим по прозвищу «Маленький» и слил нам на руки горячей воды. По очереди каждый спрессовал в руке плов и глотал, облизывая пальцы. Мы подали ложки. Все стали есть плов ложками, причем некоторые—впервые в своей жизни. Много смеху вызвало неуменье Джолдывая и муллы Шарапа есть ложкой.

С'еденный плов создал у всех превосходное настроение, и гости, громко отрыгая в знак того, что они наелись, пили маленькими глотками кок-чай из пиал.

— Лей с уважением,— говорил Карабек,— и я наливал всем немного на донышко. Это значило, что гостей уважают.

— А мне без уважения,— и Карабек налил себе литровую кружку доверху.

Тут я приступил к делу.

Я пространно об'яснил, что ТОЗ должны сами проверять, как лучше сеять и какие выбирать семена, и предложил заключить договора.

Станция дает бесплатно семена, будет показывать и помогать. Летом мы поможем вспахать целину трактором, очистим семена. ТОЗ, со своей стороны, будут точно выполнять правила закладки опытов, будут вовремя сеять, поливать, косить, помогут нам лошадьми для переброски себе и нам семян из Каратегина, впервые заложат навозные кучи и будут собирать золу для удобрения своих полей. Эти удобрения они вывезут на свои опытные поля и запашут землю по нашим указаниям.

— Урожай весь возьмут себе.

Эту фразу Карабек повторил раза четыре. На всех это произвело огромное впечатление.

— Но нам необходимы и лошади, чтобы перевалить через перевал, доставить в Каратегин ячмень и привезти обратно семена пшеницы...

Тут все задумались и замолчали. Старики перешептывались. Стало тихо. В это время откуда-то донесся очень отдаленный глухой гул. Может, это был ветер, но невольно все повернули головы к двери.

— Горы,— сказал кто-то.—Перевалы закрыты. Дорог нет.

Это как будто сразу напомнило о приближении грозной распутицы. Тень тревоги и заботы легла на лица; все заспешили, и я опять вспомнил странную ярмарку. Веселье как рукой сняло. Киргизы прощались и уходили к своим караван-сараям, чтобы уехать поскорее из Дараут-Кургана по своим селеньям.

В помещении осталось несколько человек, которые согласились раньше идти с нашим караваном. Они переглядывались с нерешительным видом, говорившим, что они непрочь были бы нарушить наш уговор.

— Единственный путь — через Голубой берег... — нерешительно произнес кто-то.

— Голубой берег, Голубой берег!—заговорили все с каким-то страхом вполголоса. — Ого! Скоро наступит время падающих камней...

Опять я слышал об этом странном Голубом береге! Неведомая сила, заключающаяся в этом названии, казалось, готова была поколебать моих будущих спутников. Это, наверное, понял и Барон—он вдруг ожил. Став в дверях, он показывал рукой на далекие горы, гримасничая и тараща глаза.

— Ай, ай, ай,— говорил он,— вы никто не ездил Голубым берегом. Вы не знаете, что это...

— Я знаю, что такое Голубой берег,— вдруг сказал кто-то громко за его спиной. Вошедший был высок—он заслонил собой всю дверь, и в первую минуту нельзя было разобрать его лица в темноте.

Потом, вглядевшись, все увидали вдруг, что это... Джалиль Гош. На голове его белела повязка, из-под марли смотрели на всех собравшихся черные суровые глаза. Он презрительно молча оттолкнул Барона в сторону, даже не посмотрев на него, и шагнул в комнату. Барон умолк, с'ежился и сейчас же куда-то исчез.

— Джалиль Гош! — воскликнул я.— Ты уже встал? Зачем это?

Но, взглянув на него, я понял, что такому здоровяку незачем задавать подобные вопросы: это настоящий сын дикой природы, он, как медведь, вставал, когда стояли ноги: раны его заживали на ходу.

Не отвечая на вопрос, он кивнул на дверь, и мы вышли. Был вечер. Перед нами расстилалось притихшее селение; снега, следы ушедшей ярмарки, площади, покрытые навозом, точно большой костер, разметенный ветром. Далеко за кишлаком выходила в степь длинная цепочка каравана. Все это окружали снега. Они уходили в синеву, а там за синевой поднимались стены гор; на западе они простирались иссиня-черной полосой, а на востоке ослепительно сверкали в вечернем закате.

— Дос,— сказал Джалиль Гош.— Ты мне теперь дос, самый большой друг. Я тебе обязан, потому что ты меня два раза спасал от смерти. Моя лошадь — твоя лошадь. Моя кибитка — твоя кибитка. Слушай: Барон мерзавец и бандит. Я хлеб ломал, клялся, что молчать буду; Барон серебряную гору знает. Оттуда серебро в Кашгарию возит. Золото, знает где. Все знает. Я тоже знаю. Есть в горах такое место: очень высоко, один месяц туда дорога только есть большая долина, никого нет, советской власти нет. Я тебя на одну гору поведу, там есть красные, как кровь, камни. Там их царь Сулейман доставал, давно, давно...

— Мне ненужны камни,— сказал я.— Джалиль, я не ищу золота. Я ищу ячмень и сею пшеницу. Но ты мне дос, и я очень рад тебе, как другу.

Я пожал ему руку, и Джалиль пристально посмотрел на меня, повернулся, вскинул ружье на плечо и, не оборачиваясь, зашагал прочь.

Он пересек площадь и поравнялся с тенью кибиток. Тут он остановился и повернул назад. Не дойдя до меня трех шагов, Джалиль посмотрел на меня и вдруг снял ружье. Он вскинул его к плечу и выстрелил. Пуля пробила дерево, сухой, замерзший карагач, снег посыпался на меня с его веток. Звук выстрела разлетелся по затихшему аулу, эхом отдался в караван-сараях, потом прокатился в поле, потом заворчал где-то уже далеко в горах.

— Вот как оно стреляет,— сказал Джалиль Гош, с волнением протягивая мне ружье. — Охотник Джалиль убил из него очень многих зверей. Он убивал из него и человека, без промаха... Я хочу, чтобы ты взял это ружье... Я должен заплатить за больницу. У меня больше ничего нет. Но я не хочу, чтобы кто-нибудь думал, что Джалиль — свинья...

— Джалиль,— закричал я.— Как тебе не стыдно! Ты думаешь, что я могу оставить охотника без ружья! У меня есть свое ружье.

Джалиль удивленно и сердито оглядел меня, потом, ни слова не говоря, опять повернулся и пошел. Я вернулся в дом.

Мои новые караванщики говорили между собой:

— Река Сурх-Об разлилась, снега тают, кишлак Катта-Карамук отрезан: он на том берегу. А нам через него ехать. Как быть?

Это был повод, чтобы попытаться отказаться от поездки. Я начал их уговаривать, мы заспорили.

В этот момент дверь открылась. На пороге стоял опять Джалиль Гош.

— Ты скверный человек,— сказал он мне.— Ты отказался от подарка. Ты жалкий посланец от власти шакала. Тебя нужно убить... Но я тебе обязан, и я не хочу, чтобы ты думал, что Джалиль—свинья... Я знаю короткую дорогу в Катта-Карамук и броды через Сурх-Об. Я не знаю, зачем ты ездишь и знать не хочу: мои глаза этого не видят, уши не слышат, мне нет дела до этого... Я бы дал тебе свою лошадь, но у меня ее нету... Мне по дороге с вами до Катта-Карамука...

— Ого! Джалиль, садись! — воскликнул обрадованно Саид, подвигаясь, и все подвинулись, освободив место для нового участника каравана.

Но Джалиль посмотрел презрительно на собравшихся и на остатки празднества и сплюнул.

— Мне по дороге с вами только до Катта-Карамука,— упрямо повторил он.— Я не ел консервов шайтана. Я Джалиль Гош.

Он скинул халат, шапку и положил их в сторонке, в углу.

Дверь раскрылась, и с улицы вкатился мулла Шарап.

— Кто это стрелял, кто это шумел, в чем дело? — с тревогой и любопытством затараторил он.

В это время с улицы донеслось унылое завывание. Где-то мулла творил вечерний намаз.

Не отвечая Шарапу, Джалиль Гош расстелил в сторонке халат и опустился на колени. Он стал молиться, глядя прямо перед собой, подняв голову, забинтованную марлей. Губы его шептали что-то. Он ни на кого не глядел. Ружье при этом лежало у него на коленях.

При завывании муллы все притихли. Шарап смущенно ерзал и смотрел на нас. Потом он тихо начал шептать что-то. Вечер сгущался за окном. В это время издалека, в тишине опять донесся неясный гул, как тяжелый вздох гор.

— Все так. Пусть падают камни,— сказал мулла Шарап вздохнув.

Джалиль Гош встал и отряхнул колени.

— Пусть падают камни,— сказал он Шарапу, не глядя на него.— Я тебя убью, ты служишь двум богам. Ты болтаешься между солнцем и месяцем...

Он лег на полу, ни на кого не глядя, положил под голову ружье и завернулся халатом. Мы все стали готовиться ко сну, чтобы завтра выехать пораньше.

ЛАЙЛИ-ХАНУМ

Необыкновенная белизна долины, утро, длинная цепочка каравана, тишина, нарушаемая лишь однообразными криками:

— Вперед! Хош! Вперед! — эти выкрики сливались в один гортанный и торопливый гул.

Так наш караван отправился дальше, пополнившись новыми людьми. Было в нем теперь больше пятнадцати лошадей, несколько ишаков, и попрежнему — одна собака — веселый наш Азам. Далеко катился он впереди, мелькая черной точкой среди снежного пространства.

Мы продолжали пересекать долину, дорога понемногу начинала подниматься в гору: караван приближался к перевалу Катта-Карамук, за которым был расположен кишлак Катта-Карамук. За кишлаком был «Голубой берег», вход в Каратегин.

В долине стояла тихая, безоблачная погода. Оглядываясь назад, мы видели бескрайнюю белую пелену, переходящую вдали в синеву и горы, как бы висящие над синим туманом, а над ними — поднимающийся огненный шар. Необ'ятная долина сверкала миллиардами искр. В этой синеве где-то затерялись базары Дераут-Кургана, Барон, Палка Моисея и совсем далеко — на противоположном склоне гор — «смешной кишлак» Кашка-Су... Все это было теперь позади.

Утро было прекрасно, и невольно хотелось радоваться и петь.

«Лайли-Ханум-м-м-м», — тянул Карабек, покачиваясь передо мной на спине Кутаса.

«Лайли-Ханум, — подпевал ему Саид за моей спиной,— Аукат Майли-ю-у-у-у...»

«Ой-й, Ханум-м-м-м...»,— вдруг раздавался где-то сбоку, всегда невпопад, козлиный, дребезжащий голос: это просыпался Шамши.

— Ах, я сказал молчи, Деревянное ухо! — кричал Карабек, не терпящий когда кто-либо нарушал его пение. В подобных случаях он свирепел.

— Почему молчи? Почему молчи? — кричал старик, сдерживая свою лошадь и увертываясь от плетки Карабека. Старик горячился и брызгал слюной, они оба размахивали руками, потом старик отставал и они некоторое время ехали молча.

— Концерт продолжается,— наконец, говорил Карабек.— «Лайли-Ханум-м-м-м...»

Но при звуке песни старик опять начинал лезть вперед. За все это время вся наша компания привыкла уже друг к другу и даже Шамши ни за что не хотел отставать от нас, но ему доставляла много хлопот его лошадь: это было древнее, облезлое и лукавое животное, такое же сонное, как сам старик. Она ни за что не хотела идти быстрее. И вечно залезала куда-то в сторону от всего каравана.

За нами цепочкой растянулись остальные: Асан, Джолдывай, Турдубек, Мустафа и другие караванщики. Все время они оглядывались назад, смотрели на небо.

— Вперед, вперед! — поминутно кричали они по-киргизски, подгоняя этим криком коней, и своих и едущих впереди. Эхо стояло все время в ушах назойливым и тревожным гулом...

Только один человек ехал одиноко и молчаливо — Джалиль Гош. Он был далеко впереди всех. Он ни разу не оглянулся на нас, как будто он ехал один и до нас ему не было никакого дела. Но и он непрестанно подгонял своего коня. Этого было достаточно, чтобы остальные киргизы начинали еще больше торопиться.

— Вперед, вперед! — кричали они и хлопали плетками. Можно было подумать, что караван ожидает сзади погони.

Это тревожное настроение понемногу усиливалось и передавалось всем. Я знал

причины этого беспокойства. Но мне уже начинало представляться, будто все темные и злые силы долины собирались догнать нас при выходе из нее вместе со снегами, буранами, муллами, контрабандистами и даже японцем Оси-Яма. Я засмеялся при этой мысли и оглянулся. Тут я увидел нашего Саида и невольно умолк, так поразило меня его печальное лицо. Он больше не пел, мрачно понурился и поминутно оглядывался назад, на синеющую полоску тумана. И тут я понял, что не все оставляют эту долину с таким легким сердцем, как я, пришелец из чужих городов. Родина, привязанности, любовь — все оставалось позади. Девушка Сабира, там, в далеком кишлаке Кашка-Су,— когда ее снова увидит пастух? Мне стало жалко нашего Саида, и я начал придумывать слова утешения и надежды.

Только Карабек был невозмутим.

«Лайли-Ханум-м-м...»—тянул он гортанно, обрывая, как бы глотая, концы фраз.

Голуби, со свистом рассекая воздух крыльями, вырвались из ущелья в скалах и понеслись над нами. Вдруг Карабек задержал лошадь и сбросил ружье.

— Нема, что такое? — спросил я.

— Кеклик,— ответил Карабек и, соскочив с лошади, пополз, прячась за камнями.

Перед ним, по дорожке вверх, на гору, убегала большая стая горных куропаток. Сейчас они жили по низинам гор, спускаясь к долинам. Весной, когда сойдут снега, они будут держаться высоко в горах.

Грянул выстрел—куропатки взвились, за ними с лаем погнался Азам. На месте осталось четыре птицы. Одна бежала по дорожке вперед, припадая на перебитое крыло.

Собрав кекликов и перерезав им глотки, чтобы спустить кровь, Карабек вскочил на лошадь, догнал убегающего кеклика и ударом нагайки по голове убил его.

Этой охотой заинтересовался Джалиль Гош. Душа охотника не выдержала. Он держал лошадь и молча, склонив голову на бок, наблюдал действия Карабека. Потом поехал рядом с нами.

— Вперед, вперед, хош! — закричали опять киргизы, наезжая сзади.

Привязав всех кекликов к седлу, Карабек еще веселее затянул:

«Лайли-Ханум... м...м... Лайли-Ханум-м... м...» — Чего не поешь, начальник?

— Не знаю песни, не умею.

— Учи песню. Когда много ездишь и песню поешь, душа радуется. Когда скучно человеку, надо много ездить, тогда много видишь и веселый будешь. Я тебе расскажу,—продолжал Карабек,—это такая песня. Жил один бедный пастух, работал он у богатого бая; много овец, кутасов, коз и кобыл было у бая: никто их не мог сосчитать. Много жен и много верблюдов.

...Но лучше всех была прекрасная Лайли-Ханум. Больше всех любил ее отец и исполнял все ее капризы. Много женихов приезжали к Лайли-Ханум, но никто не нравился красавице. Увидел ее раз пастух и полюбил, очень сильно полюбил. Был он красивый и сильный, но лучше всего у него был голос. Он пел так, что выдры вылезали из реки по ночам его слушать. И много он видел выдр в лунные ночи, а кто видел выдр — очень богатый человек будет.

И боялся бай этого пастуха и не пускал его к себе во двор. Не хотел, чтобы Лайли-Ханум его слышала.

Пастбище того бая было у высокой и крутой горы.

Так любил пастух, так любил Лайли-Ханум, что спать не мог. Целую ночь лазил он на гору и рано утром, когда разжигают костры в юртах и девушки идут за водой, вот в такой час он запел. Он так пел, что внизу было слышно, очень сильно слышно.

Так рано, рано утром лазил он на гору и пел:

«Лайли-Ханум-м...м...м... Лайли-Ханум-м...м...»

— А ну, тяни, начальник, пой за мной: «Лайли-Ханум...м...м...» и конец тяни, сколько хватит духу.

Я набрал побольше воздуху в грудь и запел: «Лайли-Ханум...м...м...»,—и это «м» я тянул до тех пор, пока хватало воздуха и, затем, набрал снова, допел вторую строку: «Лайли-Ханум...м...»,— оборвав на «м», как будто подавился.

— Хорошо,— сказал Карабек,— ну только он в тысячу раз больше тебя пел. Очень длинно пел. Понимаешь?

— ...Вперед, вперед, хош!..

— ...И услыхала его Лайли-Ханум и очень слушала. Каждое утро слушала. А потом позвала старуху и спрашивает, кто он такой? Старуха говорит:

— Это бедный пастух, он у твоего отца работает.

— А, а,— говорит Лайли-Ханум, — ну ладно. Пойди к нему и скажи, пусть приходит завтра ко мне. Отец и мать уезжают, я одна дома буду...

Пастух рано утром пришел; она его вымыла, одела: очень хороший халат дала.

Саблю дала. Слышит — отец идет. Она его спрятала в сундук.

Сама села на сундук и сидит. Приходит отец, много гостей приходит, все садятся, едят, пьют. И ее подавать заставили. Заперла она сундук замком, чтобы кто-нибудь не открыл его, чтобы пастуха не увидали.

Ну, только сидел, сидел в сундуке пастух—скучно ему стало. Нет Лайли-Ханум. Совсем скучно стало. Петь стал. Гости сидят и слушают. Старик от удовольствия все забыл, чмокать губами начал: так хорошо кто-то поет. Курдюк в плове застыл, чай холодный стал, никто не ест, не пьет, все слушают...

Вдруг Карабек оборвал рассказ и прислушался. Впереди послышался говор, стук копыт, и вдали показались два верховых; одну лошадь они вели на поводу.

Когда под'ехали ближе, к нашему удивлению, всадниками оказались мулла Шарап и Барон. Барон вел в поводу серую кобылу.

— А-а-а! — закричал Шарап.

— Саламат,— махнул я рукой. — Что всех вьючных лошадей собрали в Карамуке?

— Все, все! — закричал Шарап. — Там все лошади собрались, тебя ждут в Каратегин ехать. Только ждать надо. На перевале дороги нет.

— А утром?

— Теперь там утром тоже дороги нет.

— Кобылу где взяли? — спросил Карабек.

Тот замялся.

— Это Барона кобыла,— ответил он.

— А ты, Барон, где взял?

— Мы купили.

— А он говорит, что твоя.

— Наша, наша! — закричал Барон и свернул в глубокий снег, давая дорогу.

Мы проехали.

— Ну, а потом? — спросил я Карабека.

— Потом продаст кобылу, жеребенка себе оставит...

— Нет, что потом сделал отец Лайли-Ханум?

— А-а, он открыл сундук, увидел пастуха. Сначала рассердился, а потом через час согласился, чтобы они женились.

Тут Джалиль Гош кивнул на Саида и сказал:

— У Саида тоже так. Он Сабиру любит. Барон Сабиру не даст Саиду. Саид тоже пел Лайли-Ханум Сабире. Я знаю. Барон Сабиру продал. Я сегодня слышал. Теперь Сабира в Каратегин едет с Туюгуном. Он в кишлаке Дувана живет. Мимо ехать будем. В гости заедем.

Мы даже остановились от неожиданности. Несомненно, Джалиль не выдумывал. Но, как это могло случиться: Сабира, значит, была в Дераут-Кургане, когда и мы там были?!

— Скажи, Джалиль, Туюгун уже увез Сабиру?

— Ты же видишь, Барон с лошадьми проехал. Он посекретно ехал, на дороге, чтобы в Дераут-Кургане вы не знали. Он лошадей взял, пять тысяч взял. Теперь они далеко. Может быть, по другой дороге поехали...

Я взглянул на пастуха. В его глазах стояли слезы. И он молча отвернулся, сжав поводья в кулаки. Мы тоже обернулись вслед удалявшемуся Барону и Шарапу. Хотелось догнать их, остановить, что-то предпринять для спасения Сабиры, как будто она была спрятана у них в мешке. Я вспомнил эту славную девушку, ее песни в кибитке Шамши, ночную суматоху, смех. Теперь какой-то Туюгун грубо тащил ее куда-то, как вещь...

— Пора ехать дальше, — оборвал эти мысли Джалиль Гош. Он показал плеткой на небо.— Солнце тебя не ждет. Плохо будет.

И он опять уехал вперед.

Остальной караван тоже напирал сзади, сгрудился. Отдельные кони сошли с тропинки, вылезли вперед, подхлестываемые плетками.

— Вперед! — кричали киргизы.

Я тоже понимал, что нужно было спешить: это было бегство от солнца. Все зависело от очень короткого промежутка времени: либо нам удастся проскочить по ту сторону гор либо все пропало: и ячмень, и возвращение вовремя назад с пшеницей, и посевная...

— Джалиль! — закричал Саид. — Может быть, мы их еще впереди с Сабирой догоним?

— Они утром ехали, дорога еще была.

— Сделаем дорогу, Джалиль, а?

— Посмотрим,—ответил уклончиво Джалиль Гош.

Сзади напирал караван.

— Вперед! Вперед! — кричали киргизы и хлестали плетками лошадей, они оглядывались назад: солнце, однако, шло быстрее лошадей: оно неумолимо поднималось уже над нами. Это сулило большие неприятности впереди.

Солнце вылезло из-за гор и разогрело снег: лошади начали проваливаться на снежной дорожке.

— Плохая дорога, очень плохая, ночью надо ехать.

Лошади проваливались по живот в снег, с трудом выбиваясь на дорожку.

— Поедем по речке,— сказал Джалиль Гош и свернул лошадь влево в снег, к речке, находившейся в двадцати метрах от нас.

Эти двадцать метров мы ехали полчаса. Мы спешились и лошадям пробивали дорогу в снегу.

Река ревела и пенилась. В некоторых местах она представляла собой сплошной водопад. Временами мы переезжали с берега на берег, что было очень опасно и каждый раз требовало очень больших усилий.

Лошади были очень сильно перегружены продуктами и устали.

В кишлаке Джикинды мы должны были их покормить. Вскоре мы под'ехали к этому кишлаку.

Здесь было много растительности и гораздо теплее.

В кишлаке, у кибитки, где помещалась канцелярия ТОЗ, ржали лошади. Сидели кучками киргизы на корточках и оживленно разговаривали.

— А-а-а! — закричали они, встречая нас, помогая спешиться, поддерживая нас под локти.

Саид принял лошадей.

Приветствия «А-а-а!» имеет несколько оттенков.

Их можно передать так:

— А-а...—это кислая мина; или А-а...— здравствуй, здравствуй, очень рад тебе!— А-а... равнодушно: приехал, значит; или— А-а... сколько лет, сколько зим! Я не верю своим глазам, неужели это ты?—если кто против тебя, то я твой друг, или—А-а, в восторге, — не может быть, наконец-то! Хвала аллаху, я так рад, так рад!—я твой раб, повелевай! — А-а! — в безумном счастье, — я захлебываюсь от восторга при виде тебя!..

Какое было на этот раз «А-а»? Мне показалось, что оно было немного насмешливое.

— Большой караван, хорош караван...

— Кандый сиз тынч кельдыз? — спросили нас. — Как доехали?

— Тынч, тынч-якши, — ответили мы, — хорошо доехали.

— Келинь,—сказал председатель ТОЗ,— заходите.

Мы вошли в кибитку: женщины бросились в сторону, и мы сели, поджав ноги, не глядя на женщин и не здороваясь с ними.

Тон был выдержан. Один только Джалиль Гош остался на улице, присев на крылечке и играя плеткой.

Аксакалы вошли следом. Нам подали вареное мясо и затем чай.

— Аксакалы,— сказал я,— нам надо дорогу.

— Аллах не дает дороги. Весна идет. Несколько киргизов уже живут здесь десять дней, ждут дорогу,— ответили те, поглаживая бороды,— дороги нет.

Тут я понял, наконец: «Вот и новые гости,— думали, небось, киргизы,— больно уж разогнались куда-то, тоже засядут теперь тут...»

Каравайщики, посланные искать дорогу, возвратились, чтобы сказать, что надо ждать дорогу. Это мы и без них слышали

Я спросил:

— Проезжали ли тут Туюгун с Сабирой?

— Ничего не видали,— ответили мне

Тогда я позвал местного пастуха.

— Ты родом откуда? — спросил я

— Из Гарма, — ответил он.

— Ты пастух, ты знаешь эти дороги

— Знаю,— ответил пастух.

— По какой дороге нам ехать?

— Нет дороги, начальник.

— А скажи, ты Туюгуна знаешь?

— Знаю. Этот Туюгун из Каратегина и вот недавно проехал по какой-то дороге через перевал... С девушкой из Кашка-Су..

— Что? Что? С Сабирой? — вскочил Саид.

Он потупил голову.

— Мерзавец Барон! — сказал он.— Я несколько лет даром работал на него. Он бандит и контрабандист. Я хлеб ломал, что буду молчать, он на коране клялся, что отдаст мне Сабиру и не отдал... Слушай, начальник...

Он замолк, но по его лицу я видел, что он готов был умолять меня, чтобы ехать дальше, сейчас же...

В комнату вошел Джалиль Гош. Аксакалы опять заговорили о трудности пути.

— Ну, начальник, ты остаешься здесь?— спросил Джалиль, ни на кого не глядя.— Лучше отдохнуть и подождать, конечно...

Я понял, что его задели разговоры о том, что мы останемся, и особенно насмешки при встрече.

— Нет, Джалиль, если я сегодня же не перевезу ячмень через перевал, то завтра уже придется сесть тут на всю весну, вместо того чтобы сеять... А ты, разве, останешься? — спокойно спросил я.

Джалиль Гош вспыхнул.

— Я тебе говорил, Джалиль едет до Катта-Карамука! Я клятву ломал.

— Хорошо. Ты клятву ломал. Есть пять «носов»—дорог—на перевал. Ты знаешь контрабандистскую дорогу. Но там, где проедешь ты, проедет ли караван? С людьми и такой груз—ячмень?

— Я не аллах. Я не знаю, проедет ли Как хочешь, мне нет дела: твой ячмень...

— Поехали!!—сказал я.

— Дороги нет,— начал Шамши—«Деревянное ухо».— Шамши боится: у него лошади, самовар...

— Шамши останется здесь: у него самовар!—сказал я, вставая.— Поехали.

Мы сели на коней и тронулись. Шамши продолжал ворчать: «Пусть безумцы только и слепые едут по такому пути», — говорил он, однако тоже ковылял вслед за нами на своей коняге, продолжая причитать и хныкать...

Мы выехали из кишлака.

— Ай, большая инсоляция!—сказал Карабек, показывая вперед плеткой.

Это слово он слышал от меня: инсоляция означает освещение солнцем земной поверхности.

Прежде чем говорить о дальнейших событиях, необходимо об'яснить, что означает этот термин для Алайской долины в апреле.

С каждым новым днем весны все сильнее подтаивает снежная масса, покрывающая долину и склоны гор. По снегу утоптана тропа. Сперва проваливается снежный наст вокруг тропы — это первая стадия.

Вторая стадия — начинает таять дорожка. По ней начинают ездить только в определенные часы: сперва лишь утром и вечером, потом—только на рассвете, потом—только ночью. И, наконец, третья стадия—проваливаются все дорожки, все огромное пространство долины покрывается рыхлой массой, жидкой снежной кашей: все кишлаки и селения отрезаны друг от друга. Никакого движения. Только потоки воды мчатся в реки.

Это работа солнца. Сила ее такова, что можно в одно и то же время на северном, теневом склоне гор найти суровую зиму, а на южном—жаркое лето.

Однако мы застряли между зимой и летом...

Вообразите себе незамерзшее море, а по морю ведет узенькая, ненадежно замерзшая дорожка, с плотным, утоптанным снегом под ней. Вы едете как бы по гребню стены. Если свалитесь с нее в сторону, попадете в воду, на глубину 2—3—4 метров. Причем дно может быть ровным, а может быть и покатым. Тогда придется скользить еще по крутой покатости дна на неизвестную глубину, особенно если дело происходит на склоне гор.

Представьте себе встречу на тропе. По тропинкам постоянно ездят, и поэтому снег на них утаптывается. Шириной тропа в 35 сантиметров, а по бокам трясина.

Если снег неглубок, раз'ехаться нетрудно, но если глубок, стоят друг против друга два всадника на такой дорожке и ругаются, кому сбивать коня в снег. И, не решив мирным путем, стегают лошадей, те бросаются друг на друга, стараясь сбить грудью противника.

Несчастный побежденный, пытаясь вывести из глубокого и вязкого весеннего снега своего коня на дорожку, долго бьется в снегу, пока не вытянет измученную вконец лошадь.

Когда же дорожка окончательно теряет упругость под влиянием теплых, весенних солнечных лучей, тогда считают, что дороги нет.

С трудом дошел караван наш до реки и пошел вверх. Река была небольшая, и ехать против течения очень большого затруднения не представляло.

Далеко растянулся наш караван. Ишаки, которые находились в нем, тормозили наше продвижение.

Пройдя километра три вверх по течению, мы свернули влево, на снежную тропинку. Тропинка шла у скалы. Тень скалы прикрывала ее, и снег на тропинке не успел растаять. Утром морозы, хоть ненадежно, но сковывали дорогу и по ней можно было идти. Двигались мы с трудом: сегодня утром было тепло и тропинка не очень затвердела. Лошади попадали ногами в дыры и выбоины, но благополучно выскакивали из них.

Я оглянулся на кишлак. Далеко внизу все население кишлака вылезло на крыши и следило, удастся ли нам пробиться или нет.

Караван сильно растянулся. Задерживали ишаки: вместо того чтобы вскочить, как лошадь, или стараться выкарабкаться, попав в выбоину одной или двумя ногами,

ишак спокойно лежал и ждал, пока подойдут караванщики, один возьмет его за голову, другой за хвост и поставят его на ноги.

Впереди вел свою лошадь Джалиль, за ним Карабек, Саид, за Саидом—я, затем, шли караванные лошади, одна за другой, не связанные между собой, за ними ишаки и сзади еще какие-то лошади и люди. Оказалось, что это путники, которые ожидали дороги, но, видя, что мы так смело поехали, увязались за нами.

— Эге, да ведь дорога совсем не такая уже безнадежная!—решил я, ведя Алая в тени скалы, по тропинке.

Мы свернули влево, обошли еще один «нос» и в'ехали на него.

Мы были уже очень высоко. Вдали черными полосками на белом, снежном фоне виднелась Сурх-Об, местами превращаясь как бы в широкую черную ленту.

Эта лента местами белела: то воды Сурх-Об разбивались о пороги, преграждающие путь в узкий глубокий каньон, через который Сурх-Об врывалась в Таджикскую республику.

Лошади были покрыты испариной и тяжело дышали.

— Да ведь мы скоро будем на перевале,— сказал я Саиду, показывая на высившуюся седловину перевала.

Саид ничего не ответил. Он смотрел на север: оттуда по горам к перевалу также двигалось несколько точек.

В бинокль можно было различить лошадей и людей.

«Не Сабира ли там?»—подумал я.

— Вперед! Вперед! — кричал, задыхаясь, Джалиль Гош, пробираясь ко мне. — Солнце идет, очень плохо будет!

Не успели мы сделать несколько шагов, как лошадь Саида провалилась сразу всеми четырьмя ногами. Саид потянул ее за повод. Она забилась, рванулась и сорвалась с тропинки в снег.

— Держи, держи!—закричал Карабек и бросился к Саиду. Был пологий склон, и понятно, что лошадь, предоставленная самой себе, обязательно свалится, скользя под снегом вниз.

Лошадь оскалила желтые зубы, глазами она косила в сторону. Мы начали бить ее камчами, она вздрагивала и не двигалась, наконец, рванулась, прыгнула вверх и, пробив грудью стену тропинки, застряла в снеговой трясине по ту сторону дорожки.

Весь караван стоял, ожидая.

— Вперед! Вперед — закричал Карабек, и Саид помчался по дорожке, натягивая изо всех сил повод. Лошадь бросилась за ним, выскочила на тропинку и сейчас же всеми четырьмя ногами провалилась в колдобины на тропинке. Таким образом она лежала на тропинке животом и грудью. Ноги были в ямах.

Мы позвали ближайших караванщиков; прижимаясь к лошадям, чтобы не упасть с тропы в мягкий снег, они подошли к нам.

Некоторые, сорвавшись с тропинки, барахтались в снеговой трясине, безрезультатно стараясь выкарабкаться и вопя о помощи.

За хвост и голову лошадь подняли и поставили на ноги. Она была вся мокрая и тяжело носила боками.

Не успел Саид провести ее и пяти метров, как голова ее опять торчала из снега, а все туловище было погребено где-то сбоку, в снеговой трясине.

И это было только начало тех мучений, которые сопровождали путь к перевалу.

Алай мой водил ушами, и, когда я его подвел к тому месту, где лошадь Саида сломала тропинку, он уперся и не захотел идти. Бедняга Азам жался к ногам коня. Когда Алая сзади огрели камчой, он толкнул меня грудью и прыгнул. Я очутился в том месте, где за десять минут перед тем была лошадь Саида, а Алай, попав передними ногами в выбоины на тропинке, задом сполз в сторону ската и напрасно бил ногами, стараясь оттолкнуться. Я застрял в снегу по уши, очутившись в каком-то боковом положении. Рядом со мной барахталась собака. Это было и смешно и трагично. Упрешься рукой в снег и по плечо проваливаешься, упрешься ногой в снег — снег под ногой проваливается, и залезаешь еще глубже. Повернешься—снег под тобой скрипнет, сядет, и вновь опускаешься. Снег был, по крайней мере, в два раза глубже моего роста.

Мне бросили аркан. Я обвязался и, делая плавательные движения, подтянулся к тропинке и влез на нее.

Я стал совершенно мокр.

Первым делом было сбросить тулуп и полушубок. Азам подпрыгнул и встал на тропинке, дрожа. Он жадно хватал зубами снег и проглатывал его.

Двинулись дальше, но через десять минут все лошади лежали: часть в снеговой трясине, часть на тропинке. Об ишаках и говорить не приходится: по дырам в снегу у тропинки можно было судить, что часть их лежит где-то там.

Еще через полчаса караванщики потребовали, чтобы мы свернули назад. Уже все были раздеты до нижней рубашки, и пар облаком клубился над каждым. «Не возвратиться ли?» — подумал я.

Первые попробовали повернуть назад попутчики, увязавшиеся за нами.

Сначала двинулся старый таджик на своей серой тяжелой лошади. Под брань и крик наших караванщиков он осторожно повернул лошадь, и она сразу загрузла в снегу. Начали бить ее, бедное животное вытягивало шею, закатывало глаза и, сделав несколько шагов, совершенно разрушило тропинку и, наконец, вытоптало глубокий колодец и само упало туда. Я наклонился над развороченной снежной ямой.

Лошадь искалечилась и подыхала. Старик, сев на корточки, жалобно причитал, раскачиваясь.

— Прирежь, прирежь, мясо будет!—кричали караванщики, но старик не слыхал.

Карабек подошел к яме и, заложив патрон с пулей, прицелился.

Все кругом затихло.

Выстрел грянул и раскатился эхом по всем горам и скалам. Лошадь затрепыхалась. Путь был только вперед.

ПЕРЕВАЛ

Оборвав узду в пряжке, позади головы, лошадь Саида вдруг свалилась в выбитый ею колодец и заскользила вниз по склону под снегом. Алай встрепенулся, подпрыгнул из очередного провала и стал на тулуп, дрожа и глотая снег.

— Эй, эй!—закричал Джалиль Гош. — Груз снимай, седла бросай, попоны давай, тулуп давай, плащ давай...

Караванщики раз'ярились и кричали, что мы погубили лошадей, что теперь мы сами пропадем здесь и что они сейчас же идут сами пешком назад.

Особенно усердствовали двое — Турдубек и Мустафа.

— Ты откуда? — спросил я.

— Из Кашка-Су! — кричал Турдубек. — Шайтаны вы, теперь все лошади пропали.

— Это брат Барона,— тихо сказал Джалиль. Первой моей ошибкой было то, что я не проверил состава караванщиков.

— Мустафа,— сказал я,— ты хороший человек, что ты возьмешь отнести письмо вниз?

— Кило сахару,— сказал Мустафа.

— Хорошо,— ответил я и под диктовку Карабека написал письмо в Дераут-Курган только для того, чтобы отделаться от этих ребят, которые могли смутить остальных.

— Турдубек, что ты возьмешь вытащить упавшую лошадь и провести ее?

— Твою жизнь!—злобно закричал Турдубек.

— Я пойду,— сказал старик Шамши,— я десять рублей возьму.

— Меня начальник спрашивал. Я иду!— закричал Турдубек, боясь конкуренции. Кроме того ему не хотелось работать, вытаскивая лошадей.

— Идите,— сказал я.

Мустафа ушел по тропинке, перелезая через головы ишаков, а Турдубек, дойдя до места падения лошади, прыгнул через снежный колодец и скрылся за холмом.

— Кто лучше всех будет работать, получит премию и больше семян для посевов!—сказал я.

Это немного ободрило караванщиков. Мы двинулись снова в дорогу.

Теперь мы стлали на тропинке тулупы, плащи, кошмы, попоны, одежду, по ним проводили лошадей и ишаков.

Многие работали голые, без нижних рубах.

Из носу у меня шла кровь, голова болела, тошнило: начиналась горная болезнь— тутек. У двух караванщиков—тоже самое. «Я совсем здоров, совсем здоров»,— внушал я себе и еле шел, спотыкаясь и падая на кошмах. Сзади меня, не отставая ни на шаг, несмотря на брошенный повод, шел Алай.

То, что удалось освободиться от зачинщиков смуты, помогло повысить работоспособность.

Саид показывал пример.

Карабек кричал:

— Вперед! Тридцать рублей! Назад дороги нет!..

Сзади всех, за конем плелся Шамши, хныкая и поддерживая самовар.

Вот, наконец, я наверху. Смертельно устал и страшно хочется спать. Но надо идти подносить грузы, и я, шатаясь, иду по тропинке. Беру седла и несу наверх. Конец. Перевал.

Еще три месяца назад я бы ни за что не вынес этого под'ема, но человек приспосабливается к условиям и закаляется.

«Что бы сказали доктора, запретившие мне подниматься на горы?» — думаю я, и как раз в этот момент мои мысли начинают путаться и я чувствую головокружение. Оседлав Алая, я присел на камень. Алай

Саид побежал со всех ног на зов.

быстро поднял понуренную голову и, повернув ее к северу, заржал. Заржали и другие лошади.

И вдруг издали послышались голоса, и на седловину перевала с северной стороны выехали путники с лошадьми в поводу. Увидев нас, они остановились в отдалении и начали садиться на лошадей.

— Саид! Саид! — закричал кто-то оттуда.

Этот крик меня сразу привел в себя.

На минуту все опешили, но Саид побежал со всех ног на зов. В то же мгновенье один из всадников стащил женщину с лошади, положил к себе поперек седла и поскакал, желая проскочить мимо нас.

Карабек бросился навстречу ему. Всадник, желая обскакать, сбил лошадь в снег. Лошадь делала отчаянные прыжки. Но ноша была ей не под силу, и когда спуск был уже в десяти километрах, она прыгнула вдруг, как бы переломилась надвое, сломав хребет. Это решило все. В тот же момент Саид и Карабек настигли беглецов. Еще через пять минут Саид подвел ко мне Сабиру. Она захлебывалась слезами, говоря:

— Меня Туюгун в Дувану везет. Барон продал,— и она жалобно смотрела на меня.

Здесь я взглянул на Туюгуна и поразился: это был наш друг, киргиз из Кашка-Су!

— Самый большой бай в Кашка-Су,— сказал сквозь зубы Саид.

— Это «Шапка из куницы»!—воскликнул я.

— Ну и что же,— ответил Карабек,— он хотел, чтобы мы другом его считали. В горах, говорят, у него тысяча баранов. Спроси у Саида...

Теперь я все понял: этот киргиз был заинтересован в том, чтобы мы скорее покинули Кашка-Су. Вот откуда ячмень. Вот откуда и встреча у Мазара во время бурана: он тогда уже вез Сабиру, боялся, что мы увидим...

Но теперь от прежнего «Шапки из куницы» не осталось и следа: притворяться было некчему. Он подошел к нам и вдруг начал ругаться самыми грубыми словами.

Также ругаясь, он ударил Сабиру, в ту же секунду Саид ударил его в грудь. Туюгун, падая, сел на снег и сейчас же вскочил.

Скаля зубы и проклиная всех нас, он вынул нож и пошел на Саида.

Саид схватился за свои ножны. Ножа не было. Повидимому, нож выпал, когда поднимали лошадей.

В тот же момент Карабек бросился под ноги Туюгуна и тот свалился. Этим моментом воспользовался Саид и вырвал у Туюгуна нож.

Наши верблюдчики навалились на Туюгуна, он кричал и ругался, катаясь по снегу.

— Стой! стой! — закричал я, но меня не слушали. «Еще зарежут»,— мелькнула у меня мысль.

Туюгуна подняли и держали за руки. Он плюнул в лицо Саиду. Саид ударил его ногой в живот. В стороне кричала старуха—мать Туюгуна. Ее огромный белый тюрбан развязался, и ветер, подхватив конец метра в три, трепал его и щелкал им, как бичом...

— Сабира, вы записались в сельсовете?—спросил я.

— К чорту сельсовет! — кричал Туюгун.— Я мусульманин!

— Вы, мусульмане!—кричала мать Туюгуна. — Отпустите мусульманина с его женой.

Караванщики колебались. Джалиль же сидел в стороне на снегу, не участвуя в споре, и внимательно прислушивался к происходящему.

— Я батрак! — кричал Саид.— Я семь лет работал на Барона за Сабиру, и он обманул меня.

— Иди к шайтану!—кричал Туюгун.— Я деньги платил, а ты продался, ты не мусульманин, ты консервы ешь!

— Мы все не мусульмане! — закричал Карабек.— Все. Мы все консервы ели. Все, правильно? — спросил он караванщиков.

— Ели,— ответили они.

В это время еще двое караванщиков поднялись на перевал, с лучшими кусками мяса застреленной кобылы. За ними шел старик, владелец павшей кобылы.

— Туюгун! — закричал он, подходя к собравшейся группе. — Басмач моего сына убил. Мусульмане, — обратился он к караванщикам, дайте мне зарезать его. Кровь за кровь! — и он схватил себя за бороду, взывая к аллаху.

— Только не резать,—сказал я и задержал старика.

— Какие мы мусульмане!—сказал караванщик.—Мы консервы ели.

— А потом еще отвечай! — сказал другой.

— Не отдавайте своих девушек в Каратегин. Что у вас, парней мало? У тебя, Джураиб, — обратился Карабек к одному киргизу,—невесту увезли в Каратегин, у Саида увозят,—так у вас всех жен, дочерей и невест увезут. Не отдадим Сабиру в Каратегин.

— Правильно!—кричали караванщики.

— Пустите! — кричал Туюгун. — А не пустите, всех порежу!..

Тут вдруг подошел Джалиль Гош. Он молча оттолкнул в сторону Карабека и старика-таджика, потом вдруг схватил Туюгуна поперек туловища и подбросил с огромной силой.

Туюгун взлетел на воздух, перевернулся и, отлетев вниз метров на десять, шлепнулся

в снег и исчез под ним. Склон был очень крут.

Мать Туюгуна закричала. Я смотрел в бинокль вниз. Через несколько времени далеко внизу показалась барахтающаяся фигура человека.

— Поехали, — сказал Джалиль Гош.

Я повесил бинокль на шею и пошел к спуску. Алай шагал за мной.

— Начальник,—сказал Карабек, — старик просит его взять с собой, я ему сказал: «Садись, папаша, мы твою лошадь есть будем, а ты на нашей поедешь. Правильно?»

— Хоп, майли,—ответил я.

Саид усаживал Сабиру на лошадь.

— Если хочешь, — сказал я ему,—в Карамуке останешься с Сабирой.

— Нет,—ответил он.—Нагонит Туюгун, резать будет. Пока Туюгун поднимается по этой дороге снизу на перевал, утро будет. А утром мы поедем дальше. Сабира нам обед варить будет.

— Делай, как тебе лучше,—ответил я, радуясь, однако, что они поедут с нами.

Караванщики ободряюще хлопали Саида по плечам, и каждый приписывал успех дела себе. Особенно старался появившийся откуда-то Шамши.

— Это моя дочь,—говорил он. — Я бы ни за что не отдал ее Туюгуну.—А ты бери—уж так и быть...

Спуск был крут, но в то время как на восточной части гор было много снега, здесь его почти не было. Усталые и измученные, мы поздно ночью под'ехали к Катта-Карамукской чайхане.

— Где сельсовет? — спросили мы.

Чайханщик показал в темноту.

— Позови скорее председателя.

Пока варилась в котле конина, караван все подтягивался. Пришел председатель, заспанный человек в тюбетейке.

— Нам нужно срочно записать в загсе двух молодых людей, давай скорее,—сказал я.

— Что ты, что ты! — и он изумленно замахал руками.—Скоро ночь. Завтра утром.

— Э, утром...— протянул Карабек.— До утра Туюгун еще может сто раз приехать.

— Я тебя сейчас зарежу,— говорил Карабек.

— Сейчас надо,—сказал я.

— Секретаря нет.

Тут из темноты выступил вперед Джалиль Гош. Он вдруг скинул с плеча ружье и навел его на председателя. Глаза его налились кровью, и рука уже нажимала курок.

— Ах ты, сын змеи! — воскликнул Джалиль. — Разве ты не видишь, что люди любят друг друга и спешат... Дай сюда твое чернильное сердце!

«Опять этот медведь! Он натворит нам беды»,— мелькнуло у меня.

— Джалиль! — закричал я. — Стой!..

— Что такое? Вы врываетесь, как бандиты!..— закричал перепуганный председатель.— Ваш человек... Ваши люди...

— Я не его человек! Ах ты, земляная кровь! — закричал Джалиль.— Я сам Джалиль Гош! Только вместе ехали до Катта-Карамука. Я сам Джалиль Гош!..

Но тут я решительно схватил дуло его ружья и с силой отбросил его в сторону. Джалиль удивленно замолчал. Я извинился перед председателем, как мог.

— Ну, как хочешь,— пробурчал Джалиль, пожимая плечами; очевидно, он искренно недоумевал, почему я отказался от его помощи. — Прощай. Я ушел, — сердито сказал он и зашагал в темноту горного кишлака.

Председатель продолжал жаловаться. Однако вскоре нашелся секретарь, появилась печать. Все мои погонщики столпились в чайхане, посмотреть на совершение процедуры, которую, может быть, некоторые видели впервые: венчание без муллы.

Я воспользовался этим, чтобы сказать небольшую речь. Страшная усталость валила меня с ног. Я не помню, о чем я говорил. Помню только, что это было от души, я говорил то, что волновало меня.

Перед моими глазами плыли лица киргизов с полуоткрытыми ртами, лампа «молния» с разбитым стеклом, убогая обстановка бедной горной чайханы...

Помню только, что говорил я и о темноте прошлого и о тяжелых здешних дорогах, о будущих богатствах, о наших посевах и о детях этой долины — пастухе Саиде и девушке Сабире, — словом обо всем, и все это было довольно бессвязно, но как-то шло подстать общему настроению, и все поняли меня... Сабира вдруг зарыдала, не вынеся напряжения от всего пережитого.

Саид тер глаза кулаками.

К всеобщему удивлению вдруг заплакал и старик Шамши.

Он встал и обнял Саида и Сабиру:

— Знаете что,— сказал он, став вдруг очень важным,— я, пожалуй, вам подарю свой самовар...

Это развеселило собравшихся: все знали, что самовар его был весь дырявый и никуда не годился.

Однако значение этого дара всеми оживленно стало обсуждаться.

Все стали укладываться на ночь. Мы с Карабеком легли рядом, на деревянных подмостках под потолком.

Карабек долго ворочался.

— Что не спишь? — спросил я.

— Вот хорошо, что у Саида и Сабиры так кончилось... — сказал он, поднявшись на локти.— Эх, товарищ Кара-Тукоу, вот что я тебе сказать...

Но не найдя нужных слов, он махнул рукой и лег.

— Азама не привязали на цепь,— вдруг сказал он сердито.— Плохой порядок.

КТО БУДЕТ ПЕТЬ В КАРАВАНЕ

Я проснулся на рассвете от какой-то неясной возни, происходящей в каморке: заглушенный шум борьбы, шопот двух голосов доносились из-за перегородки. «Отдай»,— говорил один голос по-киргизски.— «Нет»,— отвечал другой. Слышно было, что один человек пытался что-то вырвать у другого. Я вспомнил часового, поставленного мною у дверей на ночь. Вдруг загремело что-то, стукнуло железом и тяжелый предмет грохнулся на пол. Я вскочил, выхватил револьвер и шагнул к перегородке.

Там Карабек и старый Шамши стояли друг перед другом. Между ними на полу валялся самовар старика — ржавый, погнутый, с огромной дырой на боку. В ту же минуту они нагнулись, схватили самовар и принялись вырывать друг у друга.

«Отдай Сабире и Саиду, старый врун, «Деревянное ухо!» — корча страшные гримасы и сверкая глазами, шептал Карабек, стараясь, очевидно, не разбудить меня и Сабиру с Саидом. «Ты обещал!» — говорил он. «Нет, ничего я не обещал», — шипел старик, которому опять стало жалко самовара. — «Я тебя сейчас зарежу», — говорил Карабек, в самом деле хватаясь за рукоятку ножа у пояса. Я уже хорошо знал этого удивительного человека: он любил изображать себя очень свирепым и даже, пожалуй, мог привести в исполнение любую угрозу. В сущности же это был добрягапарень. Почему-то особенно близкое участие он принял в судьбе Сабиры и Саида, но он ни за что и никому не позволил бы заподозрить себя в каких-нибудь сантиментальных чувствах. «Гордость, привычки поколений, суровое воспитание среды, требующей умышленной черствости сердца,— что это?» — думал я, наблюдая сцену с самоваром...

Но тут проснулись Саид и Сабира.

— Что такое? — спросил пастух, вскакивая.

— Ничего. Тебе какое дело? — грубо сказал Карабек, сплюнув и отпустив самовар. Старик, готовый до этого уже заплакать, просиял.

— Хорош, хорош самовар! Я его еще починю в Гарме,— сказал он, поглаживая дырявую посудину дрожащими руками.

— Конечно, отец. Тебе просто все завидуют! — звонко засмеялась Сабира.

Все расхохотались. Вошедшие караванщики стали осматривать самовар, похлопывать его руками и причмокивать, подмигивая и смеясь:

— Ого! Это да! — говорили они.— Только опасно такую драгоценность везти Голубым берегом: как бы ее не разбило камнями!..

В это время в чайхану ворвался глухой, отдаленный гул. Волна воздуха приоткрыла дверь и вновь закрыла ее, стекла тихо

вздрогнули: где-то в горах происходили обвалы. Это сразу напомнило всем, что надо спешить, и караванщики вышли на улицу, принялись вьючить лошадей и ослов.

Уже через полчаса караван был готов к отправлению. Солнце освещало верхушки гор. Кишлак стоял в тени, между скалами; мы находились на западном склоне, теперь прохлада будет стоять до второй половины дня. Но снега здесь было уже мало, зеленела кое-где трава.

Население кишлака вышло провожать нас, пришел вчерашний председатель. Я вспомнил Джалиля Гоша. «Куда он делся? — подумал я. — Наверное, уже скачет где-нибудь по ущельям...»

Я зашел в чайхану захватить портфель и сумку. В это время чья-то лошадь застучала копытами за окном, всадник остановился и соскочил на землю... В комнату вошел Джалиль Гош. Он был хмур и все время передвигал шапку на голове, поправляя белую повязку.

— Ну что же, прощай,— сказал я, собирая бумаги.— Ты что-то хотел сказать?

— Да,— сказал он,— я хотел сказать: слышишь — падают камни?

Глухой гул обвалов потряс домик.

— Это камни. Скоро они будут падать на Голубом берегу.

— Да, я знаю.

— И ты не знаешь дорогу. И можешь не успеть...

— Постараюсь.

— А ты слыщал про Голубой берег?

— Да, да, все слышал,— досадливо махнул я рукой.— Он убивает всех неверных, всех уполномоченных, всех коммунистов. Может быть, агронома он не тронет...

— Да, да, да. И он задавит тебя тоже. И я хотел тебе сказать, что так тебе и нужно, потому что ты не веришь в бога. Вот.

Джалиль сплюнул сердито и пошел к выходу. В дверях он остановился.

— Все?—спросил я.

— Нет еще. Вот я все думаю, много думаю: сегодня ночью сел на коня, ездил, опять вернулся. Какой ты такой удивительный человек! Я не видел такого человека: ячмень тебе везти — ты в буран идешь, в снег идешь, в Голубой берег идешь. Что ты привязался? Чего тебе такого здесь надо?..

— Мне, Джалиль, надо перевезти в Гарм ячмень и обратно доставить семена. Я же тебе говорил. Их нужно успеть посеять, чтобы в Алайской долине росла пшеница. Только и всего.

— Мне нет дела до твоей пшеницы! Убирайся, куда хочешь. И Голубой берет пусть тебя убьет, как хочет...

— Ты боишься Голубого берега?

— Джалиль не боится Голубого берега!—рассердился Джалиль.— Джалиль ничего ему не сделал! Он сам едет теперь в Большую Дувану.

Новый, еще более сильный раскат грома раздался в ущельях. Стало тихо. Смолкли на минуту крики ишаков, за забором крикнул петух и замолк, словно кишлак прислушивался: где-то летела очередная лавина с гор.

— Ну вот,— сказал Джалиль.— Еще я хотел сказать: я тоже еду к Дувану. Я дорогу знаю. Едем вместе.

Так неожиданно закончив разговор, он отправился к своему коню. За мной пришел Карабек.

— «Молчащий язык» опять едет? — спросил он.

— Да, он знает дорогу.

Карабек насупился.

— Ага, Джалиль знает дорогу, а Карабек не знает дорогу,— сказал он.— Хорошо. Карабек стал плохой. Он может остаться здесь...

Я попытался успокоить его: «Один человек хорошо дорогу знает, два—еще лучше». Но Карабек остался недоволен. Он поставил своего коня в самый конец каравана, сел на него и стал глядеть в сторону с самым безучастным видом. Однако через минуту он крикнул мне:

— Хорошо, начальник, а петь тоже Джалиль будет? Смотри, молчит, не поет каравану ничего; молчащий проводник—плохой проводник. Он худо проводит караван. Я петь не буду!

— Ну тогда мы погибли!—испуганно сказал я.

— Хорошо, я буду петь!—крикнула, смеясь, Сабира и поскакала вперед. За ней двинулся Саид. Сабира звонко запела.

Мы тронулись в путь. Покачивая неодобрительно головой, Карабек продолжал ехать сзади.

(Окончание в следующем номере.)

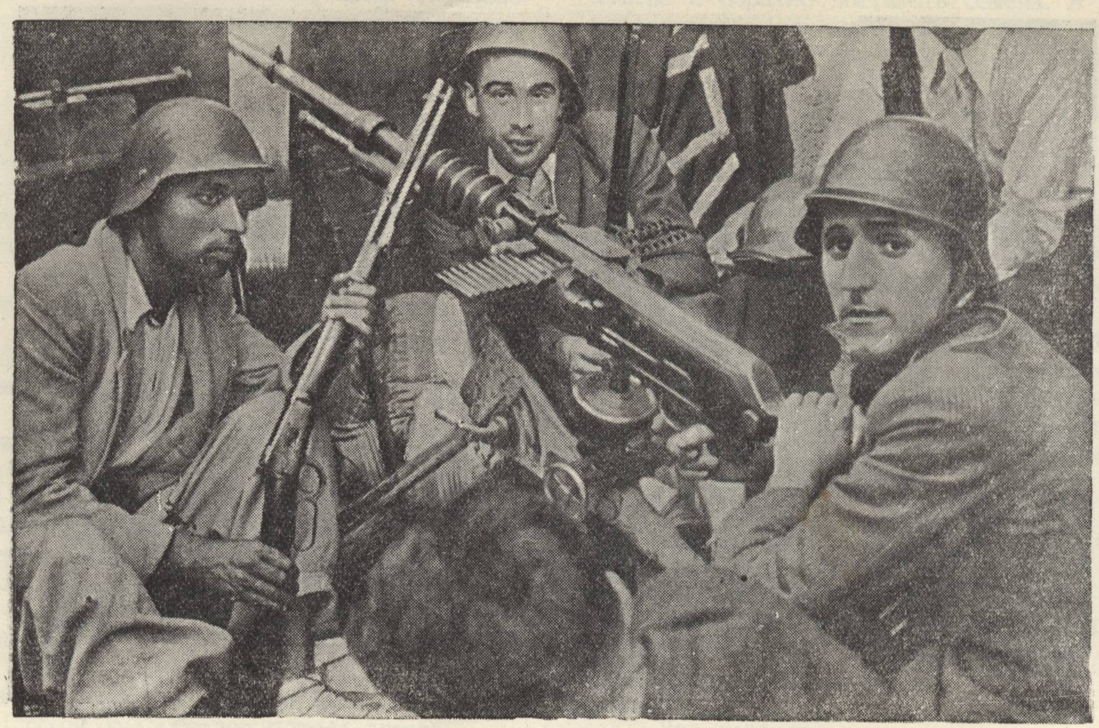
Испанские рабочие бьются за свободную Испанию

Жители Мадрида приветствуют вооруженный отряд рабочей милиции, который отправляется в Гвадарраму для борьбы с мятежниками.

Гавань Алхесирас находится на южноиспанском побережье. Здесь фашистские мятежники высадили свой десант. Рабочие Алхесираса упорно сопротивлялись фашистам.

Испанские рабочие для борьбы с фашистскими мятежниками организовали вооруженные отряды рабочей милиции, которые показали чудеса храбрости в боях с фашистами. Вот отряд рабочей милиции у пулемета.

Площадь в Кадиксе, военном порту на юге Испании.

Город Толедо. На улице баррикада против фашистских мятежников.

Гвадаррама — горный район на севере Испании. Отряд рабочей милиции, окопавшись у края дороги, обстреливает мятежников.

Томас Мор

Человек, изображенный на этом портрете, умер четыреста лет назад, вернее, четыреста один год. Эта голова упала под топором палача 6 июля 1535 года.

Казнил его английский король Генрих VIII, а еще только за два года до казни Томас Мор был лордом-канцлером английского королевства — первым министром короля.

Такая злая судьба была у этого человека. Время, когда он жил, было жестоким. Людей казнили десятками тысяч только за то, что они верили в бога не так, как требовала церковь. Костры, на которых церковь сжигала еретиков, пылали во всех странах Европы, и у многих людей было больше вероятия погибнуть на костре, чем умереть в собственной постели.

Конец Томаса Мора был концом многих людей его времени. Однако люди помнят Томаса Мора совсем не потому, что он умер на эшафоте. Мысли Мора пережили его вот уже на четыреста лет и будут жить еще долгие века. Томас Мор был одним из самых умных, если не самый умный человек своего времени. Это видно и по его портрету. Замечательный живописец Ганс Гольбейн показывает нам этого умного, проницательного и добродушного человека.

Чем же знаменит в веках этот человек шестнадцатого столетия?

Век, в котором жил Мор, был веком великих географических открытий: вслед за Колумбом европейцы-путешественники открывали новые земли и острова.

Томас Мор знаменит тем, что он первый и единственный в то время «открыл» неизвестный остров Утопию. Добраться до этого острова было нелегко.

«Вход в залив, — писал он, — очень опасен из-за мелей с одной стороны и утесов — с другой. Почти на середине этого расстояния находится одна скала, которая выступает из воды, вследствие чего она не может принести вреда. На ней выстроена башня, занятая караулом. Остальные скалы скрыты под волнами и губительны. Проходы между ними известны только утопийцам».

Утопия — остров не только неизвестный, но даже не существовавший на самом деле. Впрочем, некоторые читатели поверили в него.

Но доехать туда в то время нельзя было никак. Это был остров будущего. Мор населил его людьми, которые жили совсем другими порядками чем весь остальной человеческий мир. Книга его называется «Золотая книжечка, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и новом острове Утопии».

Эта-то книжечка и прожила больше четырех веков и дожила до того времени, когда люди и вправду стали устраивать свою жизнь наилучшим образом, не притесняя и не эксплоатируя других людей. Такой строй жизни называется у нас социализмом.

Томас Мор был первым человеком в мире, который догадался, что когда-нибудь наступит такое время, и описал, какой должна быть такая жизнь. После него жили еще люди, мечтавшие о золотом времени для человечества, и мы называем их социалистами-утопистами по имени того острова Утопии, который был «открыт» Мором. Утопистом называется вообще всякий мечтатель о неосуществимом и несбыточном. В отличие же от социалистов-утопистов, социалистов-мечтателей, мы знаем великих людей научного социализма. Эти люди не только мечтали о социализме, но показали к нему путь и повели за собой людей в бой за социализм. Имена этих великих людей — Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин.

Но во времена Мора социализм и впрямь был несбыточен, в то время не было даже класса, который мог бы его осуществить: не было рабочего класса.

Мы сейчас видим, как социализм сбывается на самом деле. И вот то, что мы видим, интересно сравнить с фантастическим социализмом Мора на его благословенном острове, куда добраться было никак невозможно.

Вот этот остров. В средней части, в самом широком месте, он простирается на двести миль, затем его ширина уменьшается, и в направлении к концам остров мало-помалу суживается. От материка он отделяется проливом в пятнадцать миль. На острове пятьдесят четыре города. Столица острова, город Амаурот, расположен на реке Анидре. В ней чередуются прилив и отлив. Во время прилива море оттесняет реку назад и заполняет русло Анидры своими волнами.

С противоположным берегом реки город соединен мостом не на деревянных столбах и сваях, а на каменных арках.

Да ведь это Лондон! А Утопия? Посмотрите на карту: это Англия! И в Англии было тогда пятьдесят четыре города, и ее отделял от материка пролив шириной в пятнадцать миль.

Это Англия, но не та Англия, в которой жил Томас Мор, не та Англия, где правил король-тиран, где голодных, укравших кусок хлеба, удавливали на виселицах, не та Англия, где помещики сгоняли крестьян с полей, чтобы взять их поля как пастбища для овец, и где крестьяне превращались в нищих, для того чтобы Англия богатела, торгуя овечьей шерстью, не та Англия, где, по выражению Мора, овцы с'ели людей.

Утопия — это Англия, какой ее хотел видеть Томас Мор. В ней все трудятся и все принадлежит всем. У всех есть одно общее занятие — земледелие, от которо-

го никто не избавлен, но, кроме земледелия, каждый изучает какое-либо одно ремесло как специальное. Женщины имеют более легкие занятия: они обычно обрабатывают шерсть и лен. Мужчинам поручаются остальные ремесла, более трудные. Люди работают только шесть часов в день, но у них всего хватает, потому что все работают. Не работают только люди, которым поручено заниматься наукой, и сифогранты — общественные выборные.

На всякой улице, рассказывает Мор, имеются поместительные дворцы, отстоящие друг от друга на равном расстоянии. В них живут сифогранты. К каждому из дворцов приписаны тридцать семейств. Тут эти семьи должны обедать.

Никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце, отстоящем так близко, готова вкусная и обильная пища.

У этого народа — утопийцев — всего вдоволь. А вдруг в каком-либо городе неурожай! Тогда утопийский сенат — выборные от всего народа — добавляет тем, у кого не уродилось, оттуда, где урожай.

Остров составляет как бы одно семейство. Денег на острове Утопии нет. А с золотом и серебром, из-за которых люди в Англии и во всем мире воюют, сажают в тюрьмы и убивают друг друга, утопийцы обращаются с презрением. Из золота и серебра они делают ночные горшки, выковывают из них цепи и кандалы для рабов. Если кто-нибудь опозорит себя каким-нибудь преступлением, в уши ему вдевают золотые кольца, золотом обвивают пальцы, на шею надевают золотую цепь, голову украшают золотым обручем.

Как-то, рассказывает Мор, в Амаурот приехали анамолийские послы. Они не знали утопийских обычаев и, видя, что утопийцы ходят в одной и той же грубой одежде, решили ослепить их блеском и роскошью своих нарядов. Напялив на себя все, что у них было дорогого, анамолийские послы, петушась, ехали по утопийским улицам. Получилось, однако, то, чего они совсем не ожидали: утопийцы приняли их по наряду за рабов, не обратили на них никакого внимания, но очень почтительно приветствовали их слуг, которые ехали в простой одежде.

В Утопии драгоценные камни служили только для забавы совсем маленьких детей. Подраставшие ребята уже стыдились играть жемчугами и бриллиантами. Поэтому, когда ребята увидели драгоценные камни на шапках послов, они обращались к своим матерям с такими словами:

— Вот, мама, какой большой остолоп, он все еще возится с жемчугом и блестящими камушками, как будто маленький.

А мать отвечала:

— Молчи, сынок, это, думаю я, кто-нибудь из посольских шутов.

Так анамолийские послы сами себя опозорили в чужой стране.

Когда социализм победит во всем мире, золото и в самом деле потеряет свою ценность. Мы, как писал Владимир Ильич Ленин, сделаем из золота общественные уборные на главных улицах больших городов, чтобы показать, чего оно стоит на самом деле.

Как же могли существовать рабы на таком острове свободы? А ведь рабы там были. Они выполняли всякие тяжелые, черные работы и были закованы в цепи. Мор был очень мягкий и добрый человек, каких немного было в его время, но и он не мог представить себе страны, даже самой счастливой, без рабов. Правда, утопийские рабы не такие, как в других странах: это либо пленные, взятые в бою, либо преступники, такие, которых в других странах приговаривали к смертной казни. В Утопии их обращали в рабов. И для времени, в которое жил Мор, это считалось очень милосердным, тем более что эти рабы, если они раскаивались, получали надежду стать снова свободными.

Утопийцы ненавидят войну, но постоянно упражняются в военных науках. Мор пишет про них, что они никогда не начинают войны зря: они воюют только в тех случаях, когда защищают свои пределы, или прогоняют врагов, вторгшихся в страну их друзей, или сожалеют какой-либо народ, угнетенный тиранией, и своими силами освобождают его от ига тирана.

Некоторые главы из «Утопии» кажутся поразительными, когда читаешь их теперь. Ведь все это написано четыре века назад! Какой ум и какое сердце нужно было иметь, чтобы хотя в мечтах создать такую страну справедливости в такое несправедливое и жестокое время!

Тогда в Европе яростно боролись две церкви: католическая и протестантская. В Германии за одно только лето было перебито семьдесят тысяч человек за то, что

они не хотели оставаться католиками. В Утопии много религий. Одни утописты считают богом солнце, другие — луну, третьи — одну из планет. Некоторые преклоняются перед каким-нибудь великим человеком, а иные — еще как-либо иначе, но никто друг друга не убивает за то, что другой верит в бога по-особенному.

Это одна из самых удивительных глав его «Утопии», потому что Мор сам был католиком и признавал римского папу единственным и главным представителем бога на земле. Мало того: казнен он был королем Генрихом VIII именно за то, что не соглашался с ним, когда тот решил отделиться от католической церкви и перестал признавать папу главой религии.

Правда, едва ли Томас Мор был бы таким защитником папы, если бы не считал, что английские протестанты — еще большие грабители народного добра чем католические попы.

Король старался переманить Мора на свою сторону, потому что его очень уважали в Англии. Против его воли он сделал его первым министром королевства.

Когда Мор вступал в эту должность, два герцога: Норфолькский и Суффолькский — провожали его во дворец. Один из герцогов при огромном стечении народа произнес в честь него хвалебную речь. В ответ на нее Мор сказал герцогу:

— Я считаю это кресло местом, полным опасностей и трудов и далеко не слишком почетным. Чем выше место, тем сильнее падение с него.

Три года пробыл лордом-канцлером Томас Мор, бывший судья, а потом посол английского королевства. Через три года он ушел со своего поста, потому что не хотел поддерживать короля против его подданных. Генрих VIII не простил ему этого и стал преследовать его со всей силой своей грязной и мстительной натуры.

После того как король конфисковал все небольшое имение своего бывшего канцлера, после того как Мор вытерпел еще много неприятностей, тот же герцог Норфолькский, который провожал его во дворец, сказал ему:

— Опасно воевать с государями, и я желал бы, чтобы вы уступили желанию короля. Ведь, ей богу, гнев короля равносилен смерти!

— И это все, милорд? — возразил Мор. — Тогда ведь между мной и вами лишь та разница, что я умру сегодня, а вы завтра.

Наконец, король добился того, чего хотел: его, а не римского папу, признали главой английской церкви, и Томасу Мору предложили принести присягу королю. Он отказался. Тогда его бросили в тюрьму в Тоуэр, а через год осудили за измену и вынесли такой приговор:

«Вернуть его при содействии шерифа Вильяма Бингстона в Тоуэр, оттуда влачить по земле через все лондонское Сити (центральная часть города) в Тиберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умрет, вспороть живот, выдернуть и сжечь внутренности, затем четвертовать его и прибить по одной четверти его тела над всеми четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту».

Король «помиловал» его: он заменил ему эту казнь простым отсечением головы. Юмор никогда не покидал Мора. Он, услышав об этом, сказал:

— Избави, боже, моих друзей от такой милости.

Его привезли на место казни. Эшафот был плохо сколочен — он зашатался, когда Мор вступил на него. Тогда Мор вежливо обратился к тюремному офицеру:

— Пожалуйста, помогите мне взойти, вниз я уж как-нибудь сам сойду.

Он хотел сказать речь народу, но ему не позволили, тогда он обернулся к палачу и сказал:

— Только смело, не страшись своей работы. Шея моя коротка, целься хорошенько, чтобы не осрамиться.

Так погиб Томас Мор. Палач отрубил эту светлую голову, которая еще в туманном рассвете шестнадцатого века, могла догадаться о том, что ждет человечество впереди.

Наша сталинская Конституция, в которой записано то, чего добился рабочий класс на нашем социалистическом острове, занимающем шестую часть мира, осуществила много больше, чем надумала фантазия Томаса Мора. Но жители нашей счастливой страны помнят человека, который пытался осветить будущее описанием счастливого острова Утопии.

Утопия в переводе с греческого означает «несуществующее место». Тогда и не могло существовать место, где бы люди жили счастливо.

Теперь такое место существует.

Б. Ивантер

История цифр

Я. Линский

Дорогая редакция!

Я прочитала в журнале «Пионер» № 1 письмо Жени Разикова о происхождении нуля; о том, что индусские математики раньше ставили точку, потом она со временем округлялась и образовался современный нуль. Я же в книге Ильина «Черным по белому» читала совсем иначе. Там написано: «Раньше совсем не было нуля, для счета пользовались разлинованной в клеточку доской и кружочками, на которых были написаны цифры. Если нужно было написать нуль, то клеточку оставляли пустой. Значит, нуль просто опускали. Вскоре стали пользоваться обыкновенным столом. Там клеток не было, и поэтому пустую клетку стали заменять пустым кружком. Когда начали считать на бумаге, пустой кружок превратился в кружок, нарисованный на бумаге,—нуль». Такая история нуля в книжке Ильина. Кому же верить?

Якерсон Соня, ученица 4-го класса, чашникской средней школы, БССР, Чашники.

КТО ПРАВ?

Кто прав: М. Ильин или Женя Разиков?

Древние народы тех времен, когда изобретали цифры, не оставили нам книг, по которым мы могли бы установить, какова была наука в те далекие времена. Но даже из того, что было в те времена записано или изображено, не все дошло до нас и не все разгадано в тех надписях, которые сохранились до нашего времени.

Мы изучаем древние сказания и предания. Некоторые из этих преданий впоследствии были записаны первыми древними историками. Так, историк Плиний записал, будто римский царь Нума велел воздвигнуть статую двуликому Янусу так, чтобы пальцы Януса указывали 365 — число дней года. Двуликий Янус был римский бог. Его именем был назван первый месяц года — январь. Изображали Януса с двумя лицами, которые смотрели в противоположные стороны—в прошлое и в будущее. Но все же римляне считали, что у Януса, как у любого бога или человека, только 20 пальцев на руках и ногах. И такая запись древнего историка говорит нам, что по пальцам умели считать не только до двадцати.

Отсчитывать большие числа пальцами умели не только римляне, но и другие народы.

О происхождении цифр мы узнаем и по языку разных народов. Так мы узнали, что понятие «два» в Китае обозначают словом «уши», а в Тибете — словом «крылья». В Квинслэнде, в Австралии, туземцы вместо «четыре» и сейчас еще говорят «бурла-бурла», что означает «два-два». Вместо слова «считать» мы иногда употребляем иностранное слово «калькулировать». Происходит это слово от римского слова «калькуль», что означает камешек. Таким образом само слово подтверждает, что древние римляне вели счет камешками.

Интересно наблюдать, как считают первобытные племена. По таким наблюдениям установлено, что 30—40 лет назад некоторые негритянские племена умели считать только до трех, а после трех говорили «много».

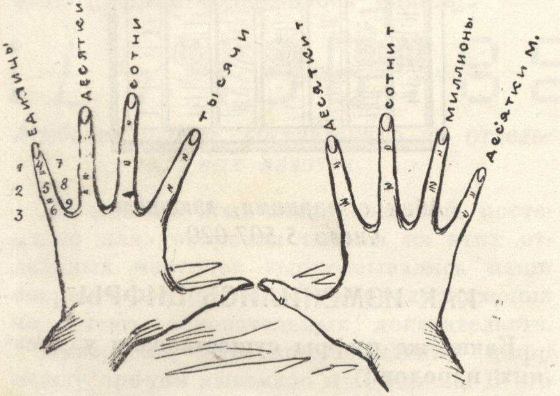
Племя янкусов на Амазонке понятие 3 передает словом «поеттаррарориккоароак», а чтобы сосчитать шесть, им нужно два раза произнести это «коротенькое» слово. Представляем себе, сколько раз им надо произнести «поеттаррарориккоароак», чтобы досчитать до ста.

Некоторые племена индейцев считали так: один человек отсчитывал по пальцам до десяти, потом звали другого человека, который загибал один палец для первого десятка, второй палец, когда первый человек второй раз загнул свои 10 пальцев. Так продолжался счет до сотни. Сотни

уже считал по своим пальцам третий индеец, тысячи — четвертый и так далее. Зулусы устраивались проще: отсчитывали по пальцам десять и хлопали в ладоши один раз, отсчитывали второй десяток и хлопали два раза. Семь хлопков и восемь растопыренных пальцев обозначали 78. Проще-то оно проще, но и сбиться со счета легче. Не всегда запомнишь, сколько раз отхлопал.

СЧЕТ ПО-КИТАЙСКИ

Огромного искусства в счете на пальцах достигли китайцы. Китайцы ухитрялись на одном пальце отсчитывать девять, на следующем пальце они отсчитывали десятки, на третьем — сотни, и таким образом на восьми пальцах они ухитрялись считать до 99 999 999.

По этому рисунку видно, как китайцы досчитывали на пальцах до десятков миллионов.

Большие пальцы служили китайцам для того, чтобы на остальных своих длинных, тонких и гибких пальцах производить этот сложный счет. Китайские купцы торговались молча на глазах у всех, но никто из окружающих не мог узнать, за какую цену товар куплен. Купцы брали друг друга за руку под полой своих длинных халатов и показывали цену прикосновением к пальцам. Многие исследователи утверждают, что обычай хлопать друг друга по рукам под полой кафтана при продаже товара перешел к русским купцам из Китая.

— Ну, по рукам?

— По рукам! — говорили русские — и дело считалось решенным. Так говорим и мы теперь при случае. Хлопать по рукам русские купцы научились, но считать по пальцам до таких больших чисел не умели.

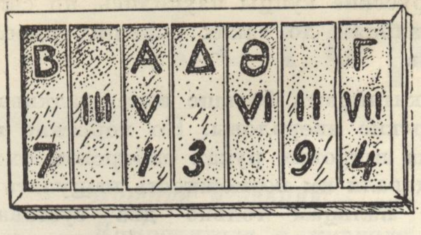
С китайцами больше всех сталкивались сибирские звероловы. Но короткие пальцы на широких руках сибирских охотников давали им возможность нащупать толстым пальцам только два сустава на остальных своих пальцах. Таким образом сибиряки отсчитывали на правой руке до восьми и загибали один палец левой руки, а когда загнут все пять пальцев левой руки, значит отсчитали до сорока. Этим и об'ясняют, почему сорок стало единицей счета у русских. В пуде считали 40 фунтов. В старых описаниях Москвы говорится, что церквей было выстроено «сорок сороков». В древних летописях сказано, что дань (ясак) уплачивалась «сороками соболей».

Так пальцы на руках, а у некоторых народов и пальцы ног, были одной из первых широко распространенных счетных машин. Приспособлением для счета у многих народов служили камешки, зерна кукурузы, раковины и т. п. Жители островов в Южном океане счет вели кокосовыми орехами. Отсчитывали десять орехов и откладывали маленький кусочек ореха. Этими кусочками обозначали десятки. Насчитают десять маленьких кусочков и отложат кусок побольше, он обозначал сотни и т. д.

АБАК

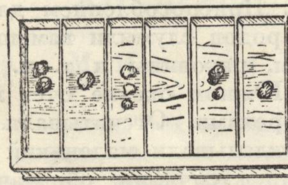
Но уже давно были и специальные приспособления для счета. Самым распространенным приспособлением для счета у народов, которые уже достигли известной степени культуры, был абак.

До сих пор не удалось точно установить, когда абак появился впервые. Некоторые ученые говорят, что слово «абак» произошло от слова, которое у семитических народов означает пыль, прах, песок. Другие ученые производят слово «абак» от греческого слова «доска, стол». И, действительно, судя по описаниям, существовали различные абаки. Некоторые абаки состояли из доски, покрытой цветным песком и разделенной на столбцы вертикальными полосами. На таком абаке можно было записывать числа и стирать написанное, как на грифельной доске.

Песочный абак. В первой строке греческими знаками написано число 2 014 103, во второй — римскими — 350 627, в третьей — арабскими — 7 013 094.

Другой вид абака состоял из простой доски, разделенной на столбцы. Первый столбец обозначал единицы, второй — десятки, третий — сотни и т. д. Древний историк Геродот писал, что египтяне считают камешками, ведя рукой справа налево, а эллины (греки) водили рукой слева направо.

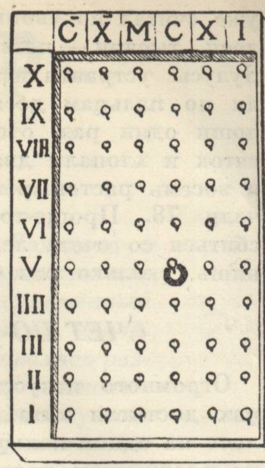
Абак с камешками. У греков это расположение камешков обозначало 2 130 210, у египтян — 120 312.

Один и тот же камешек можно положить в первый столбец — тогда он обозначает единицу, и в шестой столбец — тогда он обозначает сотню тысяч. У греков было изречение, которое приписывают древнему мудрецу Солону. Оно говорит, что человек, который дружит с тиранами, подобен камешку при вычислении, значение его бывает иной раз большое, иной — малое.

Постепенно абак совершенствовался. В 1846 году при раскопках на острове Саламине был найден большой мраморный абак. Этот абак был длиной в 160 и шириной в 70 сантиметров. В абаке этом были отдельные столбцы для счета целых чисел и отдельные для дробей.

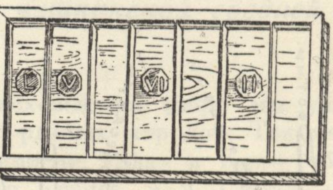
Были абаки с колышками, на которые надевались кружочки. Такой абак не найден, но, по описанию древних историков, мы его можем себе представить таким:

Римляне делали абаки с прорезями, в которых двигались пуговки. Такой абак похож на китайский, который назывался «суанпан». Китайцы делали свой абак из рамки, на которой были натянуты нитки с пуговками. Наши счеты, вероятнее всего, заимствованы у китайцев.

Абак с колышками.

Постепенно вместо камешков, пуговок и гладких жетонов на абак стали класть марки, на которых были написаны цифры.

Абак с марками, дающими число 5 507 020.

КАК ИЗМЕНИЛИСЬ ЦИФРЫ

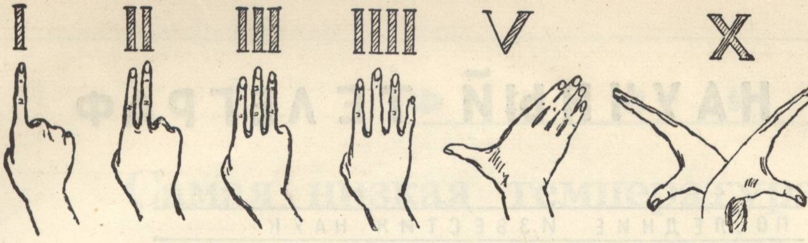
Какие же цифры существовали у древних народов?

Нам известно, что китайцы знали цифры еще за 4500 лет до наших дней. Эти цифры состояли из горизонтальных и вертикальных палочек, а десять китайцы изображали кружочком, вроде нашего нуля. Но китайцы жили обособленно и можно утверждать, что их цифры не были переняты другими народами.

У халдеев, которые жили по рекам Тигру и Евфрату, цифры были похожи на клинья. Их выдавливали на глиняных плитках.

У греков, евреев, славян цифрами служили буквы, расположенные в алфавитном порядке.

У римлян были уже цифры. Цифр у них было всего семь. Нужные им числа римляне изображали путем комбинации этих семи цифр. При этом они пользовались и сложением и вычитанием. Например «XI» у римлян обозначало «II» (а ес-

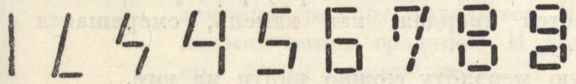

Изображение римских цифр связано со счетом по пальцам.

ли палочка стояла слева — «IX», читали «9», т. е. цифра «10» уменьшалась на единицу.

Самое изображение римских цифр, бесспорно, связано со счетом по пальцам.

Родина наших цифр — Индия. Некоторые исследователи пытаются доказать, что изображение наших цифр произошло от расположения черточек. Одной чертой изображали единицу, в следующих цифрах было столько черточек, сколько в этих цифрах содержалось единиц.

Арабские цифры, составленные из отдельных палочек.

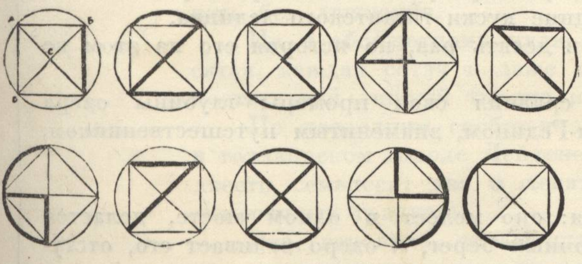
По мнению этих исследователей, постепенно для ускорения письма из этих отдельных черточек вырисовывались наши современные цифры. Эти предположения не имеют основательных доказательств. Интересно, что происхождение цифр между прочим занимало и Пушкина. В его дневнике мы находим такую запись:

«Форма цифр арабских составлена из следующей фигуры:

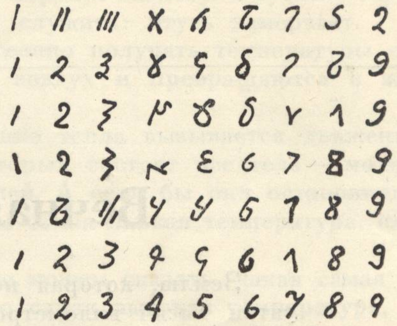
АД = 1
ЕАВДС = 2
АВЕСД = 3
АВД + АЕ = 4 и проч.

римские цифры составлены по тому же образцу».

До нас дошли изображения цифр, кото-

Так можно начертить все цифры по одной фигуре.

Изменения арабских цифр за семнадцать веков до 14 века нашей эры.

рые употреблялись в разное время индусами и арабами.

Как видите, наши цифры изменялись, и только в 14 веке нашей эры они стали такими, какие мы употребляем в наше время. Наши цифры носят название арабских. С этими цифрами, заимствованными у индусов, большинство европейских и азиатских народов познакомилось через арабов, которые вели торговлю с этими народами.

О НУЛЕ

Теперь о нуле. Как видите, мы не можем точно установить, как произошли наши цифры. Точно не знаем мы, почему нуль стали изображать кружком. Возможно, что прав писатель Ильин. Он говорит, что в древности на абак клали кружки и, когда стали считать на бумаге, пустой кружок обратился в кружок, нарисованный на бумаге — нуль (0).

Женя Разиков в № 1 «Пионера» так и написал, что точных данных о происхождении нуля нет. Он пишет, что некоторые ученые предполагают, будто кружочек нуля разросся и округлился из точки, которую раньше индусы ставили вместо нуля. Как видите, ни писатель Ильин, ни Женя Разиков никого не вводят в заблуждение, а рассказывают о различных предположениях о происхождении нуля.

Во всяком случае изобретение нуля было очень важно для развития счета.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

ГЕОГРАФИЯ

Вечная мерзлота на юге

Землю, которая не оттаивает никогда, находили на севере. На десятки тысяч километров протянулись в Арктике и в северных тундрах пространства, где солнце короткого лета только сверху разогревает почву. Немного копнешь — начинается твердая, как камень, смерзшаяся земля. Это и есть вечная мерзлота.

Никто не думал, что вечную мерзлоту можно найти на юге.

Когда совсем недавно профессор Керженевский открыл вечную мерзлоту в Таджикистане, вблизи озера Каракуль и в верховьях реки Нарына,— это поразило всех географов.

Озеро Каракуль и истоки Нарына лежат в горах. Но около них нет вечных снегов. И летнее солнце, стоящее высоко на небе, греет жарко. Откуда же взялась, как образовалась вечная мерзлота?

Профессор Керженевский стал исследовать вечномерзлые «пятна» вблизи Каракуля. В десятках мест он делал раскопки, упиравшиеся в огромные пласты подпочвенного льда.

И мало-помалу они ему рассказали о замечательной истории озера Каракуль. Озеро лежит в котловине, окруженной горами. Котловина похожа на чашку. Когда-то, много тысяч лет назад, во время ледникового периода, сплошной гигантский ледник доверху наполнял чашку — котловину.

Ледниковый период прошел, стало теплее. Ледник растаял. Там, где он лежал, образовалось гигантское озеро. Оно было в десять раз больше нынешнего. И на берегах этого озера, прикрытого обвалами, занесенного илом и песком, оставались нерастаявшие обломки ледника. Так под землей они сохранились и до наших дней.

Подпочвенный лед около озера Каракуля очень стар. Ему несколько десятков тысяч лет. Это последние куски гигантского ледника.

Самое озеро уменьшилось в десять раз, но история его на этом не кончилась.

Профессор Керженевский сравнил свои промеры глубины озера с промерами, сделанными Свен-Гедином, знаменитым путешественником, побывавшим тут в 1894 году.

Промеры не совпали.

Озеро продолжает меняться: оно мелеет в одном месте, делается глубже в другом. Оседает восточный берег, и озеро заливает его, отступая на западе.

Подземные силы в горной котловине все еще не успокоились: они продолжают работу.

Самая низкая температура

Самые большие морозы на земле достигают 60—70 градусов. О таких морозах говорят, что от них птицы мерзнут на лету. Ртутный термометр при таких морозах отказывается служить: ртуть замерзает.

В технике давно научились искусственно получать температуры еще ниже — такие, при которых сгущается воздух и превращаются в жидкость все другие газы.

Физики знают сейчас, что ощущение тепла вызывается движением невидимых, мельчайших частиц, из которых состоят все тела — молекулы. Чем скорее они движутся, тем теплей. А если бы они остановились, не было бы совсем тепла. Это и была бы самая низкая температура, ниже которой вообще не может быть.

Тепло замечательно тем, что мы не можем сказать, какая самая высокая температура. Вот мы решили, что самая высокая температура, положим,—миллион градусов, но молекулы могут двигаться еще быстрее, и температура еще подымется. Известны звезды с температурой в несколько миллионов градусов. И возможно, что где-нибудь во вселенной есть еще более горячие тела.

Словом, как говорят, верхнего предела температуры не существует.

А вот нижний предел есть совершенно определенный. Это полная остановка движения молекул. Поэтому такой предел и назвали абсолютным нулем.

Температуру можно сравнить с прямой линией, у которой есть один конец, а другого нет.

Даже точно рассчитали, что такое абсолютный нуль: это 273 градуса по Цельсию. 274 уже не может быть.

Для науки очень важно получить температуру, которая, насколько возможно, приближается к абсолютному нулю. Свойства всех вещей уже меняются, когда они помещены в температуру жидкого воздуха. Еще больше они меняются при температуре жидкого газа—гелия. Техники уже открыли, что при сверхнизких температурах совсем иной оказывается электропроводимость тел и это может сыграть огромную роль в развитии электротехники.

Сверхнизкие температуры помогут ученым гораздо полнее изучить вещество; открыть, может быть, законы, еще неведомые сегодняшней науке.

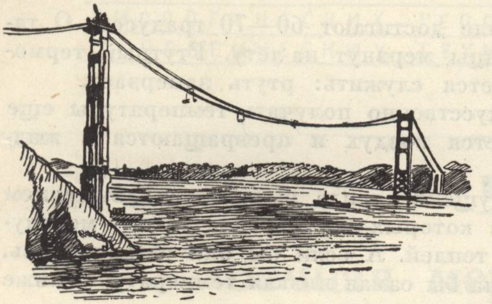
Правда, абсолютный нуль сам по себе недостижим. Невозможно совсем остановить всякое движение материи: материя не может существовать без движения.

Но к абсолютному нулю можно очень близко подойти. Каждая десятая, каждая сотая и даже тысячная градуса тут даются уже с боя, о достигнутой лишней тысячной пишет вся мировая печать.

По последним сообщениям, в знаменитой холодильной лаборатории в голландском городе Лейдене получена температура —272,9956° (минус двести семьдесят два и девять тысяч девятьсот пятьдесят шесть десятитысячных градуса).

Это, вероятно, самая низкая температура в мире. В междупланетном пространстве теплее на несколько десятков градусов. И вряд ли даже в тех частях вселенной, которые дальше всего от звезд — источников тепла — температура падает так низко.

Мост длиной 13 километров

Такой мост-гигант строят американцы через бухту около города Сан-Франциско. Это будет самый большой мост на земле. На рисунке видны тросы, прикрепленные к стальным башням. Такими башнями, словно гигантскими шагами, мост перешагнет бухту, протянувшись на 13 200 метров.

Самый мост подвесят к тросам. В нем будет два этажа. По дороге мосту придется пересечь гористый остров Верба Буэна, этот остров пробили туннелем, который тоже оказался самым большим в мире. Туннель, как и мост, делается, конечно, двухэтажным. Верхний этаж для легковых автомобилей. Тут они смогут проходить сразу по шесть в ряд. В нижнем этаже прокладываются два пути для метро, а рядом остается еще дорога, на которой поместятся сразу три грузовика.

Этот мост — одно из самых замечательных достижений современной техники. Он показывает, как много может сделать сейчас человек, подчиняя себе природу.

Разве можно было мечтать хотя бы десять лет назад о мосте через морскую бухту, поднятом на высоту небоскреба, да еще широком, как улица, да еще двухэтажном?

Дерево, которое не горит

Дерево — это строительный материал, который постоянно производится на заводах самой природы. Нужно делать цемент, кирпич, железобетон. А дерево «делается» само — в лесах.

Поэтому из дерева, в лесных местах, дешевле всего и удобней всего строить.

Но у дерева есть очень большой недостаток, который стоит доброй половины его достоинств: оно горит.

Страшные пожары уничтожали в средние века деревянные города Европы. В несколько дней сгорела деревянная Москва, занятая Наполеоном в 1812 году.

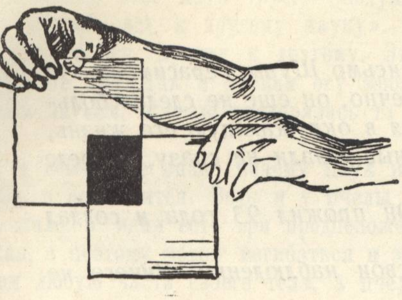
В деревянном доме опасность от огня всегда больше чем в каменном. Вот если бы сделать так, чтобы дерево не горело!

Но как может не гореть дерево?

И вот недавно получено сообщение, что огнеупорное дерево изобретено.

В Соединенных штатах нашли средство пропитывать дерево таким раствором солей, который делает его негорючим. Самое поразительное, что дерево, пропитанное таким раствором, делается негорючим уже навсегда.

Поляроид

Это стекло, сделанное из листов целулоида, пропитанных кристалликами одного соединения иода. И об этом целулоидном стекле, изобретенном бостонским ученым по фамилии Эленд, сейчас пишут в десятках научных и популярных журналов во всем мире. Это стекло обладает особым, чудесным свойством: свет, прошедший через него, становится поляризованным.

Что это значит? Если бы вы посмотрели через целулоидное стекло «поляроид», вам бы сперва показалось, что это ничего не значит: и небо, и люди, и деревья, и дома — все бы вы увидели таким же, как всегда.

Но вот вы ночью едете в автомобиле со стеклом из поляроида. Все шоферы знают, как ослепляют фары встречных машин. Но вам навстречу по людной улице катятся десятки машин с черными фарами!

Вы видите свет внутри этих машин. Значит, батареи работают. Неужели все шоферы, как сговорились, забыли зажечь фары и милиционеры не останавливают их?

Но вот, приглядевшись, вы замечаете резкие полосы света, пробегающие по асфальту, по фигурам людей на тротуарах: фары горят. Вы видите все освещенные ими предметы, но вы не видите самих фар!

Окна вашего дома застеклены поляроидом. Вы видите улицу, людей, машины, дом напротив. Но что с окнами этого дома? Они словно заклеены черной бумагой. Черная бумага в такой ясный, яркий день! Может быть, несчастье? Вы идете выяснить. Звоните, входите в квартиру, но в ней так же светло, как и в вашей. Вы подбегаете к окнам и снова видите улицу, людей, стены — видно все, кроме стекол вашего дома, оклеенных черной бумагой!

Оказывается, что окна у соседей также застеклены поляроидом. Как часто бывает, что соседи, живущие друг против друга через узкую улицу, видят все, что делается в комнатах друг у друга. Но когда окна начнут застеклять поляроидом, это станет невозможно.

В чем же дело?

Из физики известно, что свет состоит из волн и волны света колеблются по всем направлениям. А волны поляризованного света могут колебаться только в одном направлении, в одной плоскости.

Для глаза тут разницы нет. И через простое стекло поляризованный луч пройдет. Но допустим, что все волны поляризованного луча колеблются горизонтально. А на пути их встречается вещество, которое поляризует свет в вертикальной плоскости. Тогда поляризованный луч не пройдет через это вещество, как будто бы оно непрозрачно.

Это можно сравнить с тем, как если бы хотели открыть замок неподходящим к нему ключом.

Фары машин были застеклены поляроидом, который «выравнивает» световые волны в другой плоскости чем стекло перед шофером. Вот почему фары казались потухшими.

Это два случая применения поляроида. А таких случаев уже насчитывают 800!

ПОЧТА

Сегодня мы помещаем в отделе «Почта» письмо Шуры Герасимова. Он написал о своих наблюдениях над пауками. Конечно, он еще не сделал больших открытий. Но Шура пытливо всматривается в окружающую его жизнь, а это — самое главное. Ведь все открытия ученые делали не сразу, а после долгой, серьезной работы.

Во Франции жил один учитель — Фабр. Он прожил 93 года и создал целую науку о насекомых.

С утра и до позднего вечера делал он свои наблюдения. Ничего не ускользало от него. Он был очень настойчив.

Однажды он захотел узнать, как вылупляются сверчки из яиц. Яички сверчков были так малы, что Фабру пришлось вооружиться лупой. Целый час он сидел с лупой и дожидался, когда сверчки начнут вылупляться. Вдруг он заметил, как в яичке сделал дырку и вышел из нее сверчок. Он продолжал наблюдения. Оказалось, что в скорлупе яйца есть крышечка. Сверчок изнутри толкает ее и через маленькую дырку вылезает на волю.

В другой раз Фабр пошел в овраг наблюдать за сфексом. День был жаркий, и солнце очень припекало.

Но Фабр не уходил домой. Между тем сфекс летал, но на землю не садился. Фабр просидел в овраге до темноты, но в этот день его наблюдения над сфексом не удались. На другой день он снова пошел на розыски сфекса и очень много дней наблюдал за сфексом, пока хорошо не изучил его жизнь и повадки.

И всю свою жизнь Фабр так терпеливо и настойчиво изучал жизнь насекомых, пока не создал об этом целую науку о насекомых.

Многие ребята мечтают стать учеными. Но у некоторых иногда не хватает терпения до конца делать свои наблюдения. Из таких ребят вряд ли выйдут настоящие ученые.

Пауки

Письмо Шуры Герасимова

Ленинградская область, Парфино, Комсомольская ул., д. 99.

В это лето было очень много пауков. Все уголки в доме, где мы редко бывали, были сплошь заплетены паутинами.

Меня они очень заинтересовали, и я стал наблюдать за пауками и устраивать разные опыты.

Прежде всего я хотел так откормить паука, чтобы он сделался величиной с навозного жука. Чтобы он не об'едался, я решил давать ему только пять мух в сутки. Я думал, что, с'ев пять мух, он сразу станет толще. Как только он с'ел всех мух, я посмотрел на паука, а он почти такой же остался, только чуть-чуть потолще стал. «Что ж, — думаю, — такое? Как он мог сделать, что целых пять мух уместились в нем, а он не потолстел? Ведь не успел же он за такое короткое время переварить их?»

Потом я посмотрел туда, где лежали мухи, и увидел, что мухи лежат там же, только немного попорчены. Оказывается, паук высасывает только внутренности, грудь, голову, а кожу, ноги и крылышки оставляет.

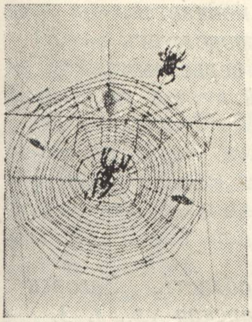
Я решил испытывать паука дальше. Я пустил в паутину пчелу. Я думал, что с пчелой паук не сможет справиться; ведь она очень сильная, да притом у нее есть жало — может и защититься. Но паук не испугался пчелы, подбежал к ней, закутал ее в паутину и стал есть как простую муху.

В это время мне попалась на глаза оса. Я

с большим трудом поймал ее и пустил в паутину. Паук сначала побежал к ней, подошел поближе, но тут же вернулся обратно. Оса в это время вырвалась из паутины и полетела к окну, которое было закрыто.

«Наверное, этот паук трус, — подумал я. — Надо пустить осу к другому пауку». Я опять поймал эту осу, пустил к другому. Этот тоже убежал от осы. Так я пускал осу много раз к разным паукам, и везде повторялась та же история.

Я и сейчас не знаю, почему паук не боится пчелы, а осы боится. Ведь и у пчелы и у осы есть жало. У меня есть три предположения: оса тонкая, а поэтому может изгибаться и защищать жалом любую часть своего тела, а пчела может защищать только заднюю часть; мясо осы невкусное и не может идти в пищу пауку; паук, которому я дал пчелу, оказался очень смелым, смелее других пауков, да притом очень голодным, а поэтому не побоялся жала пчелы. Но какое из этих предположений правильное, не знаю.

Я решил устроить бой пауков и посмотреть, как они дерутся. Для этого я бросил одного паука в чужую паутину. Хозяин паутины был больше и сильнее. Он схватил этого паука, без всякой борьбы окутал паутиной, как муху, и выбросил вон из своего гнезда.

Я еще раз сделал то же самое, но здесь получилось гораздо интереснее. Поэтому я подробно опишу этот случай.

Однажды я напустил пауку несколько мух. В это время мне на руку откуда-то свалился другой паук: страшный, лапы длинные, длинные, а туловища почти нет: очень уж отощал. Я его сбросил. Он повис в воздухе на паутине, которую прикрепил к моей руке. Мне пришла в голову мысль посадить его в паутину к тому пауку, которого я откармливал только что. Бросил я его, и он случайно сел прямо на муху, пойманную тем пауком. Я думал, что он сейчас будет ее есть, но он посидел немного и пополз к центру паутины, где сидел ее хозяин.

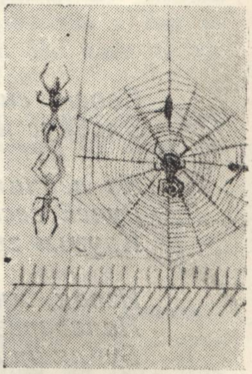
Я уже говорил, что ноги у этого паука были длинные. Он ударил передней лапой «хозяина» в голову. Тот побежал прочь из паутины. Прижался в углу и сидит. Победитель сел на чужую паутину и начал сосать чужих мух. В это время я пустил в паутину другую муху. «Победитель» побежал ее ловить, а «хозяин», воспользовавшись случаем, опять водворился на свое прежнее место. «Победитель» снова прежним способом выгнал «хозяина» из паутины. Когда я пустил снова муху в паутину, «победитель» стал уже умнее. Он не побежал за ней, а остался сидеть на месте. Я много раз пускал мух, но ни разу он не побежал за ними. Когда был с'еден весь запас мух, «победитель» ушел прочь. К этому времени уже наступила ночь, и я лег спать.

Когда я утром проснулся, «хозяин» сплел уже другую паутину, рядом с прежней. Прежняя еще вчера была разорвана мухами. «Победитель» сидел просто на стене.

В это время к месту действия подошел третий паук, такой же величины и такой же тощий, как «победитель». Он, наверное, хотел здесь плести свою паутину. Но его увидел «победитель». Они повернулись друг к другу и стали медленно приближаться. Здесь у меня даже захватило дыхание — сейчас будет паучий бой по собственной воле! Схватка была короткая: несколько раз они ударили друг друга по лапам, потом «победитель» ухитрился ударить пришедшего по голове, и последнему пришлось с позором бежать с поля битвы.

Через некоторое время опять приблизился паук, — не знаю, тот ли, которого «победитель» прогнал, или другой, но только такой же длинный.

Пауки несколько секунд стояли друг против друга, потом, как и в первый раз, начали медленно приближаться. Подконец они прыгнули и опять стали передними лапами колотить друг друга. Силы оказались почти равными. Бились они порядочное время. Сначала оба били друг друга по лапам, потом «пришелец» ударил своего противника по голове. Но «победитель» оказался крепким и смелым пауком. Он не побежал, а смело продолжал бой и снова победил.

«Победитель», видно, сильно проголодался. Он решил прогнать «хозяина», который во все время битв сидел спокойно на паутине и сосал мушек. Но дорога к паутине у «хозяина», должно быть, была очень искусно заделана, потому что «победитель» попал на нее, свесившись с потолка. «Хозяин» сдался без боя. После всех неудач «хозяин» совсем ушел в другое место. А «победитель» так и остался победителем.

Длина паутины очень велика. Я хотел узнать

это, наматывая паутину, выпускаемую пауком, на книжку. Для этой цели паука я взял очень маленького паука величиной с булавочную головку, и то не удалось добраться до конца паутины. Я думаю, что пауки способны выпускать паутину до тех пор, пока сами почти не уничтожатся.

Муху паук окутывает такой же паутиной, только выпускает ее сетью, по нескольку паутин в ряд. Чтобы муха не разорвала эту сеть, паук впускает ей в голову особый парализующий яд. Под влиянием этого яда муха не может двигаться, но остается жива.

Мы показали письмо Шуры Герасимова научному сотруднику Зоологического музея тов. Желоховцеву, и вот что он сказал нам:

— Наблюдения Шуры верны. Он очень хорошо сделал, что устраивал сам опыты над пауками, а не только наблюдал. К сожалению, Шура не выяснил и не написал, что это за пауки. Он должен был прислать в редакцию в коробочке засушенного паука. Тогда можно было бы точно ответить на все его вопросы. Вероятно, пауки, которые дрались, — самцы. Обычно самцы бывают очень худыми.

Предположения Шуры о том, что пауки боятся ос, а пчел не боятся, неверны. Во-первых, пауки питаются осами, а во-вторых, пчела, как и оса, может жалить в любом направлении.

Вероятнее всего, оса, которую Шура бросил в паутину, была очень сильная и быстро разрывала ее.

Неверно также шурино мнение о том, что «паук может выпускать паутину до тех пор, пока сам не уничтожится». У паука есть паутинные железы, и выделение паутины прекращается, когда запас этих желез кончается.

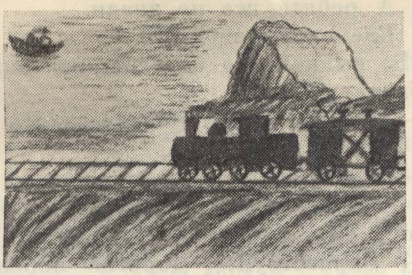
Вот основные замечания. Очень хорошо, если Шура будет продолжать свои наблюдения. Ведь все открытия обычно бывают результатом серьезных и долгих наблюдений, и их делают часто люди разных профессий.

Кавказ

Стихи Сережи Пахомова.

Московская область, Загорск.
1-я Пролетарская ул., д. 3.

Своею снежною вершиной
Эльбрус над цепью гор
сверкал,
Из ледника его игриво
Ручей веселый вытекал.
Кругом громады гор
теснились,
Играя, мчался ручеек...
Наперерез ему стремился
Бурлящий пеною поток.
Столкнулись. Вспенилися
воды,
Как будто бы вступили в
бой,
Но цель одна, одна дорога—
Не лучше ль слиться им
с волной?
И вот слились, как брат
с сестрой,
Два резвых горных
ручейка,
И вот бежит, кипя волной,
Теперь уж горная река.
А на пути ее встречают
Другие речки и ручьи,
И волны быстрые сливают
С волной бушующей реки.
И тесно, тесно ей
в ущелье—
Скорее вниз, там ждет
простор,
Там ширь степей, лугов
приволье,
Цветов ласкающий ковер.
Вот выход найден. Из
стремнины
Вдруг вырывается река
И, разливаясь по долине,
Течет счастлива и горда.
По берегам ее станицы,
Сады, поля и хутора
Бегут веселой вереницей;
Пасутся пестрые стада.

Первый день в лагере

Письмо Кости Лебедева,

Азово-Черноморский край, ст. Лабинская, ул. Сталина, д. 15.

В начале лета наш отряд поехал в лагерь на берег Черного моря. Я тоже поехал. Я был в отряде горнистом. Все ребята звали меня «Жук», потому что у меня черные волосы и весь я очень смуглый.

Мы ехали всего одни сутки... Почти все время смотрели в окна.

Скоро мы увидели спокойное голубое море. По морю далеко от берега шел пароход. Сначала мы подумали, что он приближается к берегу, но он с каждой минутой уходил все дальше и дальше и, наконец, совсем исчез.

Ночью мы спали все очень крепко, пока дежурный не разбудил нас. Когда мы вышли из вагона, уже светало.

На станции Уч-Дере было тихо, никаких домов не было, только стояла маленькая сторожевая будка, а за ней начинался лес. Вдруг мы услышали какой-то странный вой. Как будто человек одновременно плакал и смеялся.

— Может, это сумасшедший? — робко сказала одна из девочек.

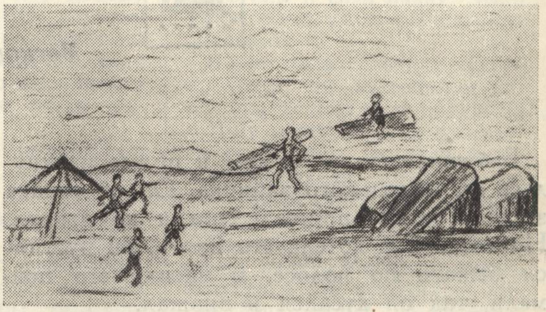
Страшный хохот и вой продолжались. Нам стало очень жутко. Только потом, когда уже поселились в лагере, мы узнали от местных жителей, что здесь водятся шакалы, которые воют ночью и рано утром.

Лагерь наш находился на горе, и мы пришли туда не скоро. В этот же день мы расчистили и сделали площадку для волейбола и других игр. Спать мы легли под открытым небом: было очень тепло.

На другой день мы устроили открытие лагеря. После завтрака пошли к морю. Море от лагеря находилось на расстоянии одного километра. Когда ребята стали переходить полотно железной дороги, вожатый сказал:

— Ребята, смотрите!..

Мы были от моря шагах в 30 и увидели, как недалеко от берега резвились в воде дельфины. Раздеваясь, мы долго смотрели на дельфинов. Волны тихо бились о берег и о камни, выступавшие из-под воды. Некоторые ребята нашли у полотна железной дороги дощечки в полтора метра длиной, на которых можно было плавать. Мне и Феде тоже захотелось поплавать на таких «пароходах», но у нас их не было. Тогда мы решили пойти на поиски. Мы пошли по берегу моря. На пу-

ти нам встретились громадные камни. Вероятно, они были сброшены с гор во время движения ледника. Мы шли по направлению к станции Лоо.

— Ой! — вдруг громко закричал Федя. Я к нему быстро подскочил. Он был немного бледен.

— Чего ты?

— Змея...

— Где?

— Полезла вот сюда, под камень... Только я хотел переступить через этот камень... Чуть не наступил на нее. Она на меня как зашипит, я даже вздрогнул.

— Ну ладно, пойдем быстрее, — сказал я, очень довольный, что ничего не случилось. Не доходя до станции, мы увидели большие щепки от бревен и маленькие доски. Мы выбрали себе самые большие и удобные доски, опустили их в воду и поплыли на них к ребятам. Волнение на море с каждой минутой увеличивалось. Нам было приятно плыть, подпрыгивая на волнах. Сначала мы удалялись все

дальше и дальше от берега, потом повернули доски к берегу и стали плыть к тому месту, где купались ребята.

— «Жук», смотри... Чего это они там бегают, не утонул ли кто? — сказал Федя.

На берегу, действительно, бегали ребята и, видно, волновались. Мы быстро подплыли к берегу.

— Они! Они!!! — доносились голоса с берега. Оказывается, это искали нас.

Тогда мы запели сочиненную нами песню:

«Море в ярости стонало,
Волны бешено рвались.
А ребята все не знали,
Где скрывались «Жук» и я».

Мы вылезли на берег, и нас окружили ребята.

— Где вы были? — раздавались вопросы со всех сторон.

— Катались.

— А здесь все думали, что вы утонули...

— Здравствуйте, дорогие мореплаватели! За ваше великое путешествие награждаетесь оба по наряду: завтра на кухне будете дежурить, — сказал вожатый.

Все стали смеяться, и мы отправились в лагерь.

Как убежал заяц

Письмо Юры Золотова,

Московская область, Коммунистический район, дер. Бортниково.

Бабушка шла по пашне и прямо наткнулась на маленького зайчика. Он от страха закрыл глаза, прижал уши и не дышал. Но когда она хотела его взять, он пустился бежать по полосе, и насилу его поймали, так он кусался и визжал.

Зайчика принесли домой. Я посадил его под плетушку дал молока, но он, видно, и пить еще не умел. Так он сидел до вечера.

Когда подоили корову, я налил еще молока, ткнул его носом в блюдечко, но он не пьет.

Бабушка сказала: «Возьми палец и окуни в молоко, он и будет сосать». Я так и сделал, зайчик жадно стал сосать мой палец. Видно, он проголодался. На другой день я поставил плетушку на дворе и пустил в нее зайчика. Он хорошо погулял за день. Я принес ему березовых веток, и он ел листья с большим аппетитом. Так прошло несколько дней.

Раз я ушел из деревни погулять в лес. Пришел, смотрю, а зайчика моего нет. Убежал. Я погоревал, погоревал, пошел его искать. Да разве найдешь: не зима ведь на дворе, наверно, в лес убежал. Так и не нашел.

Под вечер слышу на улице кричат: «Заяц!», «Заяц!», «Лови его!» Я выбежал на улицу. Гляжу: мечется мой серый, скачет по усадьбе, а за ним человек десять бежит

... Бежит заяц по улице...

Ну, думаю, раздавят сейчас его.

Побежал туда. А зайца прижали к огороду, и бежать ему некуда.

Я его взял и положил в корзинку. Налил в блюдце молока: «Пей, Магеллан».

Но он, видно, очень уж испугался: сидит и дрожит. Два дня он так голодал. Но потом стал пить молоко и есть морковку.

Он подрос, стал больше кушать и никуда больше не бегал.

Но как-то раз вечером я выпустил его погулять, а сам держу его за спину. Но «Магеллан» вдруг сильно рванулся, я от неожиданности растерялся и не удержал его.

Он быстрее стрелы помчался по усадьбе в лес. Так и удрал. Мне его не очень жалко: пусть его в лесу живет.

В горах

Письмо Клементия Махалдиани

Грузия, Амролаурский район, дер. Хванчкары.

Наша деревня Хванчкары расположена недалеко от Шови. До Шови можно доехать на автобусе, а потом верхом на конях. Местность вокруг Шови и нашей деревни очень скалистая. На вершинах скал лежит белый снег. Это очень странно: наверху — снег, а внизу — яркие, душистые цветы.

Однажды мой товарищ Нове пришел ко мне домой и говорит:

— Пойдем на гору. Там не жарко и можно собрать много орехов. А к вечеру вернемся.

Я согласился, мы собрали еще ребят и пошли.

Подниматься на скалу легче, чем спускаться вниз. Сначала мы шли хорошо, Нове (он самый старший) шел впереди и помогал нам взбираться.

Дошли мы до середины горы, а дальше нет дороги. Что тут делать? Вниз спуститься нельзя: гора вся в камнях, а они гладкие, уцепиться не за что, и все катится из-под ног. Мы еле-еле, ползая на четвереньках, нашли какой-то след, который проходил между камней.

Когда мы поднялись на гору, уже темнело. С вершины был виден весь Кавказский хребет. На самой вершине горы была поляна, ее обступал лес.

На полянке лежало стадо оленей. Только один олень не лежал, а ходил вокруг стада. Наверно, это был главарь. Как только он почуял нас (увидеть он не мог, потому что мы были скрыты ветками деревьев), он пронзительно засвистел. Все олени вскочили на ноги и быстро скрылись в лесу. Бегают они очень быстро и красиво.

Мы погуляли немного и стали спускаться. Небольшая речка Рещеули стекала со скалы. В ней водится очень много форели. У нас в деревне многие ловят рыбу так: в небольшой ручей, где водится много рыбы, бросают известь и лавровый лист. Вода тут же закипает, и рыба сваривается. Но так можно всю рыбу уничтожить.

Рядом с нашей деревней есть большой сосновый лес Гадахма.

Посредине этого леса — колхозные поля. Там растет кукуруза. Каждую ночь колхозники поочереди ходили сторожить эти поля, потому что медведь любит кукурузу и часто приходит за ней.

Как-то ночью наступила очередь моего отца сторожить эти поля. Я пошел вместе с ним и взял палку. Было уже поздно. Луна скрылась за облаками.

Вдруг папа услышал какой-то треск. Он подтолкнул меня. Мы вскочили и побежали к тому месту, откуда слышался треск. Мы увидели большого медведя, который лежал посредине поля и преспокойно ел кукурузу.

Мы громко закричали, и я кинул палку. Медведь, видно, испугался. Он вскочил, и, когда луна вышла из-за облаков, мы увидели, как он бежит в лес.

Что это за марки?

Я очень люблю собирать марки. У меня уже большая коллекция — 1100 штук. Гордость моей коллекции — марка Абиссинии и марки острова Нью-Фаундленда. Я посылаю вам две марки и прошу об'яснить, что на них изображено и какой они страны.

Коля Гукленгоф

Москва, 21,

Оболенский пер., д. 9-а, кв. 61.

Эта марка была выпущена в 1926 году в Литве. В этом году Литва праздновала десятилетие независимости. Поэтому в углу марки нарисована цифра X. А рисунок, вероятно, должен изображать освобожденного человека.

Обратите внимание, ребята, на черную надпись сверх марки. Там написано: «Германия — Австрия». Эта марка была выпущена Австро-венгерской империей в 1916—1918 году, а когда в 1919 году в Австрии была провозглашена республика, поверх старой марки сделали эту надпись.

БИОСКОП

или разные сообщения о вещах, крупных и мелких, известных и неизвестных, видимых и невидимых.

●

Обезьяна, покрытая мехом изумительной красоты, водится в недоступных, высокогорных лесах Абиссинии. Вся она бархатисточерная, по бокам — сверкающая грива, и пышный белый султан на хвосте. Ее зовут шелковистой обезьяной, или гуерецой. В Гондаре, прежней абиссинской столице, за шкуру гуерецы давали пять овец. Но убить ее нелегко. Она никогда не спускается на землю с вершин деревьев, и пища ее — листья, почки и ягоды гигантского можжевельника. Путешественник Шимпер пробовал подкрасться к ней, но она умчалась с необычайной скоростью, причем боковая грива развевалась, как плащ, вокруг ее черного тела. «Она похожа на бедуина, мчащегося в белом бурнусе на вороном скакуне»,— говорит Шимпер.

●

Кашалота, голова и спина которого была сплошь покрыта каким-то твердым панцырем, убили года два назад на Дальнем Востоке. Оказалось, что десятки тысяч мелких ракообразных вгрызлись в его кожу. Эти крошечные раки — грозный враг самого большого животного на земле, кита. Китобои уверяют, что киты и кашалоты иногда плывут через все моря — от Арктики до Антарктики, чтобы быстрой сменой полярного холода и тропического зноя прогнать раков-паразитов. Один охотник на китов даже видел, как кит терся о береговую скалу совершенно так же, как корова, мучимая оводами, трется о забор.

●

Когда созреют плоды на деревьях парментьерах, леса на Панамском перешейке кажутся увешанными тысячами метровых восковых свечей. Каждое дерево напоминает свечную лавку. Пачки желтых свечей растут даже не на молодых побегах, а прямо на стволе и толстых ветвях. Поразительнее всего, что свечи эти и в самом деле наполнены растительным жиром. Население освещает ими свои хижины и кормит ими скот. К сожалению, «свечная торговля» в панамских лесах продолжается недолго — всего несколько недель.

●

Есть животные, никогда не перестающие расти: например белуги и осьминоги. Чем старее белуга или осьминог, тем они больше. Но самых старых и самых огромных осьминогов люди еще никогда не видели живыми, только много раз находили выброшенные морем гигантские щупальца. Однажды у берегов... Англии рыбаки поймали оторван-

ное щупальце 10 метров длины. Но кто мог победить страшного хозяина этого щупальца? И где жил этот хозяин? Ученые думают, что всплывшие щупальца — следы подводных битв кашалотов с чудовищными спрутами. Они никогда не покидают больших глубин. Осьминоги, которых ловят люди,—карлики по сравнению с этими древними гигантами, каждому из которых, может быть, не одна сотня лет. И, пожалуй, лучше, что осьминоги-старики любят подводный мрак и людям не приходится иметь с ними дела.

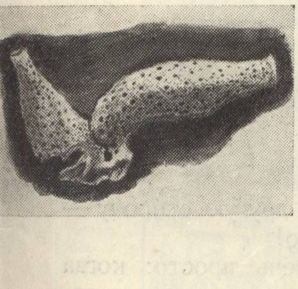
●

Странные птицы-строители живут в Австралии и на Новой Гвинее. Их необычайные сооружения назвали в науке «увеселительными птичьими беседками», а самых птиц — «беседочницами». Самцы одной из них, «ньютоновой беседочницы», ростом с дрозда, оплетают стволы двух соседних деревьев зелеными ветками и украшают ветки белыми орхидеями. Цветочными гирляндами самцы «беседочницы» стремятся привлечь внимание самки так же, как самцы соловьев — пением, самцы павлинов — пышным хвостом и самцы райских птиц — ярким оперением. Но птиц-строителей нет нигде кроме Австралии и Новой Гвинеи. Это понятно: строить можно тогда, когда никто не мешает, а как раз в этих странах у птиц нет почти никаких врагов.

●

Есть трава с листьями в 1,5 метра ширины. Это гуннера. Она похожа на огромный лопух. Человек, стоящий рядом с гуннерой, кажется мальчиком-с пальчик, который мог прятаться под листьями на лугу. Родина гуннеры — Чили. Но семена этой травы-великана давно развезли по всем ботаническим садам мира. Поразительное зрелище представляет гуннера на обычном газоне. Она напоминает фантастические травы из романа Уэлса «Пища богов», невероятно большие, потому что их поливали чудесным раствором, заставляющим все вырастать в десятки раз.

●

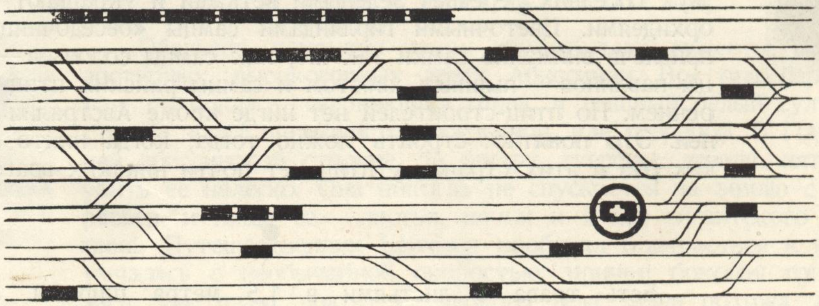
Целые вороха странных предметов подымали со дна морей сети глубоководной экспедиции Челленджера. Тут были какие-то кубышки и кувшины, стволики карликовых сосен, вазы с цветами, наряды со шлейфами. И все это было сплетено из тончайших кружев, очень ломких и хрупких будто сделанных из стеклянных нитей.

Предметы казались мертвыми. Даже за водоросли их нельзя было принять. Но тем не менее это были самые настоящие животные — глубоководные стеклянные губки. Внимательно изучив их, нашли внутри них камеры. На стенках камер постоянно двигаются реснички. Они создают тихий ток воды через пористое тело губок. Вода приносит с собой мельчайшие частички, остатки живых существ, водящихся в верхних слоях воды. Этими частичками, дождем падающими в глубину, на дно, и питаются животные, ютящиеся в вечном мраке и словно сделанные из стеклянных кружев.

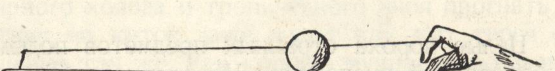
Загадки, задачи, игры и фокусы

На станционных путях

На станцию Борки прибыл скорый поезд. Остановился он всего на 5 минут. За это время надо прицепить к нему санитарный вагон, который стоит на шестом пути (вагон в кружке). Сделать это можно было бы очень легко, да вот беда: на его пути стоит много вагонов. Передвигать их нельзя, так как времени на это не хватит.

Отыщите путь, по которому надо двигать санитарный вагон. Да только поскорей, а то через пять минут поезд уйдет!

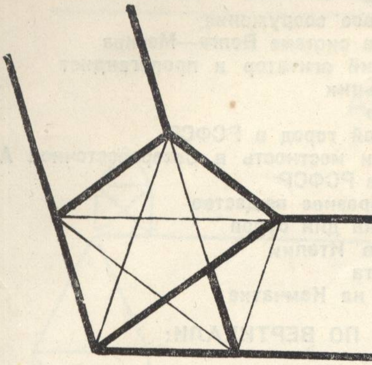
Волшебная палочка

Возьмите небольшую палочку (70 — 75 сантиметров, и об'явите своим товарищам, что она волшебная. Они, конечно, не поверят и захотят посмотреть ее. Дайте, пусть посмотрят.

После этого, забрав палочку, влезьте на стол, выньте из кармана мячик от пинг-понга и поставьте его на палочку. Ко всеобщему удивлению, мячик не упадет. Наклоните слегка палочку — мячик покатится, наклоните палочку в другую сторону — мячик покатится обратно!

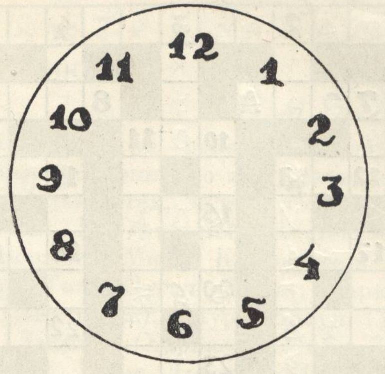
Фокус об'ясняется очень просто: когда вы лезете на стол, то незаметно для товарищей втыкаете в один конец палочки заранее приготовленную булавку, к которой привязана нитка (под цвет обоев в комнате). На втором конце нитки — петелька. Проденьте в нее палец и натяните нитку. Теперь мячику некуда падать: он стоит на палке, а сбоку его поддерживает нитка!

Пятиугольник

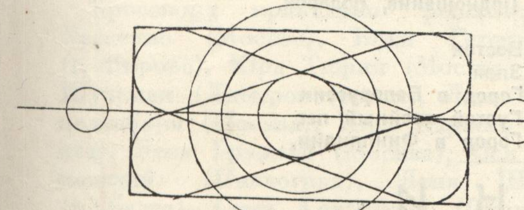
Можно без циркуля и линейки построить правильный пятиугольник. Вырежьте полоску бумаги с параллельными краями и завяжите узел, как показано на нашем рисунке.

Как это сделать?

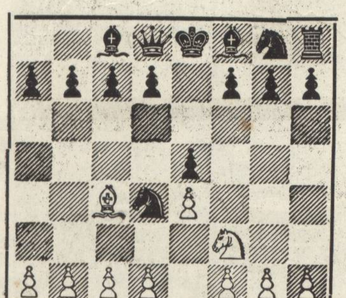
Двумя прямыми линиями разделите циферблат часов на три части так, чтобы в каждой из частей сумма цифр была одинакова.

Замысловатая фигура

Не правда ли, сложная фигура? Пожалуй, трудно начертить такую... Но еще труднее начертить фигуру одним росчерком, не отрывая карандаша от бумаги и не проводя по одной линии дважды. Однако сделать это можно. Попробуйте.

Наказанная жадность

В одной партии, после ходов 1. e2—e4; e7—e5, 2. Kg1—f3; Kb8—c6, 3. Cf1—c4; Kc6—d4, получилось положение, изображенное на диаграмме.

Да, мы забыли сказать, почему на «a8» нет ладьи. Дело в том, что черными играл непобедимый чемпион пионерского лагеря и он дал своему противнику эту самую ладью фору.

После третьего хода черных Kc6—d4 противник удивился и обрадовался: чемпион лагеря явно зевнул пешку «e5». Белые взяли ее: 4. Kf3 : e5. А черные ответили ходом: 4... Фd8—g5.

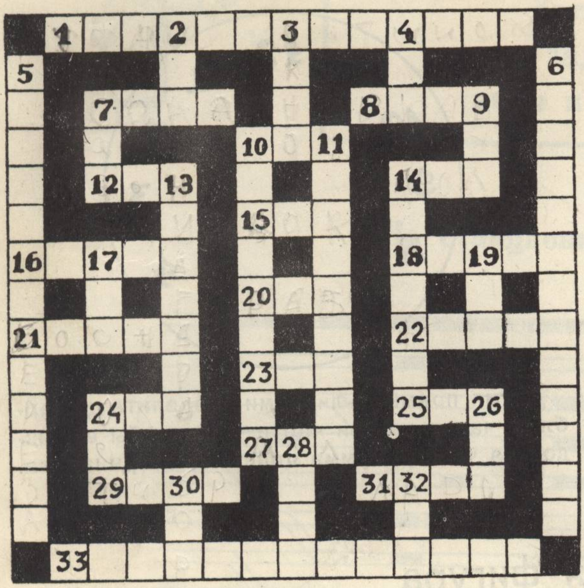
Чемпион прозевал вторую пешку, на «7» и качество!? Ну и чемпион...

И действительно, белые побили пешку: 5. Ke5 : f7, угрожая одновременно конем: ладье и ферзю.

И тут произошло нечто непредвиденное: белые получили мат в три хода!!!

Найдите, как это произошло, и определите, где Коля сделал решающую ошибку.

Кроссворд

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Город на Урале
7. Река во Франции
8. Приток Оки
10. Птица
12. Река в РСФСР
14. Часть жилого строения
15. Портовое сооружение
16. Река в системе Волга—Москва
18. Великий агитатор и пропагандист
20. Невольник
21. Дерево
22. Краевой город в РСФСР
23. Река и местность в Северовосточной Азии
24. Река в РСФСР
25. Газообразное вещество
27. Стоянка для судов
29. Река в Италии
31. Планета
33. Город на Камчатке

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Река в Польше
3. Принадлежность всякой комнаты
4. Пастбище
5. Город на Украине
6. Участок знаменитой шахты
7. Группа фруктовых деревьев
9. Поселок (на Кавказе)
10. Город в Средней Азии
11. Город на Урале
13. Водопад в Северной Америке
14. Историческое место боев в 1920 году
17. Число.
19. Подношение, подарок.
24. Восток
26. Злак
28. Город в Белоруссии
30. Густой хвойный лес
32. Город в Финляндии.

КРУЖКИ

Вырежьте из картона 8 кружков уменьшающегося диаметра. В середине каждого кружка сделайте отверстие. Кроме того устройте 3 стойки из круглых палочек.

Все кружки наденьте на палочку «А».

Всю башню нужно перенести с палочки «А» на палочку «В».

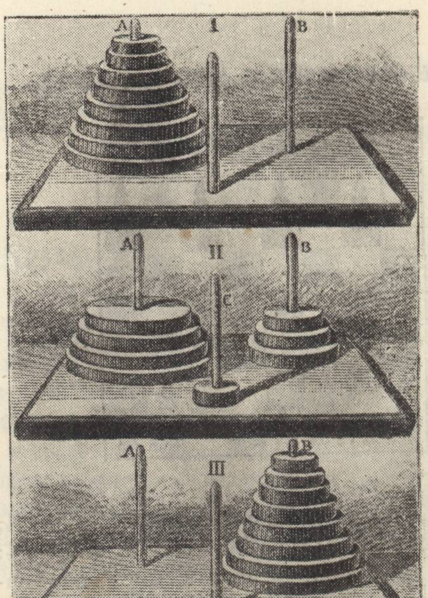
При этом нужно соблюдать следующие условия:

1) не перекосить за один раз более одного кружка;

2) класть снятый кружок только на свободную палочку или накладывать на кружок большего диаметра;

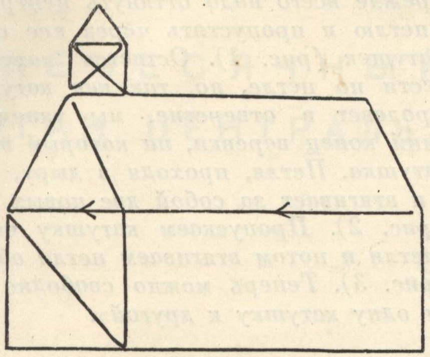
3) пользоваться можно всеми тремя палочками.

Сколько переложений кружков вам придется сделать?

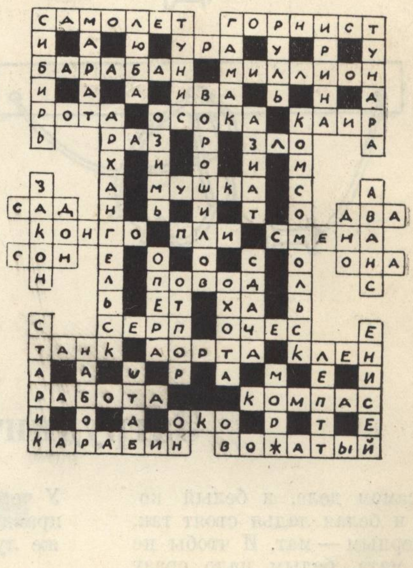
Ответы на задачи, помещенные в номере 5

Амбар со скворешником

Очень многие ребята прислали правильные решения, но в журнале мы отмечаем только тех, чьи ответы получены первыми. Вот эти ребята: Лева Захарин (Запорожье), Миша Калашников (М. Вишера), Толя Путач (Киев), Боря Храпков (Пятигорск), Шура Браун (Москва). Тата Дынина (Харьков), Игорь Смирнов (Москва), Женя Дьяченко (Новосибирск) и др.

Кроссворд

Кроссворд правильно решили: Оня Хаскелис (Москва), Вика Геринштейн (г. Кирово), Юра Тюрин (Москва), Соля Шульман (Днепропетровск), Лида Каценеленбаум (Москва), Юра Карасев (Москва), Лева Грузман (Москва), Ося Остановский (Павлоград), Леня Шейман (г. Балта), Сема Гольдберг (Смоленск), Аня Тейтельбаун (Ленинград), Миша Поляков (Тбилиси) и др.

Просчитался

Положение было такое:
БЕЛЫЕ: Крh1, Фс3, Ке5, п.п. f4, g2, h2 (6).
ЧЕРНЫЕ: Крg8, Фh4, Ле8, Сс6, п.п. в7, f7, g7, h7 (8).

Черные сыграли: f7—f6, рассудив, что так они выигрывают еще и коня: уйти коню нельзя, потому что белые теряют ферзя или получают мат.

И вдруг, неожиданно, мат в 5 ходов дали белые:

1. Фе3—в3+

«Предсмертный шах! — подумал играющий черными.— Он, верно, рассчитывает, что я пойду на f8, под мат!»

И сыграл:
1... Крg8—h8
2. Ке5—f7+

«Стоит только уйти от этих шахов, и я даю мат», — решил играющий черными.

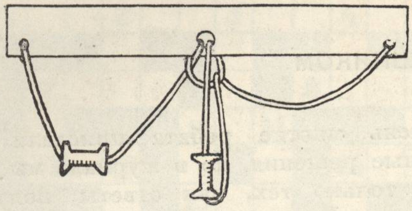
2... Крh8—g8
3. Kf7—h6++

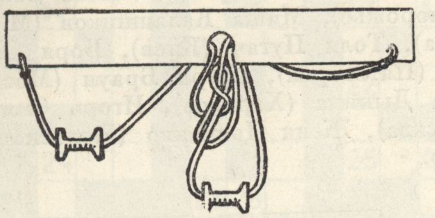
«К сожалению, у белых, оказывается, есть ничья вечным шахом. Напрасно я двинул пешку!»
3... Крg8—h8.
4. Фе3—g8+! Лс8 : g8.
5. Kh6—f7×.

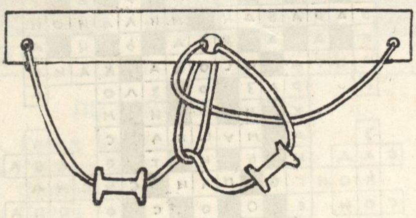
У белых остался один конь против ферзя, ладьи и слона черных!

Шахматную задачу решили: Юра Кружкин (Москва), Леня Зальцман (Баку), К. Побле (Орел), Рафа Клейн (Киев), Б. Беспалов (Подольск), В. Жарков (Москва), М. Коломенский (Москва), Сережа Брусиловский (Актюбинск).

Невозможная головоломка

Многие ребята решили «Невозможную головоломку». Мы помещаем ответ Миши Алексеева (г. Армавир), с рисунками:

«Прежде всего надо оттянуть центральную петлю и пропустить через нее одну из катушек (рис. 1). Остается катушку провести по петле, но, так как катушка не пролезет в отверстие, мы тянем за верхний конец веревки, на который надета катушка. Петля, проходя в дыру, создает и втягивает за собой две новых петли (рис. 2). Пропускаем катушку через эти петли и потом втягиваем петли обратно (рис. 3). Теперь можно свободно повести одну катушку к другой».

Все задачи правильно решили:

Ира Дорофеева (Москва), Маргарита Спельтон (Москва), Боря Папилин (Воткинск), Коля Трунов (Москва), Моня Штерман (г. Малин), Виля Виноградов (Киев).

Затруднительное положение

В самом деле, и белый король, и белая ладья стоят так, что черным — мат. И чтобы не было мата, белым надо сразу идти и ладьей и королем. Но два хода делать сразу нельзя, что же остается? Или соглашаться на ничью, или... Пожертвовать ладью, чтобы, взяв ее, черные развязались!

И белые сыграли 3.Лb1b5.

У черных теперь появился ход, правда, единственный, но чего же лучше: брать целую ладью!

3...а6:b5+

Но о каком же выигрыше могут мечтать теперь белые? У них на 2 пешки меньше, и может двигаться только король. Однако они упрямо не сдаются: 4.Крс4—с3; b5—b4+

5.Крс3—с4. И опять у черных единственный ход: 5... b4—b3.

И на этот ход последовало неожиданно: Са2 : b3 мат!

Кто бы мог подумать вначале, что белым надо отдать свою единственную фигуру, чтобы дать мат пешкой, которая была заперта тремя черными пешками и королем?!

Ответы на шахматную задачу прислали:

Мара Кантор (Днепропетровск), Л. Готлиб (Киев), Вова Рогожин (Ростов на Дону), Сережа Травничек (Харьков), Витя Козлов (г. Горький), Юра Каминский (совхоз «Гигант», Азово-Черноморский край), В. Галлерт (пос. Кратово), Игорь и Женя Семенец (Киев), Володя Тихов (Бутурлиновка), Юра Зайдекман (Таганрог), Боря Иофан (Москва).

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Зам. редактора **В. Фраерман.** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 17/VIII 1936 г Подписано к печати 1/IX 1936 г. Изд. № 792

Уполномоченный Главлита № Б—27367. 82×110—1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе 16 п. л.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. № 1750. Тираж 75 000